

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители:

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ
КОММУНИКАЦИЙ КБР
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ КБР

Главный редактор

ХАСАН ТХАЗЕПЛОВ

Редакционная коллегия:

Общественный совет:

Руслан Ацканов
Анатолий Бицуев
Эльдар Гуртуев
Адам Гутов
Ахмат Гыллыев
Хачим Кауфов
Валентин Кузьмин
Магомед Кучинаев (отв. секр.)
Владимир Мамишев (ст. ред.)
Светлана Моттаева
Ахмат Мусукаев
Ахмат Созаев
Зейтун Толгуров
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Юрий Багов
Михаил Балкизов
Хасан Думанов
Мурат Карданов
Алибек Мирзоев
Замир Мисроков
Анатолий Туркинов
Юрий Тхагазитов
Аминат Уянаева
Башир Хубиев
Хасан Шугушев
Сафарби Шхагапсоев
Тембулат Эркенов

6. 2007

НОЯБРЬ-ДЕКАБРЬ

Дорогие друзья, наши читатели!

Спасибо вам, неизменно отдающим предпочтение журналу «Литературная Кабардино-Балкария». Спасибо всем нашим подписчикам. Мы любим вас, работаем для вас. Мы вместе с вами поступательно движемся по жизни, каждый в меру своих возможностей творя достойное будущее нашим детям, нашим отдаленным потомкам.

Из года в год мы пытаемся найти пути взаимопонимания и творческой сопричастности, отражая на страницах «ЛКБ» духовную жизнь наших народов. В этом неоценимую помощь оказывают те читатели, которые откликаются на публикации произведений самых разных жанров, идейной и тематической направленности, – их письма, в которых звучат оценки, просьбы, искренние суждения, помогают ориентироваться в выборе материалов для печати. Читая наш журнал, вы знакомитесь с творчеством поэтов и прозаиков, критиков и литературоведов, ученых и общественных деятелей – неравнодушных к проблемам нашего непростого времени.

Подписывайтесь на «Литературную Кабардино-Балкарию» – журнал для людей, любящих литературу, интересующихся процессами в общественно-политической жизни, осознающих себя патриотами своей республики и страны.

Дорогие друзья – читатели нашего журнала! Вот мы с вами, слава богу, прожили еще один год нашей жизни. И надеемся живыми и здоровыми встретить новый – 2008 год.

Конечно же, как и всегда, уходящий год не был однозначным – кое в чем он был удачным, но были и огорчения. Как для каждого из нас, так и для страны в целом. Нам всем были по душе стабильность и прогресс в политической и экономической жизни страны. И то, что президент В. В. Путин, несмотря на уговоры определенных влиятельных политических кругов и лиц, категорически отвергает предложение остаться, вопреки Конституции России, еще на один президентский срок, говорит о его нежелании нарушать конституционное положение. А это есть верный признак того, что в России все более и более крепнут принципы демократии и гражданского общества, когда регуляторами жизни народа являются закон и порядок, а не пожелания отдельных групп политических деятелей и лиц.

В уходящем году жители Кабардино-Балкарии вместе и братскими народами Карачаево-Черкесии и Адыгеи отметили 450-летие совместной жизни с русским народом и с остальными народами великой России. Праздничные мероприятия прошли как у нас на Кавказе, так и в столице нашей страны – в Москве. Обо всем этом вы прочитали на страницах нашего журнала в номерах 4 и 5 этого года.

К сожалению, и этот год не был сплошь безоблачным – осенью нас всех огорчил резкий рост цен на продукты питания. Но, будем надеяться, что усилия ответственных лиц в обуздании роста цен увенчаются успехом, и благосостояние народа не ухудшится. Для этого, как сказал президент В. В. Путин, у страны есть сила и возможности.

Мы, работники редакции, рады тому, что, как и прежде, наш журнал выписывают и читают тысячи людей во всех городах и селениях нашей республики. И, конечно же, нам приятно, когда наш журнал удовлетворяет вкусам наших взыскательных читателей. Таких, к примеру, как Елена Михайловна Гужева из г. Нальчика.

«... С большим интересом читаем ваш журнал, всегда с нетерпением ждем выхода очередного номера, каждый раз открывая для себя что-то новое и познавательное, – пишет нам Елена Михайловна. – Спасибо редакции за то, что ищет и публикует материалы, связанные с историей нашей республики. В номере четвертом за этот год, посвященном 450-летию добровольного вхождения в Российское государство, прочитала столько ранее неизвестного, собранного вместе, и подумала, что это поистине малая энциклопедия истории отношений наших народов. Полагаю, этот номер может стать путеводителем в изучении истории для школьников и для всех, кто заинтересован в объективном освещении знаменательных, судьбоносных событий. В связи с этим я бы хотела попросить редакцию опубликовать, если возможно, более подробные сведения о мадемуазель

Аиссе (Хаишат), черкешенке, которая волей судьбы оказалась во Франции и была воспета многими известными людьми своей эпохи. Хочется побольше узнать об этой обаятельной черкешенке (в № 4 был только краткий очерк о ней)».

С уважением – Гужева Елена Михайловна, библиотекарь

Спасибо Вам, Елена Михайловна, за теплые слова в адрес работников редакции, мы и впредь будем публиковать материалы, интересные всем категориям читателей, которых, мы надеемся, объединяет любовь к литературе, к прошлому и настоящему нашей республики, страны.

В наступающем году вниманию любителей художественного слова мы предложим новые произведения наших известных поэтов и писателей, познакомим с начинающими талантливыми литераторами, продолжая нашу традицию, пригласим на страницы журнала авторов из соседних братских республик. Не останется без внимания и тема общественно-политической жизни, значительный объем журнала, как всегда, будет уделен критике, литературоведению, публицистике, проблемам образования в республике.

Пишите нам в полной уверенности, что ваши пожелания будут внимательно рассмотрены и учтены при формировании номеров «Литературной Кабардино-Балкарии», если мы будем вместе, журнал, несомненно, станет интереснее.

Вашу просьбу, уважаемая Елена Михайловна, мы выполним с большим удовольствием, – действительно, о мадемуазель Аиссе была опубликована краткая информация: рамки одного номера не позволили вместить всей массы материалов, посвященных нашим знаменитым соотечественникам, теперь же мы даем полный текст исторического очерка Саладина Жилетежева. Хочется также поблагодарить и других наших читателей, которые присылают нам письма и отзывы о наших публикациях. Так, в этом номере мы продолжаем печатать главы из поэмы Ануара Кучинаева по просьбе читателей, чьи письма вы увидите ниже.

Спасибо нашим дорогим читателям за отзывы, за живой и непосредственный интерес к журналу, за теплые, искренние пожелания.

С наступающим Новым годом вас, дорогие друзья! Крепкого здоровья, успехов и удачи во всем!

Сафарби ХАХОВ

ВЕЛГА

Глава из повести *

...Я повесил трубку и только тогда вспомнил, что нахожусь в редакционном кабинете, а вокруг – коллеги, кстати говоря, очень заинтригованные моим разговором с Велгой. Обычно в нашем отделе мы ничего не скрывали друг от друга, – запросто делились впечатлениями от своих мимолетных амурных увлечений. Романы на стороне мои коллеги считали делом обычным, это было что-то вроде соревнования, забавой для настоящих мужчин.

Но эти истории не могли сравниться с тем, что происходило у меня с Велгой. Здесь все было иначе: не флирт, легкий и ни к чему не обязывающий, не банальная интрижка, – меня с головой накрыла невесть откуда накатившая волна, стихия настоящей любви. Сколько тревоги принесло с собой это чувство, сильное, способное выбить из привычной жизненной колеи, но в то же время хрупкое и беззащитное: стоило кому-нибудь из моих товарищей обронить где-нибудь лишнее слово и я мог распрощаться с моей любовью.

Мое беспокойство было замечено, и в кабинете повисла напряженная пауза... которая ничем не разрешилась – никто не обнаружил желания состязаться в остроумии, несмотря на очевидный повод, а между тем Велга предупредила как-то, выказывая опасение, что со мной в отделе работает один ее родственник, – его звали Мухамедом, в эту минуту он сидел за своим столом и старательно делал вид, что его увлекла статья в газете недельной давности. По некоторым признакам в его общении со мной я еще раньше предположил, что он мог видеть меня с Велгой, – город у нас небольшой, – мое подозрение усилилось теперь – этим демонстративным отсутствием заинтересованности. В любом другом случае, услышав подобный разговор по телефону, он обязательно прошелся бы на мой счет: пошутил бы более или менее чувствительно для самолюбия, или ободрил по-свойски, в конце концов, просто подмигнул бы со значением. Но он промолчал, – ни слова! Но даже газета, которой отгородился Мухамед, показалось, шелестела в его руках как-то зловеще, словно предвещающая недоброе. Я уже не сомневался – он нас видел! Немолодого женатого мужчину и юную свою родственницу, меня и Велгу, видел во время одной из наших прогулок, хоть мы и сторонились людного центра, встречаясь

* Продолжение (см. № 4, 2006).

где-нибудь в затерянных аллеях парка или меряя неторопливыми шагами тихие улицы окраин.

Что будет, если он расскажет об этом ее родителям? Точно, что в восторг они не придут. Я знал – у Велги были сестры, и старше ее, и младше. Самая младшая заканчивала в этом году школу. Как там ни будь, а разговор с Велгой меня воодушевил, я даже старался не смотреть в сторону моих товарищей, чувствуя, что мои глаза источают сияние при мысли о сегодняшней встрече с ней.

На пути к счастью я не посетую на трудности. Быстро привел в порядок текущие дела, подготовил к работе предстоящие. Встал и вышел в коридор, не в силах усидеть на месте. Постоял в курилке, слушая высказывания заядлых болельщиков о прошедшей игре «Спартак». Они спорили, горячились, больше всех – репортер из отдела спорта, претендующий на неоспоримость своего мнения, которое он раз в неделю навязывал читателям субботнего приложения. Я слушал, и смысл их разговора так и оставался на поверхности сознания, зато блеск в моих глазах, принимаемый за интерес, явно поощрял спорщиков. Меня отделяла от всех невидимая оболочка тайны, внутри которой мне было все нипочем, и чем ближе подходил вечер, тем выше приподнимала меня волна радости. Вернулся в кабинет, но ни о чем уже не мог думать. Кое-как скоротал время до шести и полетел к моей райской птичке.

Рядом с ее общежитием был старый сквер, в нем вольно разрослись деревья и кустарники, даже днем там можно было уединиться, как в лесу, меж тем проезжая часть улицы была всего в полусотне шагов. Несколько кизильных деревьев, высаженных в круг, переплелись кронами и образовали зеленую беседку, – там мы и встретились, сойдясь в объятиях и слившись в долгом головокружительном поцелуе. Затем, присев на поваленный ствол, я посадил Велгу на колени. Она достала из кармана конфету, ловко развернула ее и положила мне в рот, поблескивая улыбкой в ступившихся сумерках.

– Я так по тебе соскучилась!..

– Я тоже, радость моя, не знал, куда деваться в ожидании этой минуты. Ну что тебе стоило позвонить раньше! Разве в общежитии нет телефона? Я бы мог и сам позвонить...

– Есть, но я не думаю, что старая вахтерша даст себе труд подняться и позвать меня к телефону.

– И все-таки скажи мне номер, в крайнем случае я как-нибудь уговорю старушку.

Велга записала номер на конфетной обертке и сунула ее в наружный карман моего пиджака.

– Попытайся, особенно если тебе надо будет срочно ехать, как вчера.

– Хорошо, я так и сделаю. Но... если ты будешь звонить мне на работу... Понимаешь, тут такое дело...

– Что-то не так, милый? – заглянула в мои глаза Велга.

– Ты сама знаешь, что Мухамед, этот твой вездесущий родственник, да и остальные тоже... Не хочу, чтобы они болтали.

– Я и сама беспокоюсь. Как же нам быть?

– Давай договоримся так: если не крайние обстоятельства, что-нибудь из ряда вон, будем встречаться каждый вечер здесь, в любую погоду. Если же будет необходимость позвонить на работу, говори, только услышав мой голос, поднимет кто-то другой – молча повесь трубку. Считай, что и в этом случае ты меня предупредила, звонок и молчание в трубке для остальных может означать что угодно, для меня – знак, что ты ждешь.

– Но как я узнаю, если из-за семьи или из-за чего-нибудь еще ты не сможешь прийти?

– Не знаю. Попрошу вахтершу... Велга, мы же встречались у самого подъезда, ты выйди, подожди немного, а если меня не будет, возвращаясь. И все-таки я использую любую возможность, чтобы предупредить тебя...

Велге этот разговор показался слишком долгим, она перебила меня на полуслове, закрывая рот поцелуями. Понятно, что я замолчал, отвечая ей тем же. Сейчас мы вместе – и это главное!

Кажется я уже говорил это... Есть что вспомнить. У нас с Велгой было много сладких вечеров, памятных каждой минутой, проведенной наедине.

В начале октября, в выходной по случаю принятия новой конституции, мы сидели в нашей кизиловой беседке.

– Сегодня седьмое число, этот день теперь будут праздновать каждый год. Мы сейчас вместе, не знаю, как ты, но для меня нет ничего приятнее минут наших встреч. Хотелось бы, чтобы так осталось навсегда, чтобы всю жизнь мы вспоминали этот праздник.

Велга поняла, о чем я, согласно кивнула.

– Да, пусть этот день будет нашим, только нашим праздником, напоминанием о самом светлом в жизни...

– Знаешь, о чем я подумал! Где часы, который час?.. Велга, давай в десятилетний юбилей новой конституции, в шесть без одной минуты, как вот сейчас, встретимся здесь, как бы там ни было, где бы ты ни находилась.

– Хорошо, – улыбнулась она, – если доживу до этого дня, то седьмого октября... дай посчитать, восемьдесят седьмого года мы встречаемся на этом самом месте.

– Не смейся, десять лет – срок немалый. Отпустит ли тебя твой супруг, ведь к тому времени ты обязательно обзаведешься семьей. Приходи, несмотря ни на что!

– Да, милый, обязательно!

– Приходи даже с грудным младенцем на руках, приходи с ним! Даже если будешь очень далеко отсюда, сумей сделать это, приходи!

– Хорошо, только я не верю, что выйду замуж. Наверное, меня ждет участь старых дев.

Велга отстранилась от меня, и лицо ее скрыла темнота, царившая в нашем убежище. Я удивленно спросил:

– Почему?

– Ну, я встречаюсь только с тобой, больше ни с кем... Возможно, так будет и дальше, если нам не помешают, если позволят...

– Велга, ты говоришь глупости. Помешают или нет – это другой вопрос, а насчет замужества... Да как ты могла такое подумать! Если ты встречаешься со мной... Женятся и на разведенных, и даже с детьми, даже не на таких красивых, как ты! Да тебе только пальцем стоит поманить, кого угодно, когда угодно! Если бы я мог, ни за что не упустил бы тебя. Но нельзя, обстоятельства сильнее... Почему ты так поздно появилась в моей жизни, почему тебя не сотворили в одно время со мной...

Велга совсем загрустила. Я мягко притянул ее к себе, поцеловал. Она не сопротивлялась, но и грусть не отпускала ее, безвольную, как будто равнодушную. Я снова поцеловал, сжал в объятиях, и тогда, словно выжатый из нее, прозвучал вопрос:

– Жамал, а как зовут твою жену?

– Тамара...

– Любишь ее?

Я отпустил Велгу и ответил, глядя себе под ноги:

– Нет.

– Но ты ведь живешь с ней...

– Видишь ли... да, так и получается: без любви, но живем вместе.

Общий дом, дети, дело...

– Но почему же ты женился, если не любил?

– Я был молод... глуп. А Тамара, она была старше меня, намного.

– На столько, на сколько и ты старше меня?

– Нет, что ты! Я бы не женился, с такой-то разницей в возрасте.

Мужчина может быть старше жены, а вот женщина... это совсем другое дело, понимаешь?

– Думаю, что да.

– Получилось так, что наша соседка хитростью окрутила меня с ней, в возрасте, некрасивой... Но вот, живем. Ничего не поделаешь.

– Прости, а когда ты ее взял... ну, словом, она была девственницей?

– С ее внешностью могла в девках и состариться. Вовремя соседка подсуетилась, заморочила мне голову. Да, я был у нее первый. И наверняка последний.

– А сейчас вы спите в одной постели? Ты бываешь с ней?

– Эх ты, дурочка моя. Смотри-ка, о чем она спрашивает! Нет, я не трогаю ее. Супруги только по названию.

– И что, так обычно и бывает, когда люди долго живут вместе? У всех так или... Знаешь, я на днях ездила домой, в село, и то, что я увидела... В общем, в дом вошла со двора, незаметно, и в дальней комнате вдруг увидела родителей. Обнялись и целуются. Так же незаметно я и убежала. А ведь мои родители еще старше, чем вы с Тамарой. И отношения у вас такие, наверное, из-за меня?

– Велга, ну что сегодня лезет в твою голову! Нет, ты здесь не при чем. Это началось уже давно. Я же говорил, что никогда не любил ее. То есть «никогда» – это не совсем верно: нельзя отменить то время, когда я

был опьянен близостью с ней. Но и это не вмещало даже тысячной доли того, что есть во мне и называется любовью. Это чувство так и осталось нерастраченным, и оно должно было достаться какой-нибудь женщине, пусть даже и не тебе. А тебя я искал всю жизнь, и как же я был несчастен до той поры, пока, наконец, нашел! Только сейчас я могу сказать, что счастлив...

Не договорив, я снова притянул к себе Велгу. Она ответила торопливым объятием, в котором чувствовался трепет молодого, сильного тела. Наши взгляды встретились, и тогда она вдруг сказала:

- Разведись с Тamarой и женись на мне!
- И ты действительно выйдешь за меня?
- Не сомневайся!

Она обмякла в моих руках, но искра, проскочившая между нами, только обожгла, отнесена в сторону словами, лишними в такую минуту.

– Нет, Велга, наверное, я не смогу решиться на это, слишком многие пострадают в результате. Не хочу тебе лгать...

– Но ведь мы знаем случаи, когда знаменитые, богатые люди и в более старшем возрасте обзаводились новыми семьями. Ты ведь известный поэт...

- Я тебя люблю, но...

Велга посмотрела на меня, весело улыбаясь, и даже с нежностью, но голос выдавал некоторое разочарование:

– Я шучу, не бойся. Если бы ты захотел ее бросить ради меня, я первая не позволила бы тебе сделать это.

* * *

Дома я был хмур и молчалив, весь вечер думал о нашем разговоре. В голове звучали обрывки фраз, слова, сказанные нами. «...Участь старых дев». Нет, такие в девках не засиживаются. Любому мужчине понравятся и ее внешность, и характер. И все-таки почему она об этом сказала? Хотела, чтобы я тоже подумал о том, что ее беспокоит? А чего тут думать... Она ясно сказала: «Разведись с Тamarой и женись на мне». Достаточно ли серьезно это было сказано? Велга, конечно, понимает, сколько мне может стоить подобный шаг, но если бы все было по-другому, она бы вышла за меня, уверен. Если бы она меня не любила, разве наши отношения могли быть такими? Нет, я еще не стар, если нравлюсь красивой восемнадцатилетней девушке, далеко не стар! Мне не встретилась – в мои восемнадцать – такая любовь, она пришла теперь, окрылила, и я в самом деле чувствовал себя молодым и способным на многое. Я летел, уже забывшись сном, поднимаясь над землей все выше, все большее пространство открывалось подо мной. И стоило мне снова снизиться, я даже не шевелил руками: усилием мысли снова взмывал в высоту! Говорят, что такие сны приходят только в юности, пока человек продолжает расти, формироваться. Но я нигде не слышал, чтобы об этом рассказывали люди моего возраста. Моя любовь поистине окрыляла, заставила помолодеть. Потому и летал я во сне, как набирающий силу юноша, свободно перемахивая через реки, поднимаясь над горными хребтами, захлебываясь восторгом высоты.

Когда мужчина встречается с любовницей, он, как правило, дарит ей что-то: цветы, косметику, дорогие сувениры – все, что подсказывает фантазия и позволяет кошелек. Многие разоряются, встречаясь с подобными женщинами, ничего не жалея для них. Не припомню, чтобы я, собираясь на свидание с Велгой, прихватил с собой хотя бы конфету в кармане. Мне не жалко, мне просто в голову такое не приходило. Для меня огромным подарком было видеть ее, разговаривать, чувствовать на своих губах ее сладкие поцелуи. Думаю, что и она относилась ко мне так же. Однако, собираясь встретиться с ней седьмого ноября, купил ей к празднику коробочку хороших духов.

Мы встретились, как обычно, уже решив все сложности, бывшие сначала – с определением места и времени наших свиданий. Я поздоровался и протянул свой подарок.

– С праздником, моя райская птичка!

Она приняла коробочку, удивленная и явно обрадованная, затем обняла меня и поцеловала. Потом, вспомнив что-то, расстегнула свою сумочку, с которой была неразлучна, и достала из нее какой-то сверток.

– Я тоже хочу поздравить. Дай Бог тебе счастья!

В свертке оказалась рубашка, красивая, дорогая, таких в магазинах не найти, только у спекулянтов!

– Милая, зачем? Что ты делаешь? Я знаю, сколько может стоить эта рубашка. Разве можно тебе, студентке, с твоей стипендией...

– Какая разница. Дело не в том, сколько стоит твой подарок любимому человеку или его подарок тебе. Тебе ли, мой поэт, не знать этого!

И она снова прижалась ко мне, поцелуем лишая возможности сказать еще что-либо. Так, обнявшись, мы вошли под своды нашей кизиловой беседки. Вдруг Велга остановилась, посмотрела долго и, показалось мне, вопреки истине. Сказала, как с крутого берега шагнула:

– Идем ко мне.

– Но как?..

– Что значит, как? Как обычно ходят люди.

– Да, но твои соседки...

– Все разъехались по домам, три дня – выходные. Я успела съездить, и вернулась, как ты знаешь, сегодня.

– А меня туда пустят?

– Не знаю, – Велгу, казалось, оставила ее решимость, впрочем, только на несколько мгновений. – Но я и не видела, чтобы там кого-нибудь задерживали. Знаешь ту старушку, вахтершу, иди себе мимо, не останавливаясь, а если окликнет, скажи, что срочное дело и ты ненадолго. Назови номер... любой, какой придет в голову. Мой ты знаешь. И вот еще: в коридоре не задерживайся, поднимешься на четвертый этаж, повернешь направо. Дверь мою, надеюсь, найдешь без труда. Иди, милый, а я – следом.

У входа в общежитие не было ни души, хоть барана тащи за рога, лишь бы не блял. Я вошел, спиной чувствуя напряженный взгляд Велги. На лестнице мне тоже никто не встретился. Дверь в ее комнату оказалась открытой, я переступил через порог и остановился, привыкая к темноте.

Не прошло, наверное, и минуты, как она вошла следом, невидимая проскользнула к окну, задернула занавеску, лишь затем включила в комнате свет. Вернулась к двери и, стараясь не шуметь, заперла ее на два оборота ключа. И только тогда обернулась и посмотрела на меня. Я шагнул навстречу ее взгляду, мы снова обнялись, радуясь, что все так удачно складывается – никто не помешал, никто и не думал нам препятствовать.

Велга между тем засуетилась, принялась накрывать на стол.

– Да подожди ты, зачем? Я не голоден.

– Нет, нет, и слушать ничего не буду! Сегодня праздник, – щебетала моя птичка, – и стол должен быть, и все как полагается, даже если ты и не голоден.

Смотрю, а она и «беленькую» ставит.

– Ты, видно, не на шутку собралась праздновать.

– А почему бы и нет! Разве мы хуже остальных? Это я из дому привезла. Знаешь, у нас в такие дни бывает очень уютно и весело. И когда все гости уже собрались, я подумала, хорошо бы и тебя вместе со всеми посадить в кругу близких мне людей. Я буду думать, что все так и было, если налью тебе из бутылки с того, домашнего стола. Только не смейся над моей причудой, я просто хочу немного радости... Это мясо тоже с того стола, попробуй, не откажи... – и Велга улыбалась, как могла только она, улыбкой, от которой на меня наваливалось ощущение непомерного счастья, и тогда я терял все свои мысли, кроме одной: «За что мне это, чем заслужил эту радость?!»

Она усадила меня за стол, сама села напротив.

– Угощайся...

– Велга, душа моя, – начал я несколько смущенно, – я не привык к таким вещам. Нет, речь не о столе, не об угощении. Мне много раз приходилось сидеть за праздничным столом, уставленным самыми изысканными блюдами, слушать приятные слова, видеть дружеские улыбки. Не было у меня другого – чтобы стол этот накрыла любимая женщина, чтобы она вот так же сидела рядом и была лучшим украшением праздника. С Тamarой у меня такого не было, ни до свадьбы, ни после. Ни вкуса такого необыкновенного, ни этой атмосферы уюта, радости, полноты жизни, все чувства – через край! Велга, больше всего меня радует то, что я сижу с девушкой, которую люблю всем сердцем, всей душой! Я уже говорил, что ничего подобного в моей жизни не было. Не пришлось гулять с любимой девушкой под руку, ходить с ней в кино, на речку, покупать в парке воздушные шары и, смеясь, отпускать их в небо. Ничего, абсолютно ничего похожего! Все это пришло ко мне с тобой, все впервые. Хочешь спросить, а как же я встречался с будущей женой? А мы не встречались, не было у нас свиданий. От момента нашего знакомства до женитьбы и суток не прошло. Какая там романтика, какая любовь... С тех пор и завидую, когда вижу юную пару – молодых людей, беззаботно идущих по улице, обнявшихся, не замечающих вокруг ничего, кроме своей любви. Нет, теперь не завидую, теперь у меня есть ты, подарившая то, чего я был лишен в юности, что не встретилось в молодые годы, но о чем я не

переставал мечтать. И все, что сейчас со мной происходит, поражает меня новизной, свежестью, чистотой. Ты – необыкновенная девушка, ты и не подозреваешь, что для меня сделала... – я запнулся, видя немного растерянный взгляд Велги, налил себе минералки и чуть погодя продолжал более уравновешенно: – Я этого никогда не забуду, как бы ни сложилась наша дальнейшая судьба...

Я говорил, глядя на ее розовые губы, глаза – доверчивые и все понимающие, и не заметил, как меня снова понес поток восторженности, который очень скоро превратился в мощную волну, подхватившую и меня, и Велгу, повлекшую к ее узкой студенческой кровати... Она опомнилась первой, когда моя рука скользнула под ее платье, оттолкнула, рывком поднялась, но тут же улыбнулась, поправила прическу и немного скованным голосом предложила вернуться за стол. Я что-то пробормотал в оправдание и поспешил воспользоваться этим предложением.

Все было очень вкусно, я клялся, что ничего вкуснее в жизни не пробовал, и это была чистая правда. За первой рюмкой последовала другая, третья, приятное тепло согрело желудок, смягчило ощущение скованности, обозначившейся в нашем разговоре после неловкой сцены. Я снова потянулся за бутылкой, чтобы налить...

– Больше не надо, – рука Велги перехватила мою на полпути, – опьянеешь.

Я и в самом деле выпил почти всю бутылку, она так и не позволила налить и ей, немного поела и выпила капельку апельсинового сока. Но раз уж взялся, – во мне разыграло мужское самолюбие, если не сказать самонадеянность, – я придвинул к себе фужер для минеральной воды и вылил в него остаток водки. Пожалуй, после этого я воспринимал реальность в несколько упрощенном виде. Оглядел стол, на котором не оставалось ничего съестного, поднялся и снова направился к ее кровати. Каким-то странным образом она оказалась рядом. Торопливо, не глядя друг на друга, мы разделись, она осталась в купальнике, я в плавках, как на пляже в тот раз. Но в этот раз я хотел большего.

– Жамал, перестань...

– Но почему? На пляже мы боялись, что нас кто-нибудь заметит. А теперь никого нет, никто не видит, не слышит...

Велга промолчала.

В дверь кто-то постучал. Громко, настойчиво. Мы затаились, едва дыша. Стук повторился еще громче, затем голос:

– Велга, открой!

Мы и вовсе перестали дышать.

– Да что с тобой, Велга, слышишь, почему ты не отвечаешь? Открой!

– Кто это? – шепнул я в горевшее ухо девушки.

– Я пропала. Представляешь, это одна из моих соседок по комнате, она же домой уехала, – почти застонала от отчаяния Велга. – Неужели опоздала на автобус и вернулась!.. Я опозорена, что теперь делать?..

За дверью послышался еще чей-то голос, видимо, подошла соседка по

коридору, они стали обсуждать странное молчание в комнате, в середине которой стояли мы, оцепенев, не зная, как быть. Пол под нами уподобился тонкому льду, вот-вот треснет – и ужасная пучина поглотит наши озябшие тела. А за дверью уже несколько голосов, да их там, кажется, толпа собралась, бездельников.

– Она должна быть здесь, я видел ее...

– Да точно в комнате, чего переполошились, заснула, наверное.

– От такого стука и мертвая проснется. Нет, здесь что-то не так...

Велгочка! Ответь нам, иначе придется дверь вышибать...

– Живо лезь в шкаф, – вышла из оцепенения Велга, – я что-нибудь придумаю. А когда все разойдется, уведу подружку к соседям, тогда беги, но осторожно, прошу тебя.

– Я? В шкаф? Ни за что! Пусть хоть разорвут меня в клочья, не полезу!

– Жамал, милый, – она чуть не плакала, – я пропала, об этом будут знать все, и родные, и знакомые, весь город! И с учебы меня отчислят...

Положение, в котором я и в кошмарном сне не бывал, дикое, нелепое... Что-то и в самом деле надо предпринимать. Связать простыни веревкой и выбраться через окно? Будь что будет! Спущусь, насколько позволит веревка... какой этаж? четвертый, и там еще окна трех нижних этажей... заметят... Все лучше, чем быть пойманным здесь, как в мышеловке.

Лихорадочно набросился на простыню, стараясь не шуметь, руки дрожали, ткань не поддавалась... Вдруг Велга тронула меня за руку, поднесла палец к губам. «Послушай...» – и взглядом указала на дверь. Я прислушался, действительно за эти мучительные для нас мгновения за дверью что-то изменилось... стихли голоса, и больше не стучат... Может, пошли за топором?

– Ну что ты там, Зоя, – послышался женский голос, спокойный, уверенный, – зачем торопиться, ломать казенное имущество? Куда тебе спешить, спать побыстрее завалиться? Пойдем к нам, дорогая, посидим, поужинаем, а там и соседка твоя объявится: или проснется, или придет, если вышла, мало ли какая у нее забота, пойдем...

Мы прислушивались к каждому звуку, к каждому шагу в коридоре. Велга стояла, прижавшись к двери, приложив ухо к самому проему. Так прошло еще несколько томительных минут, наконец, осторожно повернув в замке ключ, она шепнула: «Выходи, быстро, прошу тебя...»

Я крался по коридору, на ходу заправляя рубашку в брюки, – кажется, никого. Слетел по лестнице и оказался на улице, отметив, что и у входа не оказалось лишних свидетелей. Только тогда я заметил, как весь вымок от пота. Меня сотрясала нервная дрожь. Оглянулся: на четвертом этаже в освещенном окне показался знакомый силуэт, затем окно растворилось, из него выглянула Велга, обеспокоенная, стала делать мне какие-то знаки. Я поднял вверх большой палец, дескать, все нормально. Она помахала вслед рукой...

Вид у меня, понятное дело, был не самый лучший: когда вернулся домой, у моих вопросительно вытянулись лица. Здесь же была и старшая дочь с ребенком. Знала бы она о приключении, из которого только что чудом выбрался ее отец!

– Что-нибудь случилось, папа? Ты здоров?

– Ничего, устал немного. Мы сегодня посидели на работе по случаю праздника. Рубашку вот подарили... – я бросил сверток на подзеркальник в коридоре, где у нас стоял телефон, а жена обычно складывала квитанции за коммунальные услуги и за прочие расходы, хотя я никогда и не требовал от нее подобной отчетности...

– Какая красивая рубашка! – Дочь успела развернуть пакет и теперь подошла ко мне, чтобы посмотреть, к лицу ли. – Как она тебе идет! Знаешь, на работе мы тоже собираем на подарки нашим мужчинам, покупаем обычно шарфики или галстуки, это бывает только на двадцать третье, ну и они нам что-нибудь дарят к восьмому марта. Но в ноябре...

Сославшись на ту же усталость, я не стал ужинать и поскорее отправился спать. Долго лежал без сна, чувствуя боль в суставах, тело налилось тяжестью, не давали покоя мысли. «Что я делаю? Какой нормальный человек позволит себе оказаться в ситуации, подобной тому бреду, из которого я так бесславно сегодня выпутывался? Чего я только не натерпелся! И не один я это испытал, я ведь и этой милой девочке осложняю жизнь! Нет, надо прекращать...» Однако я хорошо знал, что ничего из моих благих побуждений не получится. Еще не настанет утро, а я уже буду отчаянно скучать по ней, ждать и торопить минуту новой встречи, и случай в общезитии, хоть и послужит мне уроком, не отобьет желания видеться с любимой.

Как бы то ни было, три дня после этого я был очень осмотрителен. Прислушивался к разговорам, присматривался к лицам сослуживцев, и дома и на работе держался напряженно, словно ожидая удара в спину. Впрочем, это напряжение скоро спало, наши встречи возобновились, все пошло по заведенному кругу. Велга, бедняжка, тоже оправилась после того потрясения, смотрела по-прежнему весело, даже с задором. Более того, мы рискнули снова встретиться в общезитии, это потом повторилось не раз и не два, случалось, я у нее и на ночь оставался. Мы привыкли друг к другу, к этим встречам, этого уже нельзя было изменить, это стало единственным смыслом нашего существования, об этом были все наши мысли... Бывало, по несколько раз в день, без видимой причины, она звонила мне на работу. «Чем занимаешься? Давай поговорим...» Мне были приятны эти разговоры, как мужчине мне льстило ее желание видеть меня каждую минуту, говорить со мной, продолжать наши отношения, не задумываясь, к чему они приведут и правильно ли мы поступаем. Если я должен был отлучиться с работы хотя бы на час, она первой узнавала об этом. Возвращался, а она уже звонит: «Почему так долго?», словно я был в недельной командировке. На каждый праздник она дарила мне что-нибудь, я и сейчас храню трогательные знаки ее доверчивой любви: рубашки, авторучки, браслеты для часов... И сам, конечно, старался пре-

взойти ее, удивить своими подарками, сердцем чувствуя, что не этим я ей дорог, что Велга действительно меня любит. Но почему, каким странным, чудесным образом случилось так, что всем своим неженатым друзьям она предпочла именно меня? Этого я не понимаю и по сей день.

Иногда вместо прогулок, опасаясь особенности нашего небольшого городка: все обо всех все знают, – мы садились на автостанции в любой проходящий «Икарус» и уезжали в областной центр, благо, расположен он был в полутора часах езды. Так было гораздо спокойнее, мы чувствовали себя отдыхающими, туристами, ходили по улицам, держась за руки, хохотали по любому поводу, обедали в открытых кафе, сидели в кино, смотрели концерты, – словом, перемена обстановки делала наши отношения еще более тесными и освобождала от обычного ощущения запретности, незаконности происходившего между нами.

В одну из таких поездок Велга взяла с собой, как я понимаю, что-то вроде дневника. Я листал ее тетрадки, где были подготовлены ответы к экзаменационным работам, и случайно наткнулся на эти записи. Она сама попросила поддержать бумаги, пока я ждал ее в прохладном фойе парикмахерской, куда она решила заглянуть «на минутку». Всем известно, сколько долго длятся эти минутки, от нечего делать я принялся за чтение и скоро с изумлением обнаружил, что писала она обо мне: «...Он старше меня, мудрее, – выводила она старательным ученическим почерком, – поэт. В книжных магазинах продаются сборники стихов с его портретом. По радио и по телевизору передают песни, написанные на его стихи. Большой человек! Я знакома с такой знаменитостью, он со мной! Это счастье для меня! Словами не передать, как я горжусь, что он тратит на меня свое время. Когда я с ним, я думаю, это сон или действительность? Я выучила многие его стихи наизусть. Как бы мне хотелось показать свое счастье, свою гордость всем, но что поделаешь, нельзя. Я иногда сомневаюсь, может ли любить меня такой необычный человек, поэт. Чтобы такой человек меня любил! Как я завидую артистам, писателям, талантливым людям. У меня нет никакого таланта. Я не могу вообразить свое счастье, я никогда бы не поверила раньше, что такой человек заметит меня...» Читая эти строки, я, кажется, начал кое-что понимать. «Талант, большой человек, поэт...» Эх, дурочка моя, моя бедная райская птичка, ты действительно паришь в небесах, здесь, на грешной земле, тебе все покажется в другом свете, обо всем ты будешь думать иначе.

Судя по числу, которым была помечена запись, она сделана где-то спустя три месяца после нашего знакомства. С тех пор отношение Велги ко мне не изменилось, разве что чувства стали более обостренными, открытыми.

Итак, теперь я знал, чем, собственно, понравился восемнадцатилетней девочке, что послужило поводом для сближения с ней. Она считала, что отсутствие в ней таланта – такого желанного – каким-то образом компенсируется общением со мной. Почему я до сих пор не подумал о такой основе, именно о таком составе почвы, на которой вопреки всему произросла и окрепла наша взаимная любовь, а это была любовь, я не

видел причин сомневаться в этом. Но ведь давно можно было догадаться по ее словам, сказанным в мой адрес, очень приятным словам. Она постоянно говорила о книгах, которые прочитала или хотела бы прочесть, о литературе вообще; она знала наизусть мои стихи; она интересовалась творчеством и жизнью писателей и поэтов. Если в какой-нибудь газете печатали фотографию известного певца или актера, она вырезала ее и носила в сумочке, вместе с множеством таких же вырезок. «Как бы мне хотелось петь, – слышал я не раз, – жаль, голоса нет, нет таланта...» Именно поэтому временами на нее находила грусть.

Бедная, прекрасная моя райская птичка, как же тебе будет больно, когда ты откажешься от своих иллюзий или, хуже того, когда кто-нибудь безжалостно разобьет их. Когда ты помотришь на мир не сквозь призму мечтаний и грез, но вооружив взгляд жизненным опытом.

До встречи со мной она была подобна чистому листу, – пиши, что хочешь. Я обязан был заполнить этот лист совсем другими знаками и символами, нежели те, что начертал человек с рассудком, затуманенным любовью. По праву старшего я мог употребить свой опыт во благо этого юного существа, наивного, увлеченного ложным блеском, но доброго и искреннего. Я этого не сделал. Не познав в молодости горения настоящей любви, я ринулся на открытый огонь с безрассудством мотылька, долго сидевшего в платяном шкафу и одуревшего от запаха нафталина. Свежесть, неповторимая сладость молодости влекла меня и теперь, и не было сил противостоять этому влечению.

Однажды утром в телефонной трубке – голос Велги:

– Как дела?

– Ничего, нормально...

– Я хочу попросить тебя кое о чем, сделаешь?

– Ты еще спрашиваешь!

– Ну ладно, тогда все расскажу при встрече, не телефонный разговор.

– Хорошо, как скажешь.

Вечером мы встретились. Надо заметить, что привычка не сгладила, не притупила остроты восприятия друг друга: я по-прежнему, завидев ее, терял голову, ее поцелуи, как и раньше, были чисты и освежающи. Чуть позже, пережив минуты полного отрешения от действительности, мы вернулись к прерванному разговору.

– Знаешь, а меня направляют в село.

Речь шла о работе, о распределении выпускников. Расспросив, я выяснил, что это село находится в отдаленном районе. Обстоятельство, совершенно выпущенное из перспективы, хотя можно было предположить, что когда-нибудь оно возникнет и разъединит.

– А кто-то из твоих сокурсников остается в городе?

– Не знаю. Честно говоря, не верится мне, что смогу работать в школе, преподавать, хоть и училась этому. Жамал, может, тебе удастся что-нибудь сделать, помочь... в общем, чтобы я осталась здесь. Не хочется мне ехать

в это село, неизвестно, как там сложится, я просто боюсь: одна, кругом все чужие...

Я подумал, что она не хочет ехать, чтобы не расставаться со мной, и к сердцу поднялся прилив благодарности, качнул его теплыми волнами. Эх, птичка моя райская, кто бы знал, куда и зачем мы идем. Может, было бы лучше все-таки уехать в это село? Встретила бы там ровесника, хорошего парня, полюбила... Как же ты не понимаешь, что тебе надо жить иначе, не связывая себя отношениями с человеком, вдвое старше...

– Почему ты молчишь, Жамал? Не хочешь, чтобы я осталась? Не можешь? Или у тебя нет друзей, знакомых, кого бы ты мог попросить?..

– Не знаю... наверное, есть, но...

– В чем же дело?

В черных глазах Велги отобразилась напряженная внутренняя работа – какие-то подсчеты и вычисления. Она знает, что люди иногда пользуются своей известностью, авторитетом, своими связями, и она права. Ей кажется, что и я способен решать проблемы таким же способом. Мне захотелось во что бы то ни стало оправдать ее ожидания. Несмотря на то, что в далекой сельской школе ждут новую учительницу; что для того ее и обучали столько лет. Конечно, человек волен выбирать. Люди меняют и места работы, и профессии, стараются найти где получше, кто их упрекнет?..

Она смотрела уже с нетерпением, нервно закусив губу, а я сидел, не зная, с чего, собственно, начинать. И все же сказал:

– В городе проблем с работой не будет, место всегда можно подыскать. Вот только как быть с сельской школой? Захотят ли они тебя отпустить? Это главный вопрос.

– Я слышала, что одна из наших выпускниц еще раньше была направлена в эту школу и там... как же это называется?.. Короче, она устроилась на работу здесь. А у тебя есть знакомые в министерстве?

– Есть, я многих знаю. Но дело в том... понимаешь, если человек не твой должник, то знакомство мало что решает.

– Значит, я не могу надеяться на тебя?

– Можешь, почему нет! Надеяться никому не запрещено...

Я попытался перевести разговор в шутовское русло, но ей явно было не до смеха. Свидание не задалось: оказалось, что есть нечто более важное, чем обычное наше времяпрепровождение, во всяком случае – сейчас.

Мне пришлось перебрать в уме всех своих знакомых. Наконец, решил-ся позвонить одному из них, так, мол, и так, нужно помочь родственнице с распределением.

Знакомый ответил вполне сочувственно:

– В министерстве образования работает мой школьный товарищ...

– Ты смог бы поговорить с ним?

– А когда нужно?

– Чем скорее, тем лучше: учебный год на носу.

– Да хоть сейчас!.. Впрочем, с утра у них там совещания всякие...

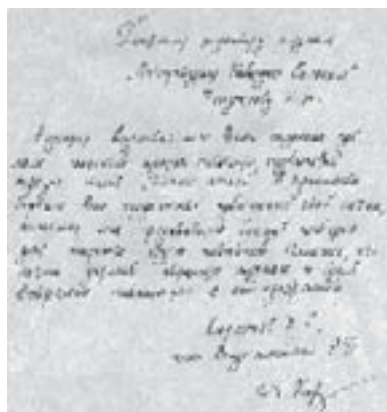
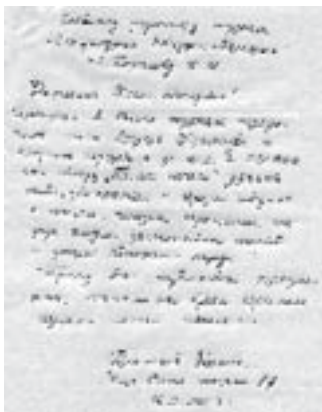
Давай лучше встретимся после обеда и пойдем вместе. Я думаю, он сможет посодействовать.

Я тут же позвонил Велге, сообщил, что дело, кажется, сдвинулось с места. В назначенный час мы ступили на красную ковровую дорожку министерства, и мне показалось, что это – финишная прямая к успеху. И действительно: школьный друг моего приятеля оказался очень важной фигурой, однако ждать в приемной долго не заставил. Встретил радушно, усадил в мягкие кресла, предложил кофе... Во мне появилась уверенность... которая тут же и угасла, когда хозяин высокого кабинета, выслушав нашу просьбу, заговорил:

– Поймите меня, я ругаю их за упущения в учебном процессе, вызванные в том числе и недостатком квалифицированных кадров. И после этого отнимаю молодого специалиста? Несolidно получается. Не обижайтесь, но давление с моей стороны в данном случае исключено. Сидите, – движением руки он остановил нашу попытку подняться. – Можно зайти и с другой стороны. Поезжайте в это село и поговорите с директором школы. Если он отпустит, мы возражать не будем...

Перевод Л. Местича

Анур КУЧИНАЕВ

ПОЭМА СКОРБИ *

...Фронт двигался по всей его длине,
 Цвела флажками маршальская карта.
 В Балкарии, как и во всей стране,
 Готовились встречать восьмое марта...

3

Ночь накануне праздника... Каким
 Приснился он измученным балкаркам?
 Живыми бы родных увидеть им –
 Нет праздника желанней и подарка.

К рассвету, потревожив светлый сон,
 Раздался стук распахнутой калитки,
 Подкованных сапог тревожный звон:
 Шаги звучали, как стальные слитки.

* Продолжение (начало см. № 5, 2006).

И – в дверь входную кто-то постучал
Тяжелым кулаком, затем – прикладом.
И – как пролаял – что-то прокричал...
Беда уже таилась где-то рядом,

Она уже поставила свой знак
На каждое балкарское семейство.
Никто еще не ведал: кто и как
Вершить намеревается злодейство.

Хоть и пришли досветною порой,
Но время за окном уж больно строго:
Война, – поди попробуй не открой
Тому, кто надрывается с порога...

В испуге мать не знала, как ей быть,
У входа в спальню замерла, бледнея...
А там, снаружи, продолжали бить.
«Откройте дверь!» – услышал, как во сне, я.

И снова крик, и – плечевой напор.
Дверь поддалась, в петельном ржавом вое.
Бранясь, военный входит в коридор,
За ним, грозя оружием, входят двое.

Казалось, первый гнул земную твердь –
Верзила с необъятной ширью стана.
Второй – высокий и худой, как жердь,
И на соседа смахивал, Солтана...

А третий – низкий, круглый, словно шар,
На деле же – проворнее шакала.
В глазах металась злоба, как пожар.
Но этого, как оказалось, мало:

Он лампу керосиновую взял,
Огня прибавил, продолжая злиться,
И к нам шагнул, не пряча свой оскал,
И осветил испуганные лица.

«Стоять, ни с места!» – рявкнул их старшой.
(Шагнешь тут, под винтовочным прицелом.
А место это детскою душой
Считал своим я, лучшим в мире целом.)

«Все обыскать!» – сказал он, снизив тон,
Своим подручным. Те – скорей за дело.

Покой из дома – прочь, как раньше – сон;
Звеня, посуда с полок полетела;

Из сундука одежда взметена;
Обшарены углы; постели – на пол;
Все перерыли сверху и до дна...
С носов ищеек пот обильный капал.

И что они, не мучаясь стыдом,
В чужом белье усердно так искали?..
Меж тем сержант вошел в смятенный дом,
В шагах его – все тот же голос стали.

«Оружие нашли?» – спросил у тех,
Что продолжали поиски ретиво
И, кажется, не верили в успех
(Что может дать несеянная нива?).

«Заканчивайте, времени в обрез,
Уже светает – скоро отправленье...
Один – во двор, проверишь там навес,
Доложишь командиру отделения!..» –

И, кобуру поправив на ремне,
В окошко глянул, в направленье склона.
Затем, портрет заметив на стене,
Шагнул поближе, замер удивленно...

Минута, две... сам бледный как стена,
Сержант спросил: «Кто это? Там, на фото?» –
И в голосе его была слышна
Дрожащая, неуставная нота,

Суровый взгляд был словно отогрет,
И, нервно щелкнув крышкой портсигара,
Он повторил: «Чей на стене портрет?»
А мать сказала: «Нашего Омара...

Мой старший сын... на фронте он сейчас,
Как все мужчины нашего аула,
Что от фашистов защищают нас...»
У мамы на щеке слеза блеснула.

Она склонилась к ящику стола,
Нашла в нем стопку треугольных писем,
Погладив их, сержанту подала.
«Тем и живем и от того зависим,

Что каждый день ждем весточки с войны.
Возьмите...» Но сержант шагнул обратно,
Снял осторожно фото со стены
И положил на столик аккуратно.

«Юсупович! Ей-богу, это он! –
Сказал, не отрываясь от портрета,
Взволнован, удивлен, ошеломлен, –
Мой командир! О нем не раз газета

Писала фронтовая. Он – герой!
В окопах мы делились, словно братья,
Патронами, и хлебом, и махрой...
Нет, что-то не могу здесь разобрать я,

Ведь нам сказали: будем выселять
Бандитов... вот поди и разбери ты!
Да немцам бы Кавказа не видать,
Когда б такие были все бандиты,

Как ротный мой, Юсупа сын Омар!»
И он умолк, притихли и солдаты,
Что дом трясли – «верзила», «жердь» и «шар»,
И взгляды опускали: виноваты...

«А знаете, какой он командир! –
Вновь обращаясь к нашей бедной маме,
Сказал сержант. – Не из штабных придири,
В опасности всегда и всюду с нами!

Жизнь каждого солдата дорога
Была ему, он первым шел под пули.
Он с ротою разведки в тыл врага
На раз ходил... а я в его ауле –

Карателем вошел в отцовский дом...
Я – фронтовик, за рану вот нашивка.
...Как волк здесь рыщущий, учинив погром!
Простите, это, видимо, ошибка...

Не я затеял это... и приказ
Не обсуждают... я давал присягу...
От внутренних врагов должны Кавказ
Очистить мы... нет, лучше я присяду...

Где здесь враги, и что же мы творим?
Ведь справедливость мы несем по миру,

Народу служим... не воюем с ним...
Я должен рассказать все командиру!

Ведь если упираешься в скалу,
Поможет тот, кто расположен выше...»
Сержант поднялся, подошел к столу,
Взял письма, фотографию и – вышел.

4

Прошло не больше десяти минут,
Он возвратился мрачный и с порога
Сказал: «Пусть меня люди проклянут,
Когда я понимаю хоть немного,

Что происходит... – И на край стола
Вернул бумаги. – Но теперь я знаю,
Что справедливость в мире умерла.
К терпению людскому лишь взываю.

Как защитить мне мать фронтовика,
Как оградить жилище от напасти,
Когда беда, как бурная река,
Сметает все и носит имя власти?..

Прости же нас, прошу тебя с колен,
За все, что было; все, что будет с вами...»
И руку мамы, вспухшую от вен,
Став на колени, он ожег слезами.

...Затем он встал, его тяжелый взгляд,
Как туча, наплывал на подчиненных.
«Вы что, как истуканы, стали в ряд?
Устали от трудов? Отставить отдых!

Им скоро предстоит тяжелый путь,
И этот час мы с вами не отсрочим,
Начальство тоже нам не обмануть.
Но мы, коль совесть есть, должны помочь им.

Постель, одежду и съестной припас –
Связать, все по отдельности, узлами,
И погрузить в арбу...» – отдав приказ,
Стал вещи собирать он вместе с нами.

Что брать с собой и сколько? И куда
Гнала людей жестокая судьбина?

Откуда шла неожиданная беда?
А мать солдата, в чем она повинна?

Вопросы, от которых голова
Гудела, словно кто-то рушил горы.
Нам – в одночасье отобрав права –
Всего, что дали, – полчасу на сборы.

Солдаты, погрузив узлы в арбу,
Меня и братьев сверху посадили.
Мать шла пешком, и тихую мольбу
Ее уста к Аллаху возносили.

Нас захватил напор людской реки.
Повозки с немудреным скарбом, дети,
Их матери, седые старики...
Все движется в неверном сером свете.

Каким скитаньям начинают счет
Скрипучие аробные упряжки?..
Толпа к аульской площади течет,
Усилья беспорядочны и тяжки,

Детишки плачут; крики, чей-то стон;
На лицах у людей бессилье гнева.
Охранников сноровистых кордон
И справа поджигает всех, и слева.

5

На площади, куда ни глянь – везде
Теснились семьи нашего аула.
Усиленная часть НКВД
Всех в плотное кольцо уже замкнула.

Хрустели на рассыпанной крупе
Подошвами с подковами из стали,
Бесцеремонно шастая в толпе,
Солдаты, как скотину, нас считали.

Стояли молча наши старики,
Нахмурив брови, с яростью взирали
На оцепленья частые штыки
Из той же, беспощадной к людям стали.

Кричащая в отчаянии мать
Детей искала в общем беспорядке.

А дети – что с них, малых, взять, –
Беды не зная, здесь играли в прятки –

Меж сваленных узлов, тюков, мешков...
И площадь оглашали звонким смехом,
Стальных перекрывая звон подков
И в горы уходя протяжным эхом.

...Была на редкость ранняя весна –
Плыл аромат цветущего кизила,
Всходило солнце, смяв остатки сна,
Вершину Наргуя преобразило

Над нашим обездоленным селом,
Еще не зная о приходе горя,
Дарило светом, ласковым теплом...
Взбодрились люди... но раздался вскоре

Рев бортовых машин и вслед за ним –
Из гула и словесной мешанины,
Над всем, что не забыли и храним, –
Команда: «Всем грузиться на машины!»

Все всколыхнулось, снова – крики, плач...
Охранников проклятия и маты.
Слеза – наружу, как ее ни прячь.
А к нам бегут знакомые солдаты.

И раньше всех – сержант тот, фронтовик.
С тюками разобрались и узлами,
Нам помогли забраться в грузовик
Под тентом, с запыленными углами.

«Простите, мать! Счастливого пути! –
Сержанта голос. – Верьте в помощь божью.
Виновным от ответа не уйти,
И тем, кто подменяет правду ложью.

А вы дождетесь радостного дня
И возвратитесь живы и здоровы!
Омар вернется, вы уж от меня
Привет ему солдатский... мать, да что вы?!»

Мать плакала... Не жалоба, не стон –
Живая боль текла слезам вдогонку...
«Той осенью... принес нам почтальон...
На нашего Омара... похоронку...»

Тут подбежал какой-то офицер
С охраной; глухо щелкнули затворы.
И сходу в крик: «Сержант, какой пример
Для подчиненных?! Что за разговоры

С предателями? Как мне понимать
Все это? Дисциплина слабовата?»
– Майор, здесь нет предателей, здесь мать
Такого же, как я и вы, солдата.

И тот седой старик... и тот, и тот,
Они – отцы, их сыновья на фронте.
Не надрывайте криком ваш живот
И честь фронтовиков, прошу, не троньте.

В селенье этом дома нет, куда
Не приходили письма с черным краем.
Они – за наши бьются города,
Мы – из домов их семьи выгоняем.

Но если и терпел я до сих пор,
То думал, что ошибка, разберутся.
Бандиты где? Ответьте мне, майор.
Те, что за нас с фашистами дерутся?

– Молчать! – взревел майор. – Так вот каков
Ты оказался!.. Знаю, что в окопах
Не очень-то струнят фронтовиков.
Научат за решеткой и в оковах!

– Я и к окопной грязи попривык,
И знаю, как в строю держать равнение.
И здесь теперь позорюсь, фронтовик –
В тылу – из-за тяжелого раненья...

Майор хрипит, багровый: «Вашу мать,
Конвой, ко мне! Здесь явная измена!
Сейчас же болтуна арестовать!»
Сержант лишь усмехнулся. «Если плена

Фашистского сумел я избежать,
То не затем, чтоб крыса тыловая
На родине могла меня сажать.
И говорю я это, сознавая,

Что, как ни жаль, но вышел жизни срок.
Так жить нельзя...» – и дуло пистолета

Приставив к сердцу, он нажал курок.
И труп его упал на край кювета.

А площадь стала тучей грозовой,
Как молнии, сверкали гневом лица.
«К оружию! – визжал майор. – Конвой!
В машины всех! Заканчивай грузиться!»

Для непокорных есть приклад и штык!
Они здесь все одной чумой повиты!
И эту падаль бросьте в грузовик –
Доложим, что напали, мол, бандиты.

Эй, кто-нибудь, сорвите ордена
С сержанта... тоже мне аника-воин...»
А я подумал: «Это – сатана,
Когда с людьми так поступать он волен...»

Отдав распоряжения, майор
Сел в «эмку» и поехал вдоль колонны.
...Мы тронулись, и нам вершины гор
Смотрели вслед – чисты и непреклонны.

6

Когда отцы, сражаясь на войне,
Без слов высоких жизни отдавали,
Кто эти люди, объясните мне,
Что гнали их детей в чужие дали,

А в лица постаревших матерей
Слова бросали – хуже всякой грязи?
Кто этим людям дал сердца зверей,
Отметив благодарностью в приказе?

И кто сумел преобразить страну,
Где идолу все поклоняться стали
И жертвы приносить, как в старину?
Где сапоги с подковами из стали

Давили всех, в ком честь была жива,
В ком совесть говорила громче страха.
Кто палачи? – забывшие слова:
«...придет и справедливый суд Аллаха».

Глава вторая

Дорога в ад

1

Изгнанничества черная печать.
Передвиженье только под охраной.
Уныние, обида и печаль
Нас обжигали неумной раной.

Что ожидает – посох и сума? –
Народ наш, обращенный в побродяжку.
Разорены и брошены дома,
Дворы безлюдны, двери нараспашку.

Скотину на съедение волкам
Двуногим, что отличья носят знаки.
А по дороге, вслед грузовикам,
Беду почуяв, бросились собаки.

И жалобный их лай, и жуткий вой
Все продолжались... плакали хозяйки.
Но – оживился сумрачный конвой,
От скуки пересказывавший байки,

И так, забавы ради, наугад,
Дал кто-то выстрел, не привстав из лени.
Затем другой, забаве этой рад,
Стал бить прицельно по живой мишени.

И захлебнулся лаем рыжий пес,
А рядом с ним могучая овчарка
Свалилась, всеми лапами вразброс.
Расцвел стрелявший, словно от подарка,

И шапку сбил с потеющего лба.
Всех разогрел азарт соревнования.
Бегут собаки, а по ним – стрельба.
Удачный выстрел – хохот, ликование.

Они бежали гибели вослед...
Так я познал значенье слова «верность».
А этот путь – преддверье новых бед?
И сколь продлится? Мне казалось – вечность...

И все ж часам, примерно, к десяти
Остановилась, сбавив ход, колонна –
У железнодорожного пути –
Под насыпью, вблизи от эшелона.

Нас вновь пересчитали, повели –
Ругаясь и подталкивая в спины
Тех, кто в платочек горсть родной земли
Набрать хотел, – к вагонам для скотины.

Виднелись знаки – «двадцать лошадей» –
Поверх дверей передвижных конюшен.
Зверье рычало, скалясь, на людей,
Лишенных крова, чей очаг разрушен.

Людей, несущих мнимую вину,
Пинками гнали – молоды ли, стары...
В вагоне лишь – растянуты в длину –
В два этажа сколоченные нары.

Толкали, поспешая, – в полчаса
Заполнили вагоны до отказа.
Из тамбуров – конвойных голоса:
«Так точно... ни отверстия, ни лаза...»

Задвинулась с тяжелым лязгом дверь.
Притихли люди в тесноте и мраке.
Выходит, что в тюрьме они теперь
Или, точнее, в лагерном бараке?..

Луч солнца, бледный, тонкий, как шпагат,
Вошел в зарешеченное окошко.
Все еще день, а может быть, закат?
«Мой свет, ну потерпи еще немножко», –

Стараясь, чтобы голос не дрожал,
Ласкает внучку женщина седая.
«Пойдем домой, бабуля, ну пожал...» –
Сбивается трехлетняя, рыдая.

И, отвернувшись, плачет ее мать,
До боли зажимая губы шалью,
Чтоб уж совсем дитя не напугать.
Соседский сын, с недетскою печалью

В глазенках, просит что-нибудь поесть.
Снаружи развлекается охрана,
Внутри – ни повернуться, ни присесть.
На верхних нарах кто-то из Корана

Читает суры, громко, нараспев.
А кто-то бесконечно причитает,
Душой уже отчаяться успеет.
Терпенье у людей все больше тает,

Все чаще раздаются голоса:
«Кто скажет, в чем наш грех перед Аллахом?
За что нас покарала небеса?
Всего мы лишены – единым махом!..»

А кто-то, глядя в сторону дверей,
Сжав кулаки, срывается в угрозы.
Те, что постарше; те, что помудрей,
Увещевают: «Крики нам и слезы

Здесь не помогут, надо потерпеть.
Спокойнее, зачем пугать детишек...»
Но тут же – голос, хлесткий, словно плеть:
– Как видно, у тебя ума излишек!

А может, на колени мне упасть,
И сапоги лизать кызыл-аскеру?!
Сказать – благодарю «родную» власть,
Все, что врала она, принять на веру?

– При чем здесь власть? – исходит от угла
Тревожный голос. – Чья-то здесь ошибка...
Но как ты мог сказать «она врала»?
– Молчи, алан, и ты умен не шибко.

Не так-то просто успокоить боль –
То стихнет спор, то разгорится снова.
– Нет уж, сосед, и мне сказать позволь...
– Что говорить, когда мы все полова,

Несет нас ветер, кто бы знал – куда...
Заплакала, закрыв лицо руками,
Старушка, что искала, где вода,
И вспомнила, как узел с казанками

Забыла впопыхах; ей тихо дочь:
– Не пропадем, амма, кругом соседи.

Ведь рядом столько лет, как не помочь.
В другом углу текут слова в беседе –

У каждого свое, а вместе с тем –
Одна на всех, гнетущая тревога.
Душа тоскует, а рассудок нем –
Изводит предстоящая дорога.

Багровый глаз в окошке вдруг ослеп,
Должно быть, дело к ночи, солнце село.
Вагон и вовсе превратился в склеп.
Поспать бы... но измученное тело

Не распрямить... толкаясь, кое-как
Все ж улеглись, но тягостные думы
Не пустят сновидений в душный мрак,
Где собраны осколками тукумы.

Иное у измученных детей –
Заснули сладко – обещали мамы:
«Немного поиграем здесь... в «гостей»
И возвратимся вновь в свои дома мы...»

3

Ни звука, ни движенья за окном,
Ночь устоялась, как вода в запруде.
И понемногу забывались сном
Надеждами обманутые люди.

...Внезапный скрежет, а затем удар,
Вагон качнулся, провернув колеса.
Все всполошились, соскочили с нар.
Спросонья показалось, что с откоса

Пустили их, да в пропасть прямиком.
По спинам – иглы нервного мороза,
Крик застревает в горле, словно ком.
И – вновь толчок... пыхтенье паровоза,

Протяжный и пронзительный свисток.
Состав прицеплен; началась дорога –
Как оказалось позже на восток.
А люди просят помощи у Бога;

У матерей проснулись на руках
И плачут дети; кто-то шлет проклятья

На головы мучителям; и страх
Толкает души дьяволу в объятья.

В глазах и на устах вопрос: куда?..
Как быть тому, кто сроду из аула
Не выезжал и знал про поезда
Лишь понаслышке?.. Из окна задула

Спасительного воздуха струя
И духоту немного остудила.
В какие неизвестные края
Влекла нас неизвестная нам сила?

Тревога всех брала, то там, то тут
Во мраке прорываясь голосами:
– А может, на погибель нас везут?..
– Мы в этом склепе задохнемся сами...

– Наверно, уж ограбили дома...
– И коровенку, видимо, угнали...
– Они привыкли лопать задарма,
Те, в сапогах с подковами из стали...

– За что лишили дедовской земли,
Кто так решил и по какому праву?..
– Смотри, сосед, беду не разозли...
– Чем прокормить детишек мне ораву?..

– Кто нас спасет, кто вызволит народ?..
– С ума сойти: «народ» и – «враг народа»!
Что – сам себе он враг, наоборот?
Нет, в этой речке не найти нам брода...

Летит состав, спешит навстречу дню.
В теплушке разговор ведет охрана:
– Постой пока, а я тебя сменю...
– А старшина, слышь, прихватил барана!

– Ну, значит, завтра славный ждет обед...
Обычные солдаты, лишь погоны
От прочих отличает красный цвет,
И не нарком ведет их обороны,

Хозяин их – по внутренним делам
Большой знаток, да и по женской части,

И люди для него – что старый хлам...
Ну а солдаты просто служат власти,

Уже привыкли, смотрят свысока,
То окриком людей, а то – прикладом.
Подобные не стоят и плевка.
Но есть же и другие с ними рядом,

Порядочных родителей сыны –
Не партии, не подзаборной суки!..
Вот потому они и смущены.
Они не станут бить собак от скуки,

Им жаль людей, таких же, как они,
Которых убивает даль-дорога,
Как ураган в ночной степи – огни.
«Несчастных как погнали от порога,

Так и везут, теперь уж взаперти.
Там и больные, кто из них дотянет?..
А если тиф? Врача им не найти.
Наш полковой, тот даже и не глянет. –

Все думает, такого не понять
Солдату-первогодку из конвоя. –
Мужчины, что способны воевать,
Давно на фронте, в бой идут из боя

И с родины хороших ждут вестей,
Все дальше гонят немца от границы.
За что ж из дома гонят из детей,
И жен, и матерей? Мы что – как фрицы?..

И за какой, узнать бы, смертный грех
Дома забрали, пастбища и пашни,
И – на чужбину, поголовно, всех?
Неужто там видней, с кремлевской башни?..»

Перевод Л. Местича

К 90-летию Зейтуна Магометгериевича Улакова

Фатима УРУСБИЕВА

По зависимости от форм труда можно вывести разряд сказок о разведении скота, или пастушеских, связанные с жизнью наемного пастуха отары на выгоне (коше), с товаро-денежными обязательствами.

Это – маркирующая карачаево-балкарскую сказку как жанр – более поздняя стадия, специфичная по тематике и ситуации рассказывания (установка на долготу сказки «пока не заснем», и развлекательность, познавательность, выработавшую своих героев).

Автором этой версии об особом типе «пастушеской сказки» является Зейтун Магометгериевич Улаков, просвещенец, многие годы работавший в культурной и педагогической сфере. Прекрасно знающий историю Кавказа, и сказитель с уникальной памятью. Его сказки – самые длинные (впрочем, как и других выходцев из Верхней Балкарии – Локмана Мокаева, Гитче Асанова, Атабиева), с точно прописанными диалогами и разнообразием сюжетных ситуаций. Они представляют срез нового времени, переходного от эпохи богатырских деяний ко времени бурного социального переустройства. Образ Кесе, судьи, муллы, картины рынка, площади вместе с мифологической архаикой животного эпоса («О белом ягненке», «Зиме», «Айкыз»), – также предмет для монографического исследования.

Зейтун Улаков – собиратель и интерпретатор сказочных сюжетов на протяжении без малого целого века его жизни. Если отсчитывать его трудовую жизнь на коше, то с пяти лет (возраст пастушеской «инициации» всех балкарцев того поколения) он слушал и запоминал сказки. И это объясняет частично столь фантастически полный жанровый состав и уникальность каждой из них. Ведь он осуществил своей памятью и талантом связь времен, исчисляемых тысячелетиями, сохранив почти забытую литературой и наукой, почти невозможную в реалиях, в полноте и свежести, национальную жизнь.

При этом на одном полюсе репертуара З. Улакова – самые древние сюжеты, содержащие астрономические, зооморфные и вегетативные (растительные), космогонические и антропологические интерпретации мира. И это составляет уникальный частный случай сказкотворчества, соединенного с педагогикой, природоведением, географией, историческим краеведением.

Сказка «Джанкоз и Макриш», (или «Разговор трав»), построена на споре подснежника (Джанкоз) – вестника весны, с Макришем – своим предшественником, который замедляет приход весны неправильной космической информацией о том, что трав еще много, и тем самым портит мировой порядок.

В сказке-притче «Дуния иеси» («Хозяин мира») медведь и рыба,

олицетворяют при сотворении мира лесное и речное пространство, узнав, что Человеку при раздаче досталась предприимчивость, животные подводят горестный итог этой космической раздаче: «Это значит, что не будет нам ни в чем первенства». И, как признак глобального смещения природного порядка, приводится факт, что северный белый медведь питается рыбой. Также архаична сказка «Бык и осел», до сих пор широко бытующая в народе.

На другом полюсе репертуара Улакова – древние волшебные сюжеты, но не в каноническом виде, а подвергшиеся проявлениям «убывания идеальной сказочности», (как интерпретируют это явление сказковеды), то есть ее обновлению. Этот процесс можно проследить на таких сдвигах сказочной обрядности, как новеллизация сюжета, расширение диалога, тогда как собственная речь героев сказки обычно подменяется рассказыванием. И в связи с этим – психологизация персонажей, описание места (пейзажа), действия, и историзация социального пространства. Сюда же можно отнести введение несказочных вкраплений в виде экономических, правовых сведений (договор в виде письма, документ, вольная бумага, которая выдается каждые три года работнику по найму) натуральный обмен, в котором валютой служит живой счет скота, конкретный трудовой инвентарь (сказка «Сон»). Но при этом в сказках З. Улакова сохраняется необходимая для сказки традиционная нравственно-этическая составляющая, так как в занятиях скотоводством пастушеский менталитет в центр ставит духовные ценности. «Это нечто... не имеющее отношения к экономическим и хозяйственным требованиям, оказывается самым существенным: в нем заключена жизнестроительность, направленная на более высокие цели... Едва ли не главный выигрыш принадлежит к области духовного... мировоззрению» (Т. В. Цивьян).

В сказке «Телячий пастух и шайтан» приводится спор с шайтаном, который искушает пастуха картинами легкой наживы и беззаботной жизни, но терпит поражение...

В назидание жестко осуждается этой пастушеской духовностью превышение нравственного начала. В «маргиналах», находящихся за пределами идеального пространства, может оказаться и обнищавший хан, и несправедный кадий, или судья, неверная жена или мачеха, вступающая в связь с хтоническим персонажем – эмегеном. А героем стать «сын вора» или благородный разбойник.

В сказку проникает мотив кровной мести, принадлежащий более позднему феодальному эпосу. Но эти ситуации героев, благодаря мастерству сказочника, органически осваиваются сказкой и входят в эпический нарратив. Тем более что амбивалентность и борьба идейных оппозиций всегда были свойственны фольклору, начиная с древних архаических форм эпоса, афористики, песенного творчества.

Неопределенно-сказочное время у Улакова уплотняется (мотив мельницы и жадного мельника, новогодний антиперсонаж Акъмыйк (ложный Дед Мороз), воруга, попадает в село и заглядывает в амбары и кладовки. А девочка, подобно Нильсу из шведской сказки, путешествующему с дикими гусями, прямо с лежанки улетает к луне, а потом, зацепившись

золотой колыбелькой за край луны (сказка «Айкыз»), возвращается из сказки на свою лежанку, испуганная громким кудахтаньем курицы, испугавшейся за своих цыплят.

В погоне за зайцем в сказке «Всадник трехногой лошади» пастух попадает в волшебное царство приключений.

В сказке «Сон» герой уводит из-под ножа отца единственного в доме барана и нанимается в работники, чтобы его прокормить. Баран здесь – и советчик, и по традиции волшебной сказки – даритель, и волшебный помощник. Вожак, прирученный им (который в южнославянском фольклоре почитается как священный), здесь осуществляет функцию волшебного героя. Таким образом, первая, «производственная» часть сказки о жизни пастуха на коше, полная реалистических подробностей трудов и дней пастуха, во второй части плавно переходит в странствия по идеальному миру сказки и, как правило, герой проходит инициацию. Заснув под ивой (отголосок мифологического дерева тюрков), герой видит волшебный сон, в котором прямо из ствола дерева творятся чудеса, приобщающие его к технике магических превращений – то в юношу с золотым хохолком, то в золотого червя, то в жар-птицу. И совершает все ритуальные подвиги волшебной сказки (добывание панциря, поиск брода через непроходимую реку, обезвреживает врагов своего хана, женится на прекрасной девушке, а заодно и жене поверженного хана).

Третья часть снова возвращает героя в пространство реальности. Вместо дворца – в награду отцовское село, где он поселяется со своей челядью и семьей, перекупив дом у местного богатея. Завершающая реплика героя приоткрывает завесу тайны и волшебства над всем случившимся с ним, поясняет ее увиденным в самом начале приключения.

Сказочная канва как бы сворачивается подобно скатерти-самобранке. Сказочник создает здесь новый мета-сюжет, где сказка и жизнь переплетаются и как бы обнажают сказочный вымысел в контексте обычной жизни пастуха.

Сказки «Мужества жди от младшего», «Мечь» относятся скорее к разряду антисказки из-за того же «убывания сказки» в связи с проникновением в нее назидательности, которая возникает на жизненной почве. Герои здесь совершают антиподступки, складывающиеся в антисказочное поведение, подводя сказку к самой границе антимира, за которым начинается другое, уже прозаическое пространство.

«Пастушеская» сказка, на наш взгляд, – жанровый определитель, относящийся к самому типу карачаево-балкарской культуры по хозяйственно-экономическому (жизнестроительному) и духовно-нравственному характеру, номадическому, или трансгуманному, со своей особой картиной мира и – шире – моделью мира. Наиболее близкое соответствие мы находим в Балканской модели мира (БММ), которой посвящено обширное балкановедение. Мы же опирались на положения в работе Т. В. Цивьян, которая рассматривает пастушеский менталитет в семиотическом аспекте. Весь этот «набор», обозначенный в трудах этих ученых, мы находим в вербальном выражении в сказках З. Улакова, создающих некую частную антологию, имплицитную в себя не только тему и мотивы, но и зна-

ковую содержательность пастушеского мира, который ученые называют то «миоритическим пространством» (по названию хайдутской песни «Миорица»), то особым пастушеским *condominium* 'ом с его атрибутикой и склонностью к семиотизации окружающей среды, а также особо подчеркиваемой мистериальной окрашенностью.

Оппозиции свой/чужой, внешний/внутренний, верхний/нижний (под которым понимается подземный мир хаоса, ненависти и вражды), видимый и невидимый. Эти оппозиции, собственно, составляют генетическую структуру волшебной сказки З. Улакова.

Амбивалентность, «борьба с детерминированностью» – универсальные особенности БММ. Модель особого пастушеского менталитета связана не только с географическими, историческими особенностями, но и характером фольклора, его мифологического пласта сюжетов и мотивов, ритуалов, поверий, текстов. Она служит точкой опоры, в определенном смысле, – центром, точкой отсчета, вокруг которой наращивается ткань БММ.

Это – мир в кораническом и библейском выражении, означающий всю неолитическую цивилизацию, и носит характер мирового универсума (пастух Авель, легенда об Ибрагиме/Аврааме и белом ягненке, Ромул и Рэм. И сам верховный бог солнца Гелиос, владеющий всеми стадами, дистрибуцией которого в карачаево-балкарском фольклоре являются овечий бог Аймуш, который увел свое золотое стадо в озеро Хурла-Кель из-за нарушения братом запрета, золотое божество Хардар, золоторогий и золоторуный баран из балкарских календарных обрядов. Подобные отголоски, уходящие в мировую мифологию, в фольклорных легендах о лунном стаде на луне в связи с затмением, – в звездных номинациях Къой Жол (Млечный путь), в легенде из Корана, трансформированной Кязимом Мечиевым в поэму «Белый ягненок». Баран и его атрибуты – универсальный обрядовый элемент всех ритуалов, оберегов, волшебных превращений.

Мотиву вещей «белой овечки» из писания, на сказочном уровне, посвящена сказка З. Улакова «Мальчик и Кочхар», развивающая тему, специально затронутую балкановедением, – особый «язык» между пастухом и животным, как свидетельство не материальной, а более высокой направленности этой дружбы. Обычный бытовой рассказ здесь переходит в сказку, в тот момент, когда вещий баран, отделяясь от стада, подходит к мальчику и вступает с ним в разговор. Д. Антониевич приводит фрагмент из Экклезиаста: «Участь сынов человеческих и участь животных – одна. Как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех» (III, 19). Героически сражающийся за юношу Кочхар погибает, рогами выбив все железные ворота башни, в которой заточен мальчик, окруженный целым войском. Юноша, достигнув благополучия, ставит у дверей своей бывшей темницы памятник на могиле избавителя с надписью на надгробье: «Здесь погиб, сражаясь за свободу и справедливость, Кочхар (баран)... Эй, прохожий, поклонись, сняв шляпу, его праху!».

«Не просто берегущие, а сохраняющие верность животному» – эта формулировка Антониевича дает основание думать о глубинном изомор-

физме жреца и жертвы, формирующемся в античную эпоху мистериальных действий и обрядов. Баран здесь, в отличие от дарителя волшебной сказки, обычно получающего вознаграждение, получает смерть, справедливости приносится жертва, носителем которой является на сей раз природный персонаж, что вносит в сказку этически окрашенную мистериальность.

Строгая регламентация быта, хранящая память кочевья и битв – в убранстве кошары, распределение обязанностей не только в производстве, но и в быту, отличают мир сказок Улакова. Выборный тамада, «третейский судья» по трудовым спорам, дояры и стригали, «шапа», смотритель лошадей, собак, счет сена по косарям, особый парный счет, называемый «осетинским» или «аланским», применяющийся при счете стада, орудия труда, договорные отношения по найму и расчету.

Рамазан Карча и Х. З. Кошай опубликовали в Анкаре статью «Скотоводство и связанные с ним обычаи у карачаево-балкарских тюрков». Здесь приводится вечер досуга и вечерней трапезы на коше, когда пастухи, пока готовится трапеза, обмениваются новостями, рассказыванием сказок и рассказами на историческую тему, поют песни или затевают игры под бдительным руководством аксакала. «Религиозные сюжеты из арабских источников или сведения о тюркских народах, сохранившиеся в устной передаче стариков... Аллах только может разобраться, где правда, где вымысел. От времен происхождения отдельных родов и целых народов до времен Русско-Кавказской войны и его величества Шамиля, османских ханов и предводителей. А затем – старые песни о борьбе нартов с эмегенами, переходящие к сказкам «Тысячи и одной ночи». Если в песнях батыры умирают и они грустного содержания, то в сказках добро всегда побеждает и разоблачает зло».

Пастушеский дом с его строгой регламентацией быта и человека в нем, моделирующий порядок общественный и общенческий, предстает одновременно очень открытым миру («вперед и вверх»), контактам с другими народами и соседями.

К сказкам, расширяющим обычное ритуально-повествовательное пространство, относятся сказки «Ведьмы» и «Мастера», также обновляющие сказочный социум не только персонажами, но и связью с реальной ситуацией, а также притчевостью, шарадами и задачами на остроумие и логику (сказка «Следопыты»), о пастухах, ищущих своего быка, «Семеро голопузых», где сыновья владеют разными умениями, складывающимися в головоломный, но связный сюжет), а также персонажами из новой реальности, – такими, как неверные жены, волшебные аксессуары которых играют только вспомогательную роль».

Анатолий ПАРПАРА,
 секретарь Союза писателей России,
 лауреат Государственной премии РФ,
 соучредитель и главный редактор
 «Исторической газеты»

Не честь великая – вдогонку
 В своих стихах вождей ругать,
 День настоящий – перестройку –
 В статьях поспешных воспевать.

Не честь великая – в угоду
 Очередным временщикам –
 Дать обещания народу,
 А исполнение – векам.

Но вот достоинство: сквозь накипь
 От прошлого в сейчас прийти,
 Увидеть будущее наше
 И горькие к нему пути.

И застись долготерпеньем,
 Трудом искореняя зло,
 Чтоб не покой – а исцеленье
 К стране измученной пришло.

Бессонница

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу...

Михаил Лермонтов

В ночи, воспетой русским офицером,
 Давно уж нет покойной тишины...
 Летят ракеты – внушки Люцифера,
 Предвестницы безжалостной войны.

И вспарывают небо, как кинжалы,
 Сверхзвуковые лезвия беды...
 Шторма, землетрясения, провалы,
 Цунами и кислотные дожди...

Естественно: земля не рай небесный
 И человечество – не ангелы в раю.

Но безнаказанно терзают душу бесы,
 И в брате брата я не узнаю.

Неужто мерзки наши прегрешенья,
 И на мученья мы осуждены,
 И даже нет надежды искупленья
 Своей, чужой и прадедов вины?..

Всю ночь не сплю. Гашу в душе
 тревогу,

И призываю Божью Благодать.
 Я так хочу внимать безгласно Богу,
 Как только могут ангелы внимать!

Над Бештау клубится туман,
Оседает на шубу лесов.
А вослед неотвратно в проран
Птичьих хлынул поток голосов.

Как по Божьему Слову, весь мир
Был озвучен на сотни ладов.

И наполнился синью эфир,
И осмыслилась жизнь городов.

И, замедлив привычный свой бег,
Отряхнувшись от бед и страстей,
Так пронзительно вновь человек
Вспоминает о сути своей!

Тучка Лермонтова

*Перевод с балкарского Анатолия Парпары.
Одно из стихотворений Кайсына Кулиева,
ранее не переведенное на русский язык.*

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана.

М. Ю. Лермонтов

Ты над утесом, тучка, накренилась,
Задев его нечаянно крылом.
И ты, как я, немного припозднилась
И не смогла вернуться в отчий дом.

Ты заблудилась. И тебе обидно –
Маячит ночи темень впереди.
Ты заночуешь, милая, как видно,
Опять на великановой груди.

И снова в путь, когда лучи рассвета
Омоют мир. Пока же слез не лей!
Припомни просьбу ссыльного поэта –
Не плачь же, облачко земли моей.

И без твоей печали горя много,
Слезами сердце мне не разрывай.
Достаточно того, что я не видел долго
Тебя, родная, и любимый край.

Куда спешишь уйти нетерпеливо!
Я не хочу остаться без тебя.
Для горца ты – взволнованное диво
И пасть дождем на снег – твоя судьба.

Ты – волшебство, воспетое поэтом,
Ты – радость гор, ты – счастья забытье.
Встречайся чаще мне зимой и летом,
И радуй сердце грустное мое.

По гребням гор взлетаешь к солнцу смело,
В небесный путь усталого маня...
И в черный день ты оставайся белой,
О тучка Лермонтова – песнь моя!

Геннадий ИВАНОВ,
 первый секретарь Союза писателей
 России, лауреат Всероссийской
 литературной премии им. Ф. И. Тютчева

Вот и Волги берег молчаливый –
 Никого сейчас на берегу:
 Холод, ветер, катер торопливый,
 Небо, словно в зимнюю пургу.

Против ветра в небе бьется птица,
 Медленно летит она. Куда?
 Что сейчас в душе ее творится?
 Холод. Ветер. Зыбкая вода.

...Надо жить, хотя так трудно верить
 В лучший смысл земного бытия,
 Надо приходить на этот берег,
 Чтоб тоска развеялась твоя.

Ведь уже не раз такое было:
 Так же сердце от неверья стыло,
 А потом, откуда ни возьмись,
 Начиналась, продолжалась жизнь.

Родина... Свет за окошком.
 Родина... Вьюга впотьмах.
 И на болоте морошка,
 И на просторе – размах.

Родина... Лист придорожный.
 Родина... В беге времен.
 Родина... Замысел Божий,
 Что ото всех утаен.

Река текла...

Река текла, склоняя по теченью
 Кувшинок стебли. Я поплыл по ней
 С каким-то безоглядным увлеченьем!
 Внизу был холод ила и корней.

На берегу траву щипали козы,
 И собиралась вдалеке гроза,
 Летели рядом бабочки, стрекозы,
 Заглядывали ласточки в глаза...

Была такая легкость и беспечность,
 И к сердцу не примешивался страх.
 Река текла. И жизнь текла. И вечность
 Текла куда-то в Божьих берегах.

С утра благодарю я утро,
А днем благодарю я день,
А вечером благодарю я вечер,
А перед сном – ночную тень.

И надо всем благодареньем
И дню, и ночи, и всему
Живет во мне благодаренье
Все сотворившему Ему.

Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето,
Что скоро поле все пойдет под нож...
И вспомнилось из Нового Завета –

И будет все, о чем читали впрок,
Что страшно и таинственно, и дивно.
Но так должно быть. Милосерден Бог.
Мука и мака – это неразрывно.

Что мы колосья тоже, и придет
Великий срок последней самой жатвы,
Снопы свезут на Божий Обмолот,
И будет все, о чем читали жадно.

Со мною разговаривает рожь.
Колосья шепчут, что уходит лето.
По сердцу зябко пробегает дрожь –
То дрожь любви из Нового Завета.

Сама узнает...

Ноги в теплой пыли утопают,
Волны жара от спелой ржи...
Годы жизни моей убывают,
Прибывают они для души.

Отпоет, отыграет, отрадует,
Отпечалит – а что же потом?
Сердце в бездну незримую падает...
Ничего мы не знаем о том.

Утка в озере встала на цыпочки –
Плещет крыльями воду на грудь...
Отыграет веселая скрипочка,
Никуда никому не свернуть.

Ну и ладно. Что попусту спрашивать.
Мир прекрасен, и жизнь хороша
И дана, чтобы душу вынашивать...
Все сама и узнает душа.

Россия – это не страна,
Не государство, не колония,
А диво дивное она,
Она картина и симфония...

Она, конечно, и страна,
И государство, и колония,
Но где-то в вечности она –
Моя любимая симфония.

Мои поля, холмы и мхи...
Неисчислимое наследие...
Мои любимые стихи.
Моя любимая трагедия.

Вадим РАХМАНОВ,

*поэт, автор многих поэтических книг,
известный переводчик, директор
книжного издательства «Новый ключ»*

Старые сказки в новой огласке

* * *

Все тридцать три богатыря
в России славились не зря.
А вот теперь другая эра:
в ней 33 миллиардера.

* * *

Дед, посадивши как-то репку,
за труд свой был наказан крепко.
Явились рэкетеры к деду
и репку вырвали. К обеду
У бабки, внучки, Жучки, кошки
и мышки снова пусто в плошке.

* * *

Теперь Емеля не при деле,
концы с концами сводит еле.
Все водоемы обмелели,
где щуку раздобыть Емеле?

* * *

Иван-дурак
попал впросак.
А дело кратко было так:
вступил с молодкою он в брак,
и жизнь – не жизнь теперь, а мрак.

* * *

Иван-царевич наш умолк.
Ему не служит серый волк,
нет ни царевны, ни жар-птицы.
Как тут от горя не напиться?

* * *

Снесла бы курица яичко,
да птичий грипп сразил вдруг птичку.
А за морем яйцо такое

для бабы с дедом золотое.
Осталось на исходе века
самим квохтать да кукарекать.

* * *

Зря коза-дереза,
не стыдись, врала в глаза.
Ободрал дед ей бок,
но урок пошел не впрок.
Раз прельстило ее
как-то зайца жилью,
и она со двора
в лес его прогнала.
Стала в домике жить,
ни о чем не тужить.
Но явился петух,
из козы вышиб дух.
Дал он ей поделом...
Это сказ о былом.
А теперь петухи
стали сами плохи,
даже в мирные дни
ждут защиты они.

* * *

Заглянувши за кулисы
раз к Премудрой Василисе,
сам себе я был смешон –
ничего там не нашел.
Где ее ума палата,
чем таким она богата
и за что ее так чтут,

и Прекрасною зовут?
Тут сказали мне соседи:
«Василиса – бизнес-леди,
и богата и мудра,
и походка от бедра.
Ты такую чаровницу
не найдешь и за границей:
все взяла и всем дала,
править в Думе ей пора».
Может люди и наврали,
но ее туда избрали.

* * *

Раз из дома за порог
покатился колобок,
но не ведал сам куда.
И случилась с ним беда:
сел на хитрый язычок,
этот круглый дурачок,
и его на самом деле,
не расслышав, просто съели.

* * *

Стоял в поле теремок
и весь век стоять бы мог.
Умножаясь с каждым днем,
дружно звери жили в нем.
Но явился тут медведь,
начал топать и реветь:
– Я – звериный президент,
сделать вам хочу презент
и берусь в короткий срок
перестроить теремок.
Возражали робко звери,
перестройщику не веря.
А медведь их не послушал,
взял и теремок разрушил.
И возвел себе дворец...

* * *

Тут и сказкам всем конец.

ДВЕРИ

В день прохожу десятка три дверей:
стеклянных и обитых мягкой кожей,
из дерева, из прочного железа,
петельные и двери-автоматы.

Роддома дверь, детсада, школы двери,
дверь вуза, двери собственной квартиры,
квартир друзей и учреждений разных
И двери крематория – мои.

В одних – меня толпа теснит и давит.
В другие – прохожу один, свободно.
А есть еще таинственные двери,
что от меня закрыты на замок...

Как будто бы успеть хочу я всюду,
где можно и нельзя. И вот я снова
через пороги маленьких открытий
ступаю. И везде – не долгий гость.

Когда же дверь последняя за мной
захлопнется, мои стихи помогут
тебе, читатель, заглянуть в те двери,
которых мне не суждено открыть.

Людин БОЗИЕВ

Новелла

Рабочий день подходил к концу, на остановке «двойки» толпились люди: долго не было автобуса. Одно за другим подходили маршрутные такси, в них садились те, кто помоложе и попроворней. Старикам оставалось только ждать, их льготные проездные билеты в маршрутках никакого значения не имели. Понемногу теряя терпение, пенсионеры начинали ворчать:

– Черт побери! Пустили эти маршрутки, молодым, как говорится, дорога, а куда деваться нам, старикам?

– Говорят о дефиците бензина, а частникам море по колено!

– Вот-вот, а нам – стоять у моря, ждать погоды. Смотрите сколько их! Целая армада! Конечно, не всем дано летать!

– Да еще беда в том, что зайдешь в автобус, покажешь льготный проездной, кондуктор смотрит на тебя враждебно, как будто ты в карман ей залез, и так стыдно становится, и за нее, и за то, что вынуждены жить по волчьим законам!

– Вот тебе и демократия!..

Старый Болат стоял немного в стороне, слушал возмущенные высказывания ожидающих, но в разговор не вмешивался, хотя мысленно, конечно же, соглашался.

Мимо неслись легковые авто, сигналив, обгоняя друг друга. «Сколько все-таки в городе машин, – подумалось Болату, у которого от долгого стояния затекли ноги. – Везет же некоторым, да и немало их! А я сроду невезучий. Как говорят, рожденный ползать летать не может. Мои потомки – вылитый отец: ни кола ни двора. Живем сегодняшним днем... Зато и совесть наша чиста: не ворует, не спекулируем, трудом своим живем. А машина... машина хороша до поры до времени. К великому сожалению, роскошная жизнь иногда кончается несчастьем – авариям и разным происшествиям на дороге конца-края нет. Что ни день, сообщают в криминальных новостях: там не справился с управлением – вылетел на обочину, там столкнулись по вине пьяного водителя. И цифры: столько-то погибло, столько-то пострадало... Обидно, но факт. Что поделаешь? А ведь были времена, когда этих машин и в помине не было, а люди даже больше уважали друг друга. Из одного селения в другое ходили пешком, навещали родственников. А теперь и на машине не могут этого делать – времени не хватает. Ничего, на том свете все будем равны, каждый унесет туда десять метров мадаполама...»

Старик отвлекся от своих невеселых раздумий, заметив, как к остановке подъехала легковушка и со скрипом остановилась. Болат, конечно,

был далек от мысли, что машина остановилась из-за него, поэтому крайне удивился, когда распахнулась передняя дверь и прозвучал бодрый голос водителя:

– Садись в машину, тамада, довезу до самого дома!

Болат все не мог прийти в себя от неожиданности подобного приглашения.

– Я говорю тебе, тамада, садись, – повторил водитель.

– Ты меня зовешь, что ли? – спросил Болат, подойдя к машине.

– Да, кого же еще! Садись, вот сюда.

– Спасибо, – сказал Болат, не зная, что и подумать, но в машину сел.

Молчал настороженно...

– Чего встревожился, Болат? Или не доверяешь мне?

Старик вздрогнул, однако вида не подал. «Что за черт! А имя мое откуда ему известно?.. Кто же он?» Помедлив немного Болат спросил вслух:

– Время такое... тревожное. Не поймешь сразу, кто есть кто. Что ни день – похищения людей, разбои, убийства...

– Дай бог тебе жить до тех пор, пока я тебя не похищу! – засмеялся водитель, затем добавил серьезно: – Те, что идут на такой зверский поступок, не хватают кого попало. Они знают, за кого можно получить выкуп.

– Гм! За кого можно получить выкуп – на лбу не написано. А сколько случаев убийства без видимой причины, какая там выгода! За грош человека убить могут, – сказал Болат и тяжело вздохнул.

– Верно, тамада. Боже упаси от таких подлецов!.. – водитель, помолчав, снова задал вопрос:

– Неужели ты меня не узнаешь, Болат?

Старику было неудобно признаться, что не узнал неожиданного своего благодетеля, возможно, знакомого. Еще раз взглянул на него сбоку и сказал:

– Извини, парень, но что-то не припоминаю...

– Я – Харун, сын Бибекова Сагида. Знаком с твоими сыновьями. С Халидом вместе окончили университет. И Хамида знаю. Знаю, что и он окончил университет двумя годами позже нас. Вот только я их давненько не видел...

– Да я и сам их вижу не часто. Работают, и подрабатывают где удастся, вечно заняты. Жить-то надо.

– Трудные времена, что и говорить. Получил университетский диплом и иди на все четыре стороны. Одни работают на других. И то надо еще поискать, на кого работать, да упросить. Так просто ничего не дается. Если твои сыновья так много работают, купили бы хоть подержанную машину, как у меня...

– Легко сказать – купить машину!.. – Болат почувствовал раздражение от слов этого слишком уверенного в себе юнца и повернул разговор: – Так, оказывается, Харун, ты сын моего знакомого?

– Ну да, и знаешь, отец часто рассказывает про тебя.

Болат снова мысленно чертыхнулся. «Сын проклятого Сагида, этого

пройдохи и лгуна, который берет деньги в долг, но не отдает. Клянусь Богом, не хотел бы видеть ни тебя, ни твою машину!..»

Меж тем, как с неба свалились, на дороге оказались два здоровенных мужика, и перекрыли машине ход.

– Эй, вы кто? – крикнул Харун, высунувшись из окна. – Чего вам надо?

– Довези до Пятигорска, – сказал один из мужиков, тоном, не терпящим возражений.

Харун прикинул что-то в голове и сказал, заикаясь:

– Д-довез бы, н-но...

– Что н-но?! Деньги, что ли, не любишь?

– Кто ж их не любит... Но д-дело в том, что обещал этому тамаде отвезти домой.

– И где живет этот тамада?

– В Александровке.

– Далеко эта ваша Александровка? – поинтересовался другой мужик, глядевший хмуро, исподлобья.

– Там... – кивнул головой Харун, – в конце города.

– В конце города? А мне показалось – на Дальнем Востоке! Не велика важность! Город-то небольшой! Поедет автобусом. Если нет денег на билет, я дам пять рублей. – Мужик заглянул в салон, осмотрел старика с нескрываемым презрением и добавил: – Этому деньги не нужны, видно, что льготник. Давай, холоп! – обернулся к водителю. – Не задерживай, мы спешим! Высади старика, живо!

Харун занервничал. «Что за люди? Какой я им холоп!» Собрался с духом и сказал, глядя в глаза хмурому мужику:

– Во-первых, я не холоп, а Харун. Во-вторых, сколько я буду иметь, если довезу до Пятигорска?

– Не робеи, холоп, то есть Харун. Для нас сто рублей – не деньги!

– Что?! За сто рублей?!

– Ну назови цену сам. Машина твоя, сколько скажешь, столько и получишь. Довезешь – увидишь.

«Вот проклятье, – волновался старик, – соблазнят они этого жадину!..»

А Харун обернулся к нему и сказал:

– Прости, Болат. Я бы довез, но... ты сам слышал, заплатят, сколько скажу... Да тут и до остановки недалеко, дойдешь потихоньку...

Болат только вздохнул сокрушенно.

– Конечно, деньги – это важнее. Спеши, не прозевай свое счастье. Только будь осторожней... – с этим Болат вышел из машины.

– Не болтай лишнего, старик, – сказал один из новых пассажиров. – Сматывайся! Без тебя разберемся! – Они сели в машину, и Харун с места набрал скорость.

«Что и ожидать от такого. Яблоко, как говорится, недалеко от яблони падает. Вылитый отец, – злился Болат, осматриваясь по сторонам, не зная, в какую сторону идти к остановке. – ...А эти двое – очень подозрительные люди. Наобещали с три короба, а он и клюнул. Жадность,

известно, не к добру. Да поможет тебе Бог!..» – подумал он, посмотрев вслед скрывшейся машины Харуна. – И спросить, где остановка, некого: улица совершенно пуста...

Так прошло минут пятнадцать, старик стоял у обочины – растерянный, недоумевающий.

– Чем расстроены, тамада?

Голос был из иномарки, плавно и бесшумно остановившейся рядом. Болат обернулся.

– Да вот... не знаю, куда идти. К остановке мне надо... Вез один знакомый, сам посадил, сам и высадил...

– Понятно, тамада. Это дело поправимое. Скажите – куда, я доведу.

«Да уж, верь вам, шалопаям... А если ты такая же птица?..» – подумал Болат, сомневаясь, а вслух сказал:

– Спасибо, добрый человек. Мне бы до автобусной остановки добраться, а дальше как-нибудь...

– Садитесь-ка, отец... Усаживайтесь поудобней. Никаких остановок.

Сказал, доведу, значит, доведу! Так куда ехать-то?

– В Александровку, – сказал Болат, утопая в мягком сиденье, – Разина, десять.

– Понятно. Бог даст, в два счета будете дома. Я ведь ехал мимо, когда тот шкуродер высаживал Вас из своей машины. Потому и вернулся. Видел и стоявших рядом двух парняг. Наверное, он их повез?..

– Да, ты угадал... Он повез их в Пятигорск. Обещали хорошо заплатить.

– Ночью, с незнакомыми людьми, у которых явно криминальные рожи, – водитель иномарки пожал плечами. – Не понимаю я Харуна. Да-да, я знаю его – Бибеков Харун, не так ли?

– Именно он. А откуда ты его знаешь?

– Да кто не знает этого хапугу! Ни стыда ни совести не имеет! Один гонор: я, мол, с высшим образованием. Но, видимо, жадности больше, чем ума. Куда только не суется, и днем и ночью шабашит, дерет втридорога. Даже с родственников берет! Но никто не слышал, чтобы он на когонибудь копейку потратил. Копит, наверное... А вот и Ваш дом, тамада. – Водитель остановил машину, поспешил выйти, чтобы помочь выйти и старику

– Спасибо, джигит! Не ожидал, признаться... – Болат полез в карман за деньгами.

– Что Вы, отец! Прошу, не обижайте меня. Я совсем не из-за этого, – говоря так, парень вернулся за руль своей иномарки. – Доброй Вам ночи!

– Ты хоть скажи, чей ты сын, как зовут?

– Я – сын Херли Жумартова, а зовут меня Атаби.

Старик махнул рукой в сторону отъезжающей машины. «Надо же, – покачал головой, – сын Херли Жумартова! Прекрасным, добрым человеком был Херли. Уважали все его, хвалили. И было за что – всегда старался помочь людям. Это ведь он однажды спас утопающего, нашего дальнего родственника. При этом чуть сам не утонул. Бедняга, недолго ему было

суждено радоваться счастьем детей, рано ушел из жизни. Что поделаешь? Сколько суждено Богом, столько каждый и живет. А сын ведь весь в отца: отзывчивый, добрый...»

Услышав шум мотора и разговор мужа с водителем, во двор вышла супруга Болата – Ханифа. Посмотрела на неподвижно стоявшего мужа, подождала немного, наконец, решила нарушить его молчание.

– Интересно, ты долго еще там вместо столба стоять собрался?

Болат, обернувшись, улыбнулся.

– Видела?

– Да уж не слепая. И давно тебя возят на иномарке? Чем не князь!

– Я не знаю, как там было у князей, дело прошлое. Но кто бы мог подумать, что в наше время найдется такой добрый человек! Представь, меня сначала вез сын Бибекова Сагида, сам вызвался. А потом подсадил пару парняг, похожих на абреков, а меня, как говорится, за борт. Они ему денег пообещали... это все и решило, не устоял Харун. О совести говорить не приходится, такие, как он, понятия о ней не имеют. Для них главное – деньги. А вот этот, совсем незнакомый парень довез меня до самого дома и ни копейки не взял. Знаешь, как выяснилось, он – сын покойного Херли Жумартова! Добрейшего человека...

– Да, славным человеком был Херли, – поддержала мужа Ханифа.

Харун, время от времени оглядываясь на пассажиров, прислушивался к их разговору и гнал машину по пятигорской трассе. А те говорили о деньгах, каких-то сделках, водке... «Видно, что предприимчивые люди, – думал он. – В самом деле, для них сто рублей – не деньги. Разумеется, щедро наградят меня...»

Когда же приехали в Пятигорск, пассажиры приказали остановить на одной из привокзальных улиц и вышли, с треском захлопнув дверь. И пошли прочь, даже не поблагодарив, даже не взглянув в его сторону.

– Эй! – заволновался Харун. – Куда вы! А деньги?!

Парни остановились. Один оглянулся и, понизив голос, злобно произнес:

– Какие деньги? Скажи спасибо, что ты нам должен не остался!

– Но как же так? Совесть-то у вас есть?..

– Совесть?! – взорвался второй. – О какой совести ты говоришь? – Он приблизился к машине, резко выхватил из кармана пистолет и, просунув руку в окно, приставил ствол к голове Харуна. – А теперь поговорим о деньгах. Давай, доставай все, что есть в карманах!

– Да вы что?! Разве можно так! Я же вас привез!.. – у Харуна от страха глаза на лоб полезли.

– Поторопись, холоп, если жить хочешь!

– Не стреляй, ради Бога, – дрогнувшим голосом попросил Харун. – Вот, возьмите, все, что есть, – и стал доставать из кармана деньги, всю выручку, ради которой целый день колесил по улицам Нальчика.

Грабитель сгреб деньги, убрал пистолет и оглянулся по сторонам. Вокруг было тихо. Он снова склонился над окном.

– Если не хочешь попроситься со своей машиной, жми на газ, и чтобы я тебя больше не видел!

Харун не заставил долго ждать, нажал на газ и рванул куда глаза глядят. Ехал, не разбирая дороги, радуясь, что так легко отделался. Уже на трассе его остановил автоинспектор.

– Превышение скорости. Ваши права... Так... значит, из Нальчика? Придется платить штраф.

– Простите, – взмолился Харун, – заплатил бы, но... дело в том что... – и он выложил инспектору все, что с ним приключилось.

– Да... Не повезло, тебе, друг. В таком случае твои права останутся у нас. Иначе нельзя – такая у нас работа. Заберешь, когда будут деньги. Счастливого пути. Вот наш адрес.

На подъезде к Нальчику машину снова остановили «гаишники» и потребовали права. Кое-как Харун убедил пожилого лейтенанта в правдивости своего рассказа о том, что права забрали его пятигорские коллеги. Сел в машину, совсем уже подавленный, завел мотор... Не проехал и трехсот метров – снова остановили. И снова ему пришлось долго объяснять и упрашивать.

Супруга встретила его во дворе. Помогла втолкнуть машину в гараж, затем оба вошли в дом. Мазиза посмотрела на бледное лицо мужа и подумала: «Бедняжка! Измучил себя совсем, ненасытный мой!...»

– Ну слава Богу! – сказала затем. – Что-то слишком долго ты сегодня... О чем только я не думала. Пассажиров было много? Видимо, ты хорошо заработал... Только почему не в духе?

– Да... Ты верно сказала. Я «хорошо заработал», потому и не в духе.

Мазиза не поняла горькой иронии мужа и с нетерпением ждала, когда же он выложит деньги. Так и не дождавшись, задумалась: «Не узнаю его сегодня. Обычно с гордостью вручает мне свою выручку. А теперь? Что же могло приключиться?...» Думала, меж тем накрывая на стол. Харун нехотя поел и молча отправился в постель. Как только уснул, Мазиза вывернула все карманы, перетряхнула всю его одежду, – увы...

Утром, стоя перед вопросительным и требовательным взглядом жены, немного отдохнувший Харун рассказывал ей о своем вчерашнем приключении. «...Вот так иногда ум за разум заходит. Кто бы мог знать, что они – настоящие бандиты», – заключил свой рассказ.

– Говорят, яйцо умнее курицы! – воскликнула Мазиза. – Сколько раз я тебе говорила: смотри, с кем имеешь дело, не доверяй всем подряд! Не вчера родился, пора научиться распознавать людей. Ведь и раньше с тобой случалось похожее. Ты на меня не обижайся, но это все из-за жадности. Учти, жадность – не к добру...

– Ничего, раз на раз не приходится, бывает и хуже. Люди учатся на своих ошибках... – сказал Харун. Заправил машину припасенным бензином и выехал со двора. – Я – в Пятигорск, за правами!

К 70-летию Магомета Кучинаева

Тамара БИТТИРОВА

МАСТЕР ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

*Кучинаев
Магомет Юсупович*

Магомет Юсупович Кучинаев родился в 1937 году в семье репрессированного горца. Детство и юность будущего писателя прошли в Казахстане. Десятилетку закончил на Курилах при прохождении срочной службы в рядах Советской Армии. После окончания срока службы в 1960 году вернулся на родину, поступил в КБГУ, закончил историческое отделение ИФФ. Работал шахтером, строителем, электромонтажником. С 1965 года работает как профессиональный журналист на республиканском радио (1965–1983), в редакции журнала «Минги Тау» (1983–1991), с 1991 – более 15 лет – работает в редакции республиканского общественно-политического и литературно-художественного журнала «Литературная Кабардино-Балкария».

М. Ю. Кучинаев – автор шести прозаических книг: «Ючюнчю батальон» («Третий батальон», 1987), «Уллу Малкъар» («Большая Балкария», 1991), «Кюйсюз заман» («Жестокое время», 1999), «Кюн балалары» («Дети солнца», 1997), «Горькая дорога в рай» (2004) – и научно-популярных исследований: «Карачаевцы и балкарцы – потомки скифов и алан» (2001), «История Балкарии» (2004).

Судьба писателя не могла не сказаться на литературном творчестве: произведения М. Кучинаева несут в себе отпечаток личных переживаний и трагедии, постигшей балкарский народ. И вполне закономерно, что его художественное творчество – это преодоление трагедии, ибо человек не может жить в состоянии постоянной печали и невыплаканных слез. На творчестве М. Кучинаева сказалась и профессия историка, ибо вся его проза, за исключением рассказов, посвящена историческому прошлому балкарского народа.

80–90 годы прошлого столетия – годы активной журналистской работы Магомета Кучинаева. В своей публицистике он отдает предпочтение художественному очерку. Произведения его звучали по радио, печатались в газетах. Художественные очерки писателя – о современниках, которые своим трудом, знаниями, талантом преумножали славу республики.

Чистая любовь, человечность, доброта и взаимопомощь – вот основные темы рассказов и миниатюр писателя. Они в своей художественной структуре тяготеют к жанру лирического раздумья и надолго остаются в памяти читателя необычностью сюжета, точностью прорисовки характеров, затаенной грустью.

Первые свои литературные произведения М. Кучинаев стал печатать

Планируется очередной номер журнала «ЛКБ».

На снимке: (слева направо) старший редактор Владимир Мамишев, ответственный секретарь редакции Магомед Кучинаев, главный редактор журнала Хасан Тхазеплов, поэт Георгий Яропольский

в зрелом возрасте, пройдя трудную жизненную школу и имея большой опыт журналистской работы. Ему было под пятьдесят, когда в журнале «Минги Тау» стали появляться отрывки из повести «Балкарский батальон», впоследствии названной «Третий батальон». М. Кучинаев написал свою повесть в начале 80-х годов, когда в советской литературе по-новому осмысливался исторический опыт Второй мировой войны, когда в литературу пришло новое поколение, отцы которых были участниками драматических событий.

Для балкарской литературы повесть явилась по-своему оригинальным произведением, хотя бы тем, что действие в повести разворачивается непосредственно на фронте, вдали от родного очага главного героя. Следует заметить, что почти во всех балкарских повестях и романах война, как правило, связана с родными краями главных героев – это или партизанское движение, или иное сопротивление оккупантам на занятых ими территориях.

Первоначальное название повести было неслучайным, писатель хотел рассказать о героизме сынов своего народа. Конечно, во время Великой Отечественной войны никакого балкарского батальона, как отдельного воинского подразделения, не было. М. Кучинаев видит всех сражающихся на разных фронтах балкарцев в этом героическом батальоне. Эта стержневая мысль – мысль о том, что балкарцы боролись с врагом, в том числе и на самых тяжелых участках фронта, вместе с русскими и казахами, украинцами и татарами, грузинами и белорусами, – красной нитью проходит через всю повесть. Начиная с названия, повесть имеет многоуровневый символический ряд. Судьба одного человека и целого народа, их взаимосвязь и взаимозависимость – комплекс морально-эти-

ческих представлений передается через множество судеб, посредством аналогий и семантических параллелей.

В 1980 году Магомет Кучинаев начинает работу над первым своим романом «Большая Балкария». Как известно, в народе с незапамятных времен долина реки Черек, где до революции насчитывалось более 20 селений, называлась Большой Балкарией. Роман посвящен жизни и повседневным делам жителей Большой Балкарии конца XIX века, когда они совершили настоящий подвиг – прорубили вниз по ущелью колесную дорогу. Писатель с особой обстоятельностью выписывает образ главного героя, который получился полнокровным и убедительным. Читатель без особого труда догадается, что прототипом князя Исмаила Аланбиева является историк и публицист 19 века Мисост Абаев. Автор придает Исмаилу Аланбиеву черты прирожденного предводителя: он чист в помыслах и честен в поступках, грамотный, имеющий авторитет среди народа и среди своего окружения. И вполне естественно, мечту многих поколений горцев – строительство колесной дороги с гор в долину, а по существу, дороги в новую жизнь – начинает осуществлять именно он. В преодолении множества трудностей, встающих на пути решения этой нелегкой проблемы, и раскрывается его образ как организатора и предводителя.

Автор романа «Большая Балкария» стремился создать широкое полотно народной жизни конца XIX века с множеством действующих лиц. Он стремится показать жизнь во всех ее гранях. И здесь немаловажную роль играет хорошее владение материалом, глубокие познания в истории, в фольклоре, а также в этнопсихологии. Надо признать, что художественной состоятельности романа способствовали эрудиция писателя и проникновение в глубины народной жизни. В романе все подчинено логике исторических обстоятельств, показаны повседневные заботы всех слоев горского общества.

М. Кучинаев – автор, который отличается творческой активностью и стремлением совершенствовать свое мастерство. В этом отношении заслуживает внимания повесть «Кюйсюз заман» («Беспощадное время»). На русском языке повесть названа автором «Горькая дорога в рай». Действительно, согласно убеждению верующих балкарцев, безвинные жертвы диктатуры, тысячи и тысячи людей репрессированных народов, погибших от голода и болезней в песках Средней Азии, в лагерях Сибири попадут в рай. И эта горькая дорога в рай началась 8 марта 44-го с железнодорожного вокзала в Нальчике и длилась долгих 13 лет, разветвляясь на тысячи тропинок, по которым бродили голодные и изможденные спецпереселенцы, бродили до тех пор, пока их души не попали в рай.

Заметным явлением балкарской литературы стала и работа М. Кучинаева над романом-дилогией «Дети Солнца». Он посвящен далекому историческому прошлому балкарского народа. Действие романа происходит во времена скифов, когда знаменитый царь могущественной Персидской империи Дарий I в 512 году до нашей эры совершил поход в Скифию.

Первая книга романа названа «Эмина». Эмина – это эпидемия чумы, которой автор уподобляет междоусобицу, заканчивающуюся войной.

А война всесильна, слепа и ненасытна: губит все на своем пути. Яркий пример тому – жестокая битва между войсками великого хана Алан-Ас-Уи и дружиной хана Кара Заш-хана. На поле брани безжалостно избивают и убивают друг друга сыновья алано-асского народа, многие из которых, к тому же, близкие родственники. Так, к примеру, сталкиваются лицом к лицу как неприятели Батыр-Заш-бий и его племянник Кюн-Бала.

Эта сцена в романе переключается с содержанием ногайского эпического сказания о Чора батыре, известного в сказочном эпосе карачаево-балкарцев под названием «Чора улу Батыр». Как и трагическая сцена узнавания в ногайском эпосе, этот эпизод романа призывает к миру, подводит к мысли, что все люди на земле друг другу братья и война никогда не может быть справедливой по отношению к отдельной личности.

Вторая книга называется «Война» и посвящена она борьбе алано-асского народа против вторгшихся на его земли войск знаменитого монарха древности – персидского царя Дариявуша, известного в истории как царь Дарий I. История безжалостно наказывает завоевателей – такова философская линия романа. Писатель далек от прямых авторских сентенций. Умелое соединение в единый узел множества сюжетных линий, соответствие изображаемого реальным историческим фактам и историческим личностям, противостояние добра и зла, – все это дало автору возможность создать эпическое полотно большой эмоциональной силы и художественной убедительности.

Роман М. Ю. Кучинаева «Дети Солнца» адресован подготовленному читателю: описываемые исторические события более чем двухтысячелетней давности известны узкому кругу историков и любителей древности. С другой стороны, роман понятен и широкому читателю, поскольку колорит эпохи приближен к традиционному национальному быту балкарского народа.

Основная черта творческого почерка Магомета Кучинаева – за художественным вымыслом неукротимое стремление к правде жизни. А потому все, о чем рассказывает автор, приближено к реальным событиям и вызывает доверие читателя.

Творчество М. Ю. Кучинаева – автора целого ряда очерков и рассказов, повестей и двух романов – отличается национальным колоритом, достоверностью изображаемых характеров и событий, стремлением осветить сложные периоды истории народа и развенчать идеологические ориентиры советской эпохи. В то же время в его произведениях отчетливо присутствует и другая идеология – любовь к своему народу, уважение к его историческому прошлому и раздумья о будущем.

МЕЛОДИИ ЛЮБВИ

* * *

Кто это поет каждый вечер манящую песню? Она волнует мне сердце. Я не знаю, кто он, но его чарующая песня уносит мою душу вдаль. Я хотела открыть окно и увидеть его, но боюсь – летние вечера ласкают душу, тревожат и влекут в мир наслаждений. Я боюсь тебя, гость моего восторженного сердца! Откуда ты явился, что привело тебя ко мне? Я хочу побежать к тебе и найти источник твоих песен, но меня останавливают жгучие мысли: ты ведь только поешь каждый вечер под моим окном, а песня уносится в глубины ночи, умирая во тьме. Ты поешь под моим окном, а кто ты – не знаю. Скажи, кто ты?! Покажись хоть на миг! Ты зовешь меня своей песней. Скажи, гость растревоженной моей души, ты поешь для меня или несешь миру дары твоего поющего сердца?! Зажги, о песенносец, перед моим окном сокровища, скрытые в сердце твоём, чтоб озарить быстротечный мой миг.

* * *

И оказалось так, что все мои радости обрели приют в тебе. Ты их лелеяла, как соединяющие два наших с тобою мира, украшенные цветами. И бурно расцвела весна наших душ, облаканная рождающейся любовью. Весна, в которой сплелись вековые корни бессмертной природы, продолжает и в тебе радость созидания и благоухания. Она ведет тебя по тропе молодости и вселяет блаженство.

Все мои радости собраны в тебе, подобно целому миру, оживающему в одной лишь весенней почке щедроты грядущей. И подобно ей в разгар утренней зари я раскрываю свое сердце, озаренное лучами любви, и спешу распахнуть его, как алый бутон зари. Мне дорого каждое мгновение в симфонии неповторимой и торжествующей красоты! Как краток миг весны наших сердец!

...Открывшееся солнцу сердце ищет благодатной почвы, чтобы уронить в нее зерна, воздвигая жизнь над разрушенной жизнью.

...В сверкающем море любви я звезды, как зерна, ловлю сетью мелодий жизни.

* * *

В горькие минуты, когда одиноко мне, ты возникаешь передо мной песней далекой весны, где облака юности плывут по небу, рисуя узоры моих быстротечных лет. В такие мгновения ты легкой бабочкой порхаешь в глубинах моей памяти и с моею душой плывешь мелодией лунного вечера.

Я тебя заключаю в объятия и ухожу в мой собственный драгоценный мир, который, как море, волнуясь, несет свои волны блаженно.

...Печаль же моя лунною трелью льется в небесный покой, согревая душевные раны, и страсть распусться спешит, утомленная в недрах разлуки.

* * *

Ты стоишь грустная у реки, черпаешь воду ведром и тут же выливаешь ее обратно. Набирая воду вновь, ты вглядываешься в ведро и снова печально выливаешь ее. Может, ты ищешь лик своего суженого в зачерпнутой воде?

Не тоскуй, любовью озаренная! Он появится в лучах солнца, одетый весенними цветами, и зазвучит музыка, вдохновляющая сердце.

Отчего ты задумалась, милая? Ты снова вылила воду, не увидев его образа на волнующейся ее поверхности. Обрати свой взор ко мне, спроси у моего трепещущего сердца, и ты найдешь того, кого ищешь. Я стою на краю моста, любуюсь тобой и собирая песни журчащих волн, которые принесу к тебе, украсив их звездной тишью... Я спешу к тебе из страны моей волшебной! О, девушка у реки!

* * *

Не таи своей песни, долгожданная! Эта песня тревожит мне душу. Напев твоей души зовет меня цветением любви. Я не знаю, зачем ты поешь и кого ты чаруешь, но я слышу шелест весны, вплетенный в голос твой. Сердцем я слышу твои напевы, и сердце мое пускается в путь... Кого ты одариваешь песней, зовя в счастливый миг? Спой и мне, дарующая, войди в мою душу хороводом весны! Я боюсь, ты замолкнешь, оставив мой мир без песни.

Откуда же ты берешь свои зовущие лучистые мелодии, завораживая и увлекая?

Я сижу у окошка, умоляя тебя: не прерывай своей песни, стелющей дорогу любви.

* * *

Всем проходящим ты посвящаешь песню, а когда провожаешь их, даришь эту песню им как предвестницу счастья и говоришь: «Унесите ее с собою по дорогам своим». Зачем ты делаешь это? Ты ни на кого не похожа! Почему ты одариваешь всех своей несравненностью – символом бессмертья? И я пришел к тебе, дарительница заветных песен, чтобы попросить песню твою, которую я должен взять с собою в дорогу. Мой путь тернист и многолюден, мне нельзя без песни твоей выходить в дорогу. Я хочу сказать всем: я принес вам напевы той, которая ни на кого не похожа; я принес их вам, люди, чтобы подарить в дорогу.

* * *

Я позволил тебе войти в мой дом, не спрашивая тебя ни о чем. Я говорил себе: «Вот наконец появилась та, которую я так долго ждал».

Думал я: появилось на свете мое – единственное!

Когда вглядывался в твои глаза, ликовал, думая, что ты принесла с собой счастье.

Но оказалось, твой путь простирался лишь до меня, а мой – едва начинался. В конце твоего пути я стоял, растерянный, молча глядя на дорогу, которая звала меня одного. Нашу встречу мы делили в надежде взрастить любовь, и не верил я, что это твоя лишь надежда.

Я позволил тебе войти в мой дом, не спрашивая, кто ты и зачем ты; думал: пришла моя надежда. И ты теперь не спрашивай, куда я направляю свой путь: где-то родилось новое мое счастье и зовет меня.

Не помню, когда я сделал свой шаг к зовущему счастью, но сердце мое радовалось и тосковало, как чаровница-свирель.

* * *

Ты отдал мне алый бутон, чтоб хранить в нем свою душу. Отныне и я вечерами помещаю свою душу в этот бутонный мир, зная, что моя душа отдохнет там, находясь рядом с твоей. Сколько радостей дарит мне это хранилище желаний! Сон каждой моей ночи превращается в распускающийся цветок, и ты каждое утро даришь мне его, озаряя сиянием лепестков наступающий день.

Каждый вечер я бережно помещаю свою душу в этот Бутон, и ты каждое утро даешь мне цветок, улыбаясь моей полносветной радости.

* * *

– Ты вернулся, как хорошо. Почему же стоишь на пороге? Войди, не медля, я тоскую всю ночь. Почему ты неходишь? Я истомилась. Сердце мое тает в ожидании. Подойди ко мне, милый! Обними. Послушай ласку моего встревоженного сердца, она – как песня жизни, рожденная моими чувствами. Иди, иди, милый, переступи порог, разделяющий нас, я убаюкаю тебя в колыбели моей любви, я войду в твое сердце неземным жаром.

– Я боюсь.

– Почему?

– Боюсь твоих пылких чувств. Боюсь, утону в глубокой колыбели страсти и потеряю свою дорогу.

– Но как же ты сможешь идти по этой дороге, не слыша песни? Я зову тебя вечным зовом души. Не стой на пороге весны, раствори меня в море желаний твоих, в дух и плоть я хочу войти.

* * *

– Куда ты мчишься? Остановись! Дай догнать тебя! Я хотел бы с тобой.

– А ты знаешь, куда я стремлюсь?

– Нет, не знаю.

– Почему же ты хочешь бежать, не зная куда?

– Мне все равно, лишь бы с тобой.

– Тогда бежим. Мы должны собрать листья, которые опадают в том лесу, пока ветер не унес их вдаль.

– А зачем тебе пожелтевшие эти листья?

– Они были свидетелями начала моей любви, потому я хочу сохранить в них мою память.

– Зачем же ты бежишь от себя к своей памяти? К прошлому не бегут! А я могу сжечь твои листья, опалить их обуревающим меня пламенем страсти.

– Нет! Они были подарком первой моей любви, и они дети чудесной моей весны.

– Не может любовь стать пленницей минувшего! Она – очаровывающий зов молодости святой надежды.

* * *

Почему ты смутилась? Мой пристальный взгляд растревожил твое сердце? Я поглядел на тебя не для того, чтобы смутить. Я подумал, мой взгляд обрадует тебя. А твоя душа встрепенулась! Что сказали тебе мои глаза хлынувшим светом дара?!

Я посмотрел на тебя потому, что сердце мое ласкает тебя тайно и душа моя витает над тобой. А глаза мои освещают в тебе таинственное цветение любви, всплески страстей.

Что же ты смутилась? Я просто хотел передать тебе свою душевную муку молитвой. Ведь молитва любви сострадания немного полна.

* * *

Когда я смотрю на звезды, они улыбаются мне и говорят: «Что ты так смотришь на нас, человек?»

Тогда я шепчу им: «Потому что она похожа на вас».

Тогда они перестают улыбаться и спрашивают друг у друга: «Неужели на земле есть подобные нам?»

И когда они, играя светом, не могут ответить друг другу, я снова шепчу: «Потому что она похожа на вас!»

* * *

Сколько дорог я исходил, чтобы познать тайну твоей красоты. Я обратился к весенним побегам, к траве и листьям деревьев, но они не открыли мне тайны, а лишь вздыхали, лепеча на непонятном мне языке.

Как много я передумал, чтобы понять твою несравненность!

И однажды встретились наши взгляды, и я увидел в твоих глазах непостижимый мир, сияющий тревогой соблазна... Не опускай же взгляда, в твоих глазах я вижу неистощимый родник жизни. Я и небу дал бы такие глаза, чтобы оно, смотря на тебя, передало бы мои чувства тебе и сказало: «Видишь – он ищет тебя одну по миру и щедрым сердцем несет свой дар в пламени цветов».

* * *

«Я воздвигну перед тобой новый мир», – оказал я ей. Но она засмеялась, ответив: «А куда же я дену свой мир, подаренный мне сочувствующим и милосердным Владыкой; чье благо и бремя живут во мне легко и согласно?» – «Да, – сказал я на это, – дающий награждает не запретами истины, великодушием, чтобы берущий возвратил этот дар людям. А я мечтал принести тебе свой мир и отворить свое сердце, ожидающее любви. Отвергая его, ты не приемлешь и дар Вседержителя». – «Я рада твоему дару, но боюсь столкнуть звучание душевных миров, опасаясь неверия в храме моей души...» – «А я хотел похитить твое сердце, построить для тебя высокую башню из моей мечты и моих чувств, окруженную песенными садами».

И она угадала желания, зарождающиеся во мне, и это было удивительным движением возникающих взаимопонимания и взаимопроникновения.

А небо торжествовало, ликуя мириадами звезд.

* * *

Глазами я собрал огромный букет из мерцающих звезд и принес тебе в эту лунную ночь. Открой свое окно и дай благословенье, чтобы я посеял тепло моего дара в твоем сердце. Может, тогда твое сердце станет обителью звезд. Отвори душу в эту лунную ночь, глубинный храм неба шлет откровение чувств, повелевая страстью.

«Мне страшно дать волю моим страстям, и я боюсь твоего душевного зова...»

«Но чувства, хранимые взаперти, скудеют и иссыкают. Открой свое сердце и узри мир волнующих чувств. Ведь жизнь задохнется без любви! Свет, сияющий во Вселенной, шлет тебе привет через мое сердце.

А луна замерла над нами и ждет твоего ответа, чтобы поведать миру об исполнении радости любви».

* * *

Когда я прохожу мимо ее дома, я останавливаюсь и смотрю пристально в ее окно, пока она не подойдет к нему.

– Зачем ты стоишь под моим окном и что тебе надо?

– Я нигде не видел такого красивого цветка, что стоит на твоём подоконнике, – говорю я.

После этих слов она сбрасывает цветок с подоконника:

– Возьми его себе, – и закрывает окно.

И когда я каждое утро прохожу мимо ее окна, на подоконнике стоит свежий красивый благоухающий цветок. И каждый раз я останавливаюсь около окна и стою, вглядываясь в него. Затем она подходит, сбрасывает этот цветок и закрывает окно.

Я каждый раз останавливаюсь и с болью смотрю на падающий благо-

ухающий цветок и на мою красавицу, которая уже не закрывает со злостью окно, а стоит поодаль, любуясь моей нерешительностью.

А я закрываю глаза и вижу ее в своих объятиях.

* * *

С тех пор, как ты ушел, я стою у окна и смотрю на дорогу, ожидая твоего возвращения. Но – увы. Я выплакала все слезы, и чувства мои высыхают, превращая сердце в пустыню. Оказалось, что я тебе уже не нужна, будто песни свои я давно уже спела; будто сердце мое превратилось в холодный комок, и чувствам твоим уже не согреться в моих. Может, с тобой я была недостаточно ласковой?! Но я любила тебя. Ты ушел молча, не выказав ни жалости, ни нежности, оставляя меня одинокою – солнышком в тучах.

Вот сегодня сижу у окна и тоскую по милому другу:

– Где ж ты, милый, пропал, по тебе мое сердце тоскует...

И каким-то велением неба на мой подоконник опустился голубь красивейший и стал в мою душу глядеть. Кто же ты, голубок? Ты откуда, куда? Не видал ли по миру того, кто унес мое сердце с собою?! И глаза твои человечьи... Ты что, плачешь... и слезы в глазах появились... и неужто и голуби плакать умеют... Им понятна и боль... А вот я свои слезы до дна осушила, и не легче душе, и соблазны во мне умирают. Так проходят и дни, и не вижу возврата любви. Ах, мой голубь, мой голубь, мне бы крылья сейчас, и я полетела бы с тобою разыскать и мою, разыскать и твою...

* * *

«Мы расстаемся», – оказал я. И мы разошлись печально. Ты выплакала все слезы, утверждая, что жизнь для тебя в дальнейшем будет невыносимой. Я вернулся к тебе и сказал: «Жить без тебя не могу!» Ты снова поверила моему слову и всю ночь рыдала от счастья. Я опять тебе должен сказать, что я снова тебя оставляю. Сможешь ли снова не плакать, моему поверив слову?

«Я снова к тебе возвращаюсь», – скажу я радостно и обниму, затаив дыхание. Сможешь ли ты, не плача, радостно встретить меня?

Ты говоришь: «Хорошо, милый! И уезжай, и возвращайся, но каждый раз обнимай меня крепко, и буду я знать, что, уезжая, ты каждый раз вновь возвратишься, принося мне желанную радость».

* * *

Ты вернулся, как хорошо. Ты стоишь на своем золотом фэтоне и улыбаешься – отчего же ты не заходишь домой? Я целый вечер провела в ожидании и заснула в мыслях о тебе. Сойди со своего золотого фэтона, дивно сияющего под полной луной, и входи в дом. Я дверь оставила открытой для тебя, зная, что ты вернешься, как только я засну. Почему ты приходишь только во сне? Неужели спящая я милее для тебя, чем ожидающая с радостным волнением? Зачем же ты приходишь, лишь когда я засыпаю? А сон мой состоит из нескончаемого и запутанного лабиринта,

где я никак не могу найти тебя. Я не могу найти ту реальность, в которой ты живешь, и мне приходится превращать печальные дни в сон, чтобы в образе твоей невесты нашептывать слова, от которых возгорается во сне живущее сердце. Вот и вновь открыла я ворота своего сна, и ты подъехал на золотом фаэтоне, запряженном звездными конями, и улыбаешься. Прошу тебя, любимый, зайди в дом, моя душа истомилась. Каждый твой шаг – это стук моего сердца, и твой путь я угадываю во сне. Я уже не в силах держать свое сердце взаперти, – открой же мне таинственные двери жизни, о владыка истомленного моего сердца.

* * *

Ты попросила меня разжечь огонь в очаге и долго смотрела на него не мигая. О, какой же я непонятливый был и не понял вестника счастья! Ты сказала: «Согрейся, пылает огонь!» – и меня одарила улыбкой. О, какой же я непонятливый был и не понял пылающих чувств! Осуждая меня придирчивым взглядом, ты сказала: «Вот видишь, волнуется пламя, и пламя танцует с пламенем». Я смотрел боязливо в костер, удивляясь танцующему пламени. И улыбка твоя ветерком пробежала по цветущей моей душе, заставляя волноваться в желаниях. Я стоял замороженный, объятый пламенем стыда, и щеки мои горели, рождая в сердце беспричинный страх. О, какой я глупец! Я тогда чувствовал, как из твоих пылающих глаз лилась музыка любви мне еще не понятной сердитой волной. Я тогда удивляться боялся, видя танец безумства костра. Мое сердце стучало в незакрытую дверь щедромира и не знало, как мне подарить мое сердце другому.

О глупец! Сердце сердцу дарить было тайною мукой мгновенья.

* * *

– Я просто хотела отдать тебе мое сердце на сохранение.

– Вот оно что! Теперь я понял, что ты хотела и тайным взглядом в меня вселить: ты хотела ходить и жаловаться всем, что, мол, он забрал мое сердце.

– Нет, нет! Я просто, вздыхая, думала, что мое томящееся сердце может сохраниться только у тебя.

– Вот оно что! Ты хочешь отдать мне твое одинокое сердце и покой моего затворничества зажечь огнем мятежа.

– Да нет же! Просто мое восхищение тобой трепещет в лучах твоего взгляда, и я подумала, что в твоём удивительном мире чувств сохранится мое ликующее сердце, чтобы кто-то другой не посмел завладеть моей хрупкой душой.

– Да ты хочешь меня называть повелителем сердца и затем восхвалять те заботы мои о тебе и сказать: «Будь благословен, всевластный повелитель моего сердца!»

– Я просто хотела тебе принести ликование, волшебного мира волнение, а теперь растерялась – дороги не видно к тебе сквозь весенний буйный плен.

* * *

Ты выплыл из моего прошлого и вновь ворвался в мое будущее. Почему ты такой безжалостный? Как ты живешь в этом мире такой?! Я только что освободила мое сердце от тебя, а ты вновь ворвался в мою жизнь, поработав снова мое усталое сердце. Я давно стала избегать тебя, но сердце все же искало всюду твой образ, не давая мне покоя. И душа моя истомилась и обновлялась с каждой весной, борясь с давящей грустью. Ты каждый раз возникал из моего прошлого, завораживая вновь и вновь мое будущее, не давая покоя сердцу моему и моей жаждущей душе. Пощади меня, прошу. Зачем ты каждый раз разжигаешь все больше и больше мое страдание, вконец измучив мое исстрадавшееся сердце? Ты наполняешь мое сердце любовью и опустошаешь его страданием, обжигая мою непокорную молодость.

* * *

Возлюбленная явилась, и округа озарилась сиянием чувств, разливая щедроты любви в неистовой пляске...

Я знаю, что красоту нельзя упрекать из-за того, что вокруг нее начинается служение достойных и недостойных этого совершенства. Поэтому красота полна волнений и тревог, и кающаяся слеза, как благодарение, исполняющее свое жертвоприношение. Почему же красота порою рождает печаль? Ведь природа, покровительствуя ей, творит взаимодарение. Перед тайной твоей красоты я склоняюсь в низком поклоне и говорю: хранительница радостей и любви, владыка всего прекрасного, я дарю тебе мое сердце, наполненное страстью весенних цветов и щебетанием птиц, гнездящихся на ветках моих трепещущих чувств. Как хотел я, чтобы отпечаток твоего мгновенья сохранился навеки в моем сердце, как вечная печать твоего существования.

Путь моей судьбы остановился у твоего порога и ждет твоего назначенного срока, как заботливый сеятель счастья.

Слышишь, милая, как доносится с ближних полей хоровод раскрывающихся бутонов! Это свадьба Весны, где кипит торжество жизнеродной природы. Ты войди в мой бушующий миг, где волнение души открывает завесу мечты.

* * *

Когда ты украдкой смотришь на меня, странная тайная грусть тревожит мое сердце, и оно трепетно бьется в ожидании счастья. Что ты несешь с собою – радость или огорчение?! Твоя красота и вечная юность своим весенним звоном отзываются в моей душе. Зачем же ты одариваешь меня безумной страстью, бросая меня в костер любви, как незрелый бутон? Сердце устало в томлении, твой свет меня ослепляет, а мрак ночи угнетает. Я жажду жизни, но не вижу ее продолженья, точно во сне, как весна после стуженой зимы, и не знаю времени моего пробуждения...

* * *

Я ищу твой облик в чертах природы, но тысячи ее оттенков не дают мне возможности остановить мгновение. Мое настезь открытое сердце наполнено огромным, сверкающим чувством, и я боюсь утратить его и говорю: «Господи, спасибо за чуткую душу, что ты подарил мне, – она умеет постигать тревоги мира и сострадать утраченной красоте». А твоя улыбка, твой солнечный смех пробуждают во мне сверкающий пламень любви, которая молит о пощаде перед расцветшим цветком, и мольба ее звучит благовестом утоленных желаний...

ЦВЕТОК

Однажды жарким летним полднем я шел по цветущему полю. И увидел голубой цветок, бессильно поникший под палящими лучами солнца.

Даже теперь, привядший и слабый, он был исполнен той нерастраченной красоты, в которой светилась утренняя его стать.

Я остановился, пораженный прелестью увядания.

Нет, нельзя допустить, чтобы он погиб от жажды!

Я бросился к роднику, подставил ладони под его прохладную струйку и понес воду цветку. Я поливал его стебель, его нежные голубые лепестки и радовался, видя, как они оживают.

С тех пор я полюбил голубой цветок, и каждый день поил его ключевой водой.

Однажды он сказал мне так тихо, как будто его слова принес шелест колеблемых ветром трав:

– Не нужны мне твои жалкие капли, они не утолят моей жажды! Взгляни лучше на небо – только оттуда придет избавление!

Я запрокинул голову вверх и увидел низкие свинцовые тучи, готовые пролиться на землю обильным дождем.

Я выплеснул из пригоршни воду на подсохшие травы и побрел прочь, опустив голову.

Любовь изменила мне.

По земле, уставшей от зноя, ударили первые капли дождя. Но и они лишь прибили пыль на дороге. Тучи, которые приносит вихрь, недолговечны.

Я больше не ходил к голубому цветку, хотя в ушах у меня звучал его едва слышный шепот: «Спаси! Напой меня родниковой влагой!..»

Этно-художественная основа романа Т. Адыгова «ЩИТ ТИБАРДА»

Перечитывая и переосмысливая романы кабардинских писателей конца XX века, приходишь к выводу о необходимости более досконального анализа художественного текста произведений, а также творчества писателей в целом. В романе «Щит Тибарда» история, глубокая философская мысль, этно-художественная детализация и психологический анализ тесно переплетаются между собой. Драматические судьбы целых народов и отдельных людей в далекую эпоху XIII века становятся предметом художественного исследования. Осмысление истории народов Кавказа, и кабардинского народа в частности, дается с глубоких философских позиций, свидетельство тому – эпитафия романа:

*« – Поймал жар-птицу, держу ее!
– Она давно уже в небе...
– Глаза слепит что мне тогда и пальцы жжет?
– Одно перо ее».*

Человеку свойственно искать жар-птицу, пытаться ее поймать, и, удерживая в руке лишь перо ее, мечтать о самой птице, о счастье.

Настойчивый, требовательный и таинственный зов истории увлекает писателя, требует его оценки, участия, художественного осмысления для современного читателя: «Воздух спрессованных веков для меня – гигантское полотно, а на нем солнечные лучи из узких высоких окошек рисуют картины минувших эпох, и оживает прошлое моего народа».

Казалось бы, художник ставит в зачине своего романа глобальную проблему исторического прошлого кабардинского народа, но уже первая глава произведения подводит нас к мысли, что главное для него – человек, его судьба, потери и обретения, любовь и семья – жизнь...

Земля адыгов, находящаяся у Черного моря, на стыке Европы и Азии, представляла собой пересечение торговых путей и играла важную роль в экономической жизни многих стран и народов. Адыги торговали с итальянцами, византийцами, Ираном, Сирией, Русью и другими народами и странами. На рынках у адыгов можно было увидеть византийские амфоры, монеты, бусы из драгоценных камней, мажарские украшения, иранский шелк и многое другое.

Кузнец Болат дарит своей возлюбленной ожерелье из искусно обработанных монет разных стран: «урусская монета, римский динарий, арабский дирхем». И посланник Болата Лукман, сватающий Мелиуан, «перечислял названия монет: греческие, русские, латинские, синдские, персидские... Занесенные сюда колонистами, миссионерами, купцами, бушевавшими тут войнами, да и самими адыгами, прирожденными ратниками, издревле непоседливо блуждающими по свету...»

Основная проблема романа – необходимость единения народов Кавказа с русским народом, не случайно он открывается посвящением: *«Дружбе моей земли с русской, зародившейся в предвечные времена...»*

Главный герой романа – народ Тибард – сын этого народа, воин, проводящий жизнь в седле, в войнах, человек, делающий все для защиты своего народа. Одна из важных проблем в литературе – герой и народ – прослеживается писателем на образе Тибарда. Судьба полководца тяжела и переменчива: когда он возвращался с победой, «каждый норовил прикоснуться хотя бы к его щиту, кольчуге, мечу, сапогам...» Но когда он потерпел поражение в бою с кочевниками и потерял многих воинов, «осуждение окружало Тибарда, будто он один виноват в гибели их сыновей, отцов, мужей, в поражении объединенного войска».

Тему вечного стремления землепашца к мирному труду, покою писатель решает на широком фоне этно-фольклорных традиций, глубоких философских обобщений. К примеру, на площади сжигают деревянное чучело – дух войны. Люди молятся богу, чтобы он услышал их и послал мир: «Тысячи лет они режут в жертву быков и сжигают чучела. И просят они богов о мире и счастье, но нет на земле ни мира, ни счастья, а есть голод, нищета, несправедливость. И еще войны. Гибель их сыновей, отцов, братьев». И все это ради короткого мирного периода, пока вырастут новые воины, которых ждет очередная война.

Междоусобные войны, отсутствие мира между народами, захватнические набеги – все это заставляло адыгов жить в вечной тревоге и готовности к войне, они и детей растили будущими воинами. Тема жертвоприношения довольно тесно переплетается в романе не только с темой войны: жертву (быка, корову, барана) приносили при постройке дома, чтобы были счастливы его жильцы, на свадьбах, на похоронах, после удачного похода в благодарность богам и после неудачного, чтобы их умилостивить и т. д.

Тема жертвоприношения – отдельная и весьма серьезная, но следует отметить, что сам обряд связан как с языческой религией, так и с исламом. Неумение понять природные явления наполняло сознание человека представлениями о злых и добрых духах и закладывало основу магических действий символического характера. Вся жизнь Тибарда, его борьба и подвиги подчинены одной идее: «И все во имя того, чтобы народ слыл грозным и могущественным, враги страшились нападать, прочно стояли жилища, сытный был хлеб, женщины спокойно рожали детей и было мирным небо над головой».

Роман Т. Адыгова «Щит Тибарда» посвящен военным событиям, борьбе адыгов за свою независимость, но основной лейтмотив произведения – мир на земле, сама земля, дающая жизнь, хлеб, радость, и основной герой – землепашец, цель жизни которого – хлебный колос.

Юноша Лиуан, символизирующий будущее адыгского народа, «зачарованно размышляет о сокрытой в колосе тайне», как из одного семени вырастает целый колос: тут и удивление, и радость, и счастье землепашца.

Глубоки и неординарны философские размышления Лиуана о жизни адыгов, о закономерности появления среди них таких, как Тануко –

умных, докапывающихся до истины, одаренных – и стремление некоторых уничтожить Тануко: «...адыги испокон веков отличались острой нетерпимостью к тем своим соотечественникам, кто их превосходит. Некогда существовал обычай, усиленно насаждаемый жрецами, – таких забивали камнями, чтобы они своими разговорами и поведением, своим умом не будоражили простолодинов, и сохранился бы неизменным распорядок...»

Особое место в романе занимает тема молодого поколения, которому свойственны любознательность, стремление к истине, любовь к родной земле. Лиуан, Тануко, Пако хотят знать свою историю, корни, обычаи: «Человек – звено в цепочке, в череде времен и поколений, и он должен осознавать свое начало, откуда появился, кто были его предки», – рассуждает начитанный, много видящий и анализирующий Тануко. Читая «Повесть временных лет», изучая русскую культуру, язык, он хочет (не мало, не много!) «такую же создать: откуда пошла адыгская земля, адыгский народ...» Но это вряд ли кому-либо нужно сейчас: еще идут бесконечные войны, людей больше привлекает звон монет, чем шелест страниц.

Наиболее удачен, на наш взгляд, образ Лиуана. Сирота, спасенный и выкормленный Мелиуан, он – один из множества сирот военного времени, за которыми – будущее адыгов. Данный образ на последних страницах романа получает дальнейшую перспективу: описывая героя на борозде как настоящего и серьезного землепашца, писатель намечает его нелегкую судьбу: Лиуан станет знаменитым адыгским сказителем. Писатель как бы подчеркивает: все таланты идут от земли, от народа, от Родины, мы все – землепашцы, но каждый – на своей ниве, у каждого – свой нелегкий путь: «еще не обозначившийся напев клокотал в нем ярым протестом против зла и против лжи, клокотал в нем необратимый порыв утверждать правду и доброту...» Но талант песенника и сказителя, «ярменная натуга мыслей когда-нибудь прославит его необычайным умом, но принесет ему только страдание, горе и унижение».

«Щит Тибарда» – роман о войне и мире, о воинской доблести, о воспитании воинов-адыгов, но в то же время это роман о любви, о радостях жизни, о прекрасных традициях и обычаях горцев. Батальные сцены – одна из особенностей повествования. Идет битва адыгов, аланов, абазов с захватчиками: «Степь загудела от топота копыт, растравленные кони дико заржали; свирепые окрики сотников, вопли, стук железа, ругань, стон, свист, угрозы – многослойный гул войны заклокотал окрест». В этой схватке адыги, аланы и другие народы одержали победу, кочевники «ни разу не встречали подобного ожесточенного сопротивления. Избалованные легкими победами, доставшимися подкупом, коварством, обманом и жестокостью, они, до сей поры не изведав поражения, беспрепятственно двигались с востока, намереваясь достичь Последнего моря на самом краю земли. Шли, разрушая дотла города, истребляли целые народы.

А здесь истребляли их».

Подобное описание сражений – песнь подвигу, воинской храбрости, умению и ловкости народов Кавказа. Тибард – предводитель адыгских

воинов – дан в своей неповторимой красе, и в то же время он – человек, допускающий ошибки, имеющий слабости.

Но междоусобные распри, отсутствие согласия и взаимопонимания между князьями, не сумевшими решить, кто будет главой объединенного войска, приведут к огромным потерям в бою, к поражению. Первая победа, которую одержали над монголами адыги, аланы и другие народы Кавказа, будет только первой: кочевники придут вновь и победят. Своеобразным предвестником будущих поражений, их символом является раненый воин: «опустив голову, он в запыленных измятых доспехах сидел в глубоком деревянном кресле, к которому был приставлен огромный четырехугольный щит с трещинами, а на коленях покоился отстегнутый от пояса, сильно зазубренный широкий меч». С этого момента и с этого боя над адыгами начнется отсчет времени ига: они будут зависимы, будут платить дань завоевателям.

В романе «Щит Тибарда» часты лирические отступления, воспоминания, рассуждения, имеющие глубокое философское содержание: песня-проклятье черкешенки, проданной в рабство, адресована земле адыгов, не умеющей защищать своих детей:

«Небо, молнией сожги мою землю, ураган, сокруши, чтобы пылинки на ней не осталось, море, захлестни своими волнами, повергни ее в пучину, поглоти навсегда! Ах, зачем я родилась среди адыгов!»;

– лирическое обращение к земле адыгов, к горам: «Горы! Древние и юные! Величественно выситесь вы над землею торжеством всеведающей, сотворившей вас могучей силы, и гордо зовете людей к своим чистым вершинам»;

– сцена смерти князя Тибарда на поле сражения: «Постепенно растворяясь в белесом мареве, люди уничтожали друг друга с лютой беспощадностью, и на них с состраданием и болью взирали седые вершины.

– Безумцы... – разомкнулись пересохшие губы».

В художественной системе романа особую роль играют авторские размышления, обращения к читателю, они концентрируют в себе суть философского содержания романа: «Неоценимо одаренные случайным приходом из небытия в жизнь, мы пренебрегаем ее непреложными истинами, оказываясь сообразовывать с ними наше существование, и вместо того чтобы жить в мире, мы навязываем жизни иные законы, стремясь подчинить неподчинимое, в слепой суете неся своим близким только горе и разрушение. И жизнь мстит нам, с неумолимо справедливой неизбежностью выталкивая из себя нас, ее недостойных».

И как вывод: «И останется только земля в неизбежной надежде на благоразумие нарождающихся поколений».

Эти строки содержат в себе размышления художника о человеке, о его месте и предназначении на земле, о связях его с ушедшими из жизни и грядущими в нее, о неразумности человеческих разорений, бед, о вечности земли и космоса и т. д.

Исследователи считают, что публицистика «убивает» каноны жанра, но в данном случае аналитический метод художественного исследования используется писателем как способ изображения поведения человека в

непрерывном внутреннем его движении и поиске, как процесс сменяющихся побуждений, обуславливающих поведение героя, в то же время – это система, подчеркивающая роль, место человека в обществе, среди людей.

Адыгские традиции, обычаи, фольклор нередко служат своеобразным фоном повествования, направляя его в нужное русло, художественно окрашивая, поясняя и дополняя.

Повествуя о событиях далекого прошлого, писатель широко вводит в произведение легенды, известные крупные исторические события, фольклорный материал. История адыгов, живших на Черноморском побережье, в ущельях, лесах, их взаимоотношения с соседними народами в борьбе за единство и взаимопонимание, воссоздание быта, древних обычаев и этикета, – все это открывает большие возможности для широкого пространственного изображения действительности.

Георгию Яропольскому – 50

Сквозь бытовые значения слов у Яропольского неизменно просвечивает их символический смысл. Благодаря этому его тексты образуют между собою ту связь, которая, помимо «самовыражения», раскрывает взаимопринадлежность быта и бытия. Поэт, ощущающий незримую жизнь слов языка, находит свое дело в словоупотреблении как таковом, в словоупотреблении, которое порождается из недр символического обстояния бытия.

Александр Царикаев

Меня не перестает поражать его необъяснимая внутренняя сила. Кажется, если бы он не писал, то просто с ума сошел бы от внутренней взрывной энергии. Каждая новая книга Яропольского производит впечатление смелого и плодотворного шага.

Тамара Чаниева

Яропольский, как одержимый программист, тестирует минувшее в виртуальном компьютере собственного сознания, получая на выходе то отдельные стихотворения, то венки сонетов, то поэмы... Он ярко отразил время, когда почва уходит из-под ног, когда календарь сливается в липкий комок страхов, тщетных ожиданий и бессильных потуг.

Игорь Терехов

Есть несколько переводчиков от бога, и среди них – Георгий Яропольский, переведший с английского «Белый отель» и другие романы Д. М. Томаса, «Облачный атлас» Д. Митчелла, «На лоне Лондонских Полей» М. Эмиса и многое другое.

Александр Гузман

Одна из характерных черт стиля Георгия Яропольского – самоирония, за которой на деле скрывается острый аналитический ум и беспощадно ясный взгляд на мир. Автор скорбит о Человеке, а скорбь предполагает любовь, она невозможна без всепроникающей, всеобъемлющей любви... Он никогда не теряет высокой поэтической ноты. Будучи сверхсовременным в смысле поэтических приемов, он вместе с тем следует великой русской поэтической традиции.

Джамбулат Кошубаев

Георгий Яропольский – один из признанных и авторитетных переводчиков карачаево-балкарской поэзии. Лингвист по образованию, уроженец Кабардино-Балкарии, знающий балкарскую культуру «в корнях и ветвях», он достигает высокой степени адекватности перевода.

Зухра Кучукова

Георгий Яропольский – переводчик в самом точном и глубоком смысле. Его переводам подвластны «шагрень времени» и «несхожесть дней», строки Апокалипсиса и Роберта Фроста, чин литургии и «чернильная тишина». Однажды сделав выбор в пользу осознанного в слове бытия, он продолжает измерять пространство между холмами хлама и Храма...

Наталья Смирнова

Поэт и переводчик с хорошим слухом и вкусом. Меня радует опыт работы с ним как с переводчиком. Его интеллект, интуиция, любовь к слову, – все это присутствует в его переводах. Хорошо, что такой художник слова есть в нашей литературе.

Абдуллах Бегиев

Георгий ЯРОПОЛЬСКИЙ

Я показал на блюде студня
косые скулы океана.

В. В. Маяковский

Не скулы на блюде,
а наоборот.
«Мы – полые люди», –
сказал Элиот.

Сыграть, что ли, в жмурки?
«Jawohl!» да «Sehr gut!»

Из плюшевой шкурки
опилки ползут.

Какое нам дело?
Мозги как мозги.
Стели себе смело
ковер из лузги.

Назло обещаньям
младенческих лет
нищаем, нищаем –
спасения нет.

Всяк будет раздавлен –
крути не крути;
о, сколько развалин
в смятенной груди...

Но, полые люди,
живем без забот:
не скулы на блюде,
а наоборот!

Излишество – такой же недостаток.
В стране слепых все зрячие – изгои.
Они несчастны,
об этом часто не подозревая.
Вот им и соболезнуют вдвойне.

Весы сподручнее о двух опорах.
Держаться в спорах лучше середины.
Зубовный скрежет
и пенье ангелов одновременны
и поровну содержат децибел.

Кровь, слезы и чернила разложимы
на элементы. Мелкая посуда
вместить способна
все океаны, реки и проливы.
Вода всегда останется водой.

А бесконечность, отними две трети,
пребудет бесконечностью. Страшнее
обрезать палец.
Промолвил некто: «Время – это двери».
Пожалуйста, не хлопайте дверьми!

Нам каждому дано лишь по стакану –
пролить, разбить, обрезать палец, выпить.

Не будет бури.

Поэтому давайте веселиться.

В стране слепых похвально быть слепым.

30.01.06

Знаю я: за спиной злословье

расцветает, клокочет, ржет:

«Лишь коряги в его улове!

Жвачку старую он жует!

Все талдычит одно и то же!

Он – пропойца! пропащий! псих!..»

О друзьях говорят похоже,

знаю все я – от сих до сих.

Ну и черт с этой зябкой зыбью –

извиняться, простите, лень.

Если вновь ни черта не выблю –

может, просто мне жаль мишень?

В своем меню оставить лишь акриды

дано не всем и каждому, увы!

Карикатуры, как кариатиды,

над нами держат купол синевы.

Не сломят нас невзгоды и заботы!

Когда за жизнь не дал бы и гроша,

скабрзные спасают анекдоты

да грубо подведенные глаза.

Когда душа, взлетевши над оградой,

заполнится надмирной пустотой,

разврат врачует низменной отрадой,

упругостью похабщины святой.

Когда, шасси убрав, ты мечешь громы

и молнии – на пошлость и тщету, –

то ты, ужель, бомбишь аэродромы,

позволившие взвиться в высоту!

А надо, праха с ног не отряхая,
напраслины на мир не возводить...
И снова – с добрым утром, тетя Хая!
И – снова надо в небо уходить.

А знаешь, мы с тобою многим вторим!
...Рассказ, к примеру, Кира Булычева:
там инопланетяне дышат фтором,
погибель им от воздуха земного.

И так же для землян глоток смертелен
их фтористой прекрасной атмосферы...
Но путь любви повсюду беспределен –
не ведает ни удержу, ни меры!

Вот инопланетянка и землянин
сквозь бронестекла смотрят друг на друга –
и каждый золотой стрелой ранен,
и каждому не вырваться из круга...

Но как же так? В единое их души
слились, назло планидам и природам, –
неужто же сердца забьются глуше
из-за различья фтора с кислородом?

Увы, там об объятьях нет и речи...
Конечно же, рассказ задуман ловко,
но всякий раз при краткой нашей встрече
я думаю: нелепа в нем концовка!

Дарован приговор, пожалована плаха.
Что может быть спасенья опаснее теперь?
Друзьям наперекор, я боли жду и страха.
Тюремщик мой рассеян – я сам прикрою дверь.

А если б кто сказал – вторая, мол, попытка, –
все прошлое – до жеста! – я мог бы повторить.
Глядеть в твои глаза – любимейшая пытка,
проклятое блаженство – с тобою говорить.

Покуда ты и молод, и здоров,
то служишь лишь летучему мгновенью:
ты кроешь всех, и это – словно кров,
препятствующий ввысь проникновенью.

Когда ж Приап тряпицею одряб,
и, в складках жира, выпятилось брюхо,
и стало не до цып и не до Ряб, –
тогда и наступает время духа.

И понимаешь в зыбкой тишине,
что в тех мгновеньях ангелы витали, –
Теперь ты различил бы их вполне,
когда б не знал про стороны медали.

?

...каждый человек есть часть материка, часть суши...

Джон Донн

Любимых каждый убивал.

Оскар Уайльд

Эпиграфом из Джона Донна
и я когда-то восторгался,
но ныне словом «мегатонна»
сердца людские сбиты с галса.

Колоколов уже так много,
что сделались неразличимы.
Нас утешают: знать, у Бога
на то есть веские причины.

И мы киваем: да, наверно,
во всей творимой мегасмерти
повинна лишь людская скверна,
а Бог... Он есть Любовь, поверьте!

Бог есть Любовь... Но, может, Уайльда
пора припомнить? До упаду
смеялся б он над нами: ай да
любовь! (Смотри его «Балладу...»)

Любовь всегда сродни убийству,
о чем мы часто забываем
(поскольку Уайльда к букинисту
снесли). С любовью – убиваем!

Саладин ЖИЛЕТЕЖЕВ

Кто такая мадемуазель Аиссе?

Об Аиссе (Хаишат) – приемной дочери французского дипломата, работавшего тогда в Турции, графа Шарля де Ферриоля, черкешенке, нашей землячке, ставшей классиком французской литературы, написаны романы, повести, пьесы, рассказы, стихи...

Впервые ее образ воссоздал известный французский писатель Аббат Прево в своем романе «История одной Гречанки». Потом судьбой удивительной Аиссе заинтересовался Мариво – в романе «Жизнь Марианны». «Аиссе, или Юная черкешенка» – так озаглавил свою повесть Ж. Руан. Великая актриса Сара Бернар в парижском театре «Одеон» исполняла роль прекрасной черкешенки в спектакле «Мадемуазель Аиссе».

Перу английской писательницы Кемпбелл Прейд принадлежит большое художественное полотно «Мадемуазель Аиссе». Французская беллетристка Эмери де Пьербур опубликовала роман о нашей соотечественнице, адыгской женщине. Интереснейший этюд о «пленительной черкешенке» написал Поль де Сен-Виктор...

Перечислить всех авторов критико-биографических очерков и беллетристических этюдов о знаменитой горянке не только трудно, но и невозможно. Несмотря на это, нельзя оставить без внимания имена французов Жюля Сури, Эмиля Анрио, Андре Моруа, англичанина Эндмона Пилона, в творчестве которых блестяще показан образ мадемуазель Аиссе. В Майкопе – в госдрамтеатре имени А. С. Пушкина – довольно успешно осуществлена постановка пьесы «Аишат».

Кто же эта черкешенка, окруженная лучшими представителями французской аристократии, незаурядная личность, сумевшая завоевать столь пристальное внимание великих людей XVII века? Эта хрупкая черкесская княжна (на знатность ее происхождения указывал первоначальный владелец Хаишат) своим творчеством вошла в классику французской литературы. Автор «Писем к госпоже Каландрини», этого маленького шедевра французской прозы, «вернулась» на родину: в 1985 году издательство «Наука» в академической серии «Литературные памятники» выпустило стотысячным тиражом «Письма» Аиссе в переводе на русский язык.

Вольтер, не раз встречавшийся с Аиссе, посвятил ей стихи. Позже, познакомившись с ее сочинениями, он писал: «Недавно я прочел том писем мадемуазель Аиссе. Наивность ее не так уж проста. Она хорошо понимала, что значит зло, которое видела вокруг себя, она обвиняла себя в том, что принимала в нем участие... хотя ее непорочная и добродетель-

ная натура с отвращением отвернулась от подобной жизни. Она писала лучше вас...»

Крупнейший французский критик середины XIX в. Ш.-О. Сент-Бев скрупулезно изучил творчество писательницы, обобщил все ее библиографические сведения и написал для нового издания «Писем» (1846) литературный портрет Аиссе. «Этот маленький том является одной из тех книг, которые имеют почитателей сегодня, – утверждал он. – Прочешь такую книгу посоветуешь и передашь тому, кого любишь, уважаешь и кто сможет оценить волнуемую смесь естественного, чистого и нежного».

Внимания и расположения умной и обаятельной черкешенки добивались многие ее поклонники из высшего света. Но она была недоступна, непреклонна. Сам регент Франции, герцог Орлеанский, десятками способов пытался сблизиться с Аиссе, чтобы сделать ее своей фавориткой. Аиссе решительно отвергла эти домогательства, которые с восторгом приняла бы любая из придворных красавиц. Удивляясь строгости ее нравов, ее целомудрию, порядочности и тактичности, Сент-Бев писал: «Было необходимо, чтобы эта черкешенка, вышедшая с азиатского базара, была привезена во Францию для того, чтобы она восстановила памятник святости и чистоты человеческих чувств».

...У мадемуазель Аиссе был редкий дар литератора. Она чувствовала «запах слова», точно найденными оборотами речи, убедительными и изящными словосочетаниями передавала свои мысли.

В предлагаемой статье мы попытаемся рассказать о характере мышления и образе жизни м-ль Аиссе, о драматизме ее жизни, о борьбе с графом Шарлем де Ферриолем, думы и намерения которого по отношению к ней были ей чужды и противны. Здесь также коснемся писем ее к госпоже Каландрини, умной и прекрасной женщине, которую любила и ценила до конца своих дней мадемуазель Аиссе. Она ей посвятила 36 писем, вошедших в золотой фонд мировой классической литературы.

Мы считаем необходимым глубже познакомить читателей с жизнью и творчеством этого незаурядного человека, нашей землячки-соплеменницы, «прекрасной черкешенки», имя которой с любовью и почитанием произносится мировой художественной и литературной общественностью и которую следовало бы, на наш взгляд, признать национальным достоянием всеобщего адыгского народа...

Весной 1698 г. французский дипломат граф Шарль де Ферриоль, прогуливаясь по стамбульскому невольническому рынку, обратил внимание на девочку-черкешенку, взятую в плен, привезенную для продажи, и вскоре купил ее. Ей было года четыре; она отзывалась на имя Гаиде; первоначальный владелец ее утверждал, что происходила она из знатного, возможно, даже княжеского рода с Кавказа.

«Турики дивились тому, что я, француз, могу оказаться, если позволено так выразиться, отуреченным не менее, чем коренные обитатели страны, и уже само это редкостное явление с первых же дней снискало мне их благосклонность и особое уважение, – вспоминал потом дипломат, – я всегда сочувственно относился к их обычаям и нравам, и это еще больше привязывало их ко мне. Они даже вообразили, что раз у меня так много

общего с турками, значит, я сочувствую и их вере, а потому они стали еще больше уважать меня... 22 июня 1692 года, после завершения всех дел, я покинул Стамбул и отправился на родину; вместе со мной была Гаиде. По дороге, в Лионе, Гаиде была крещена. Ее крестной матерью стала г-жа Ла Феррьер, жена лионского сенешаля; в роли крестного отца выступил я сам. При крещении ей были даны имена Шарлотта-Элизабет. Ее я с самого начала нашего общения поручил заботам невестки.

Мария-Анжелика де Ферриоль была женой моего младшего брата Шарля де Ферриоля-Огюстена-Антуана. Женщина умная, деятельная и властная, она правила домом твердой рукой, почти не считаясь с мужем.

К тому моменту, когда на их попечении оказалась Шарлотта-Элизабет, у них был уже годовалый Антуан (впоследствии принявший титул графа де Пен-де-Веля), а в 1700 г. появился на свет и другой – Шарль-Огюстен, будущий граф д'Аржанталь. Любопытно, что крестных родителей этого последнего – дядю и тетю – «представляли» Антуан и Шарлотта-Гаиде. Во французском произношении «Аиде» постепенно превратилось в более изысканное «Аиссе»...

В течение нескольких лет Аиссе воспитывалась дома, а затем по обычаю того времени была отдана в монастырь. Там она должна была усовершенствоваться в чтении и письме, научиться считать, рисовать, петь, танцевать, играть на клавесине, рукодельничать, что являлось более или менее обязательным для девушек ее круга.

Осенью 1711 года я возвратился из Турции... В Париже поселился в особняке, – продолжал рассказывать граф Шарль Ферриоль. – На протяжении двух последних лет я болел, врачи обнаружили признаки душевного расстройства. Движимая чувством сострадания, Аиссе пришла на помощь своему благодетелю, ко мне, тем более, что все эти годы я не забывал «прекрасную Гаиде», то приветствуя ее в письмах к моим родным, то обсуждая с ними ее будущее, то посылая ей разные подарки... Через некоторое время мое состояние здоровья значительно улучшилось, болезнь отступила. И, признаться, я до того был покорен этой удивительной женщиной тончайшей души и незаурядной личности, что постоянно ее образ стоял перед моими глазами. Она мерещилась мне везде, даже ночами во снах. Я не мог жить и думать без нее – все время представлял ее рядом со мной, и потому много раз пытался признаться ей, но каждый раз она умело и кстати находила повод, заставляющий уйти не только от этого разговора, но и от намерения даже, не давая произнести хотя бы одну фразу, которая касалась бы изложения намека той мысли, что постоянно мучила меня. Упорно, еще и еще раз я намеревался это сделать в надежде мне высказаться наконец, но все безрезультатно...

И так, из месяца в месяц, из года в год, шла между нами борьба долгие годы – я настойчиво требовал «свое», а она «отбивалась», мягко, стараясь не обидеть меня, отказываясь, отговаривая... Но и после этого я, несмотря на сопротивление «прекрасной черкешенки», решительно не хотел предоставить ей свободу... “Кто поверит, что я чистосердечен в изображении своих утех и горестей? – признавался я своим близким

знакомым. – Кто не усомнится в правдивости моих описаний и моих восторженных похвал? Не исказит ли будущая страсть картину всего, что мне суждено было увидеть и совершить?..” Словом, можно ли ожидать правдивости от чувства, коим водит любовь? Любимая мною ценила меня, слушалась как отца, уважала как властелина, советовалась со мной как с другом; но это ли награда за чувство, подобное моему. Я охотно рисовал ее в себе в том окружении, куда, казалось мне, могу ее ввести. И, заранее представив ее пленительный облик в новой среде, я подумал: тогда она будет наделена всем, чтобы стать прекраснейшей женщиной в мире... Да, она могла бы также чаровать своим умом и сердцем, как и внешним совершенством. И какой же мужчина, благородный, с безупречным вкусом, не почтет за счастье посвятить ей всю свою жизнь?! Женщина, по ее словам, не может рассчитывать на иное счастье, кроме счастья угождать своему повелителю... Я с горечью рассказал ей о невзгодах, нередко постигающих мужчин в христианских странах, где мы идем на все, чтобы дать женщинам счастье, где мы относимся к женщинам скорее как к королевам, чем к рабыням, безраздельно посвящаем им жизнь и просим за это только ласки, нежности и добронравия, а между тем почти всегда оказывается, что мужчина ошибся в выборе супруги, которой он дарует свое имя, свое общественное положение и состояние. Я был очарован скромным и благопристойным выражением, вдруг появившимся на ее лице. Склонность к целомудрию, которую я предполагаю в ней, является следствием ее врожденных качеств...»

Все представители французской аристократии того времени, кому довелось хотя бы раз в жизни пообщаться с этим удивительно воспитанным и нежным, одаренным и грамотным, проявившим многогранный талант человеком, восхищались тем, что без помощи иного наставника, кроме природы, ей удалось так точно выходить из затруднений, и что, говоря о своих мечтах и размышлениях, она большинству своих помыслов придавала чисто философский оборот. Она была очень развита, причем нельзя было предположить, что эти мысли она у кого-то заимствовала. Она называла всех тех, с кем ей приходилось пообщаться, своим повелителем, властелином, отцом, – словом, давала им все нежные имена, обычные в устах восточных женщин.

Когда кто-то пытался расхваливать ее взгляды и поведение, она возмущалась и утверждала, что все это преувеличение людей, влюбленных и уважительно относящихся к ней и что ничего подобного она не только не заслуживает, но и даже не достойна и малой доли той оценки, какую ей собираются дать.

Некоторые, кому доводилось ближе познакомиться с нею, в самом деле не только находили в ней все достоинства, которые ей приписывали знакомые, но даже выставляли ее в пример соблюдения этикета французской аристократией...

Ее степенность, сдержанность, целомудрие и высочайшая нравственность никому не позволяли не только свободного, но и мало-мальски нетактичного обращения с ней, не говоря даже о каком-то общении относительно любви к ней или каких-то, пусть даже добрых намерений и взаи-

моотношений, касающихся близкого к ней расположения. Мало того, даже самые высокопоставленные джентльмены не решались с ней заговорить о чем-нибудь. Так думали и ценили ее не только благорасположенные к ней люди, воспитанные на примерах культуры самого изысканного этикета, но и любой представитель самого высшего общества Франции.

Аиссе от природы была склонна к размышлениям. Все, что западало ей в душу, она сразу же начинала обсуждать со многих точек зрения...

Поразит ли ее какой-нибудь обычай, свойственный ее соотечественникам, услышит ли она впервые о каких-либо нравственных устоях, она неизменно, как на это обращали внимание многие, на мгновение задумывалась, чтобы запечатлеть их в своей памяти, иной раз она просила собеседника повторить сказанное, словно боялась, что не вполне поняла смысла этих слов или может их забыть. В ходе обстоятельных бесед ей всегда удавалось так или иначе выразить ему свою признательность; но прежде чем у нее проявились эти нежные порывы, она своими рассуждениями так затрудняла кому бы то ни было подход к поставленной им цели относительно чувств, что никому никак не удавалось перевести разговор на себя, чтобы воспользоваться преимуществами, на которые рассчитывал человек, с кем она общалась...

Даже самые изысканные француженки восторгались многими врожденными достоинствами, которые выделяли ее среди других женщин. Побывавший на Кавказе и видевший горянку хотя бы один раз в жизни, сразу смог бы определить по ее скромности и поведению, что она горянка, воспитанная на примерах обычаев и этикета народов Кавказа.

«То ли ее мучила ностальгия, то ли она очарована воспоминаниями детства или мечтала о встрече с близкими, никому это не ведомо было, но иногда ни с того, ни с сего глаза ее затуманивались слезами и она восклицала:

– Увы! Зачем предаваться предположениям, которые могут только усугубить мои страдания?..

Вывравшийся у нее вздох поведал о том, что происходит в ее сердце. В каждом слове, с которым кто-либо обращался к ней, она находила нежность, но и речи их, и поведение были сдержаны в силу присущей ей благовоспитанности, а в то же время в них чувствовалась страсть, с небывалой силой разгоравшаяся в сердце каждого.

Иной раз она защищалась от пылких излияний влюбленных, но делала это не из презрения к ним и не из чрезмерной строгости. Она только просила не расточать столь ласковые, столько проникновенные речи. А когда в ответ на эти слова с еще большим жаром изливались они в своих чувствах, она говорила, что нет ничего удивительного в том, что у вас на родине женщинам уготована на редкость счастливая судьба, если все мужчины относятся к ним с такой любезной снисходительностью...

У природы свои права, против которых сердцу человека никак не устоять, как бы черств или корыстен он ни был.

Многие долго любовались ею с наслаждением или, лучше сказать, с ненасытностью, какой никогда еще не испытывал никто. Весь ее облик, до тех пор лишь умеренно восхищавший их, теперь трогал поклонников до

такой степени, что в каком-то исступлении они даже мечтали подвинуть свой стул, чтобы оказаться поближе к ней...»

«Однажды, – вспоминает граф Шарль де Ферриоль, – она потупилась, и я заметил, что по щекам ее сбежало несколько слезинок. Потом, в смущении обратив на меня взгляд, она стала уверять, что не может упрекнуть себя в неблагодарности... До тех пор я ничуть не сомневался, что она уступила всем моим притязаниям, и считал ее столь же подготовленной к завершению этой сцены, что вовсе и не помышлял скрывать свои надежды от женщины, на которую я приобрел столько прав и которая к тому же добровольно отдавалась в мою власть. Поэтому-то острое, пылкое чувство, которое я питал к ней до тех пор, было в моих глазах не чем иным, как вспышкой сладострастия, в силу которой она стала мне желаннее всякой другой женщины, ибо ее соблазнительная внешность сулила много несказанных утех... Она исподлобья взглянула на меня, глубоко вздохнула, выражая великое недовольство, и жалобным голосом еле слышно произнесла:

– Я не могу отказать вам в том, что вы от меня требуете, но я никак не ожидала этого... – Прошептав эти слова, она умолкла, словно горе и страх вдруг лишили ее дара речи, и по ее дыханию я понял, что она глубоко взволнована. Удивление, охватившее меня и сразу же достигшее крайнего предела, а может быть, и стыд, с которым я не смог сразу совладать, привели меня самого в такое же состояние, поэтому если бы кто-нибудь увидел нас в эту минуту, он был бы изумлен весьма странным зрелищем и подумал бы: не сражены ли мы оба каким-нибудь внезапным недугом? Тем временем я старался выйти из тягостного положения:

– Подождите, дайте мне на минутку ручку, послушайте меня, потом ответьте.

Она уступила, по-видимому, из боязни обидеть меня, чем из желания пойти мне навстречу. И она опять удивила меня своим ответом.

– Увы, имею ли я право в чем бы то ни было отказать Вам? Есть ли в моем расположении что-либо такое, что не принадлежит Вам в этой же мере, как и мне?

Я изумился и невольно произнес:

– Но нет... Нет, этого я никак не ожидал!

Слезы полились из нее ручьями. Я был крайне смущен, и вместе с тем у меня мелькнуло сомнение в ее искренности. Мне вспомнились слышанные неоднократно рассказы о том, что женщины Востока считают похвальным долго отказывать в любовных ласках, и я уже готов был пренебречь ее сопротивлением и слезами. Однако простодушие, сквозившее в ее скорби, а также страх, что я не оправдаю высокого мнения, которое сложилось у нее обо мне, – если считать, что оно искренне, – побудили меня тотчас подавить в себе все порывы... И я, встревоженный этим отношением, обратился к ней:

– Не бойтесь взглянуть мне в глаза, знайте, что я меньше чем кто-либо на свете склонен огорчать вас и действовать наперекор вашим чувствам. Желания мои – естественное следствие ваших чар, и я подумал, что вы не откажете... – Не успел я закончить фразу, как она прерывает меня го-

рестным стоном, исторгшимся, казалось, из самой глубины уязвленного сердца... Я понял, что слова мои не только не успокоили ее, как рассчитывал, а наоборот, лишь усугубили ее скорбь...

Ничего не понимая в этом диковинном приключении и страшась спросить ее сказать мне без обиняков, что должен я делать, что должен говорить, дабы искупить причиненное ей огорчение, наконец я сказал:

– Умоляю не осуждать меня слишком сурово за это...

Она схватила меня за руку и воскликнула:

– О, лучший из людей, судите справедливее о чувстве Вашей несчастной рабыни и верьте, что между нами никогда не произойдет ничего такого, что можно было бы назвать оскорблением! Но Вы причинили моему сердцу смертельное горе. Об одном только молю Вас, раз Вы позволили мне высказаться... – Произнеся эти слова, она попыталась броситься мне в ноги, но я силою удержал ее не делать этого и сказал тихо, но уверенно:

– Не приносите слов, которые отнюдь не соответствуют Вашему положению, Вы не только не рабыня моя, а наоборот, сами могли бы обрести надо мною власть, которую я охотно предоставил бы Вам. Но я не хочу владеть Вами, Вашим сердцем насильно, если даже бы имел право принудить Вас...

Несколько мгновений она смотрела на меня, и я с удивлением заметил, что по щекам ее катятся слезы. Когда же в тревоге, забыв о своем намерении, я спросил, чем они вызваны, ответ ее показался еще удивительнее.

– Нет на свете человека более достойного жалости, чем я, – стала говорить она сквозь слезы, – и именно слова, сказанные Вами, и причиняют мне то горе, которое заранее предвидела...

Я не знал, что ей ответить, и в волнении произнес:

– Я попрошу Вас высказаться яснее.

Она воскликнула:

– Увы! Сколь Вы несправедливый к моим чувствам! После того, что Вы подумали, Вы говорите со мною тоном, порожденным все теми же мыслями, и я смертельно скорблю, что как ни стараюсь раскрыть перед Вами глубины своего сердца, мне все же не удастся показать Вам, что в нем творится. Я вполне сознаю, что без покровителя и вожатого судьба моя стала бы незавидной. Твердо полагаясь на Ваши обещания, я надеялась, что Вы укажете мне самые надежные пути... Я считала Вас своим наставником в добродетели... Увы, неужели я высказалась недостаточно ясно или Вы только делали вид, будто не понимаете? Ограниченность моего ума, беспорядочность мыслей и выражений могли привести к тому, что Вы превратно поняли мои чувства; я всеми силами стараюсь объяснить их Вам, и если Вы из того хоть отчасти поймете – не сетуйте на то, какое действие оказали Ваши уроки на мое сердце... Если взгляды Ваши ныне изменились, то я чувствую, что сама должна придерживаться прежних, и умоляю Вас – позвольте мне остаться им верной!..

Я еще был во власти размышлений, занимавших меня, и упреки ее не только не обижали меня, ее чувства и намерения не только меня не

огорчали, а наоборот, я был в восторге, что так подтверждаются мои догадки...

Потом я воскликнул:

– Любезная Аиссе! Вы устыдили меня своими упреками, которых не скрою, еще вчера я никак не ожидал. Я пришел сюда готовый признать свою вину, и не только по рассудку, но и по склонности вдруг приобщаюсь я к возвышенной нравственности. Что я сказал, что сделал, чтобы вдохновить Вас на нее? Разве несколько случайных замечаний о европейских обычаях могли зародить в Вашем сердце столь благие устремления? Нет, нет, Вы обязаны этим лишь себе самой, и Ваше воспитание, которое скрывало эти устремления силою привычки, – не что иное, как невзгоды судьбы, за которое Вас никак нельзя осуждать... Добродетель, о которой в Европе имеют столь высокие представления, на деле претворяется не лучше, чем в Турции. Страсти и пороки Вы встретите всюду, где живут люди. Но если Вы хоть немного доверяете мне, положитесь на мои чувства. Отныне они могут внушать мне лишь пламенное желание совершенствовать Ваш духовный мир. Дом мой будет святилищем. Следуя моему примеру, слуги станут глубоко чтить Вас. Опорой Вам будет моя верная дружба, а если высказанные мною мысли Вам по душе, Вы, быть может, извлечете из моих советов еще кое-какую пользу...

Она смотрела на меня так задумчиво, что я тщетно пытался прочесть в ее глазах, удовлетворил ли ее мой ответ. Ее молчание наводило меня на тревожную мысль, что у нее, пожалуй, остались сомнения в моей искренности и что, став однажды свидетельницей моей слабости, она уже не решится положиться на меня. В действительности же все ее опасения относились к ней самой...

Потом она долго рассматривала меня молча и произнесла:

– Ведь трудно допустить, что при Ваших взглядах на добродетель Вы можете не презирать женщину, отказавшую Вам...

– Вы будете жить в этом доме и заведете здесь такие порядки, как сочтете нужным, – сказал я ей в ответ. – Я стану приезжать к Вам не иначе как с Вашего согласия. Вы будете принимать здесь только людей, которые Вам по душе. Я позабочусь, чтобы у Вас было все нужное для работы или влечений. Идя навстречу Вашему желанию совершенствовать ум и сердце...

Красота сама по себе не возбуждала во мне любви, но я оказался под влиянием восхищения, которое Вы у меня вызвали... И когда я узнал Ваши совершенства, мне так захотелось отдать Вам свое сердце навеки.

Она, чувствуя, куда клонится моя речь, постаралась ловко прервать ее:

– Действительно, Ваши собственные благодеяния вызвали у Вас дружеские чувства ко мне, и эта дружба – такой бесценный дар, что он всю жизнь будет заменять мне богатство и счастье, мой благодетель граф Шарль Ферриоль...

Я сам дивился тому, что мне нужно прибегать к таким предосторожностям, подумал я, чтобы высказать свои чувства девушке, которая в первые дни своей свободы, пожалуй, сочла бы за счастье сразу же перейти

в мои руки. Поэтому, невзирая на все упоение любовью, я упрекал себя за робость. Я оставляю в стороне тайные угрызения совести, которых не мог подавить, вспоминая, как я внушал ей основы добронравия, оставляю в стороне боязнь лишиться ее уважения, если дам волю страсти, конечная цель коей не что иное, как надругательство над добронравием, хочу только дать правильное представление об ее облике, столь способном воспламенить сердца, а следовательно, внушать радость, робость и благоговение, особенно когда вместо доступности, такой желанной и как бы подтверждаемой прелестями любимой, встречаешь целомудрие, благородство речей и поведения, свидетельствующие о высоких добродетелях, которые нельзя было предполагать под столь соблазнительной внешностью. Сколько раз, верный свойственным мне правилам прямоты и чести, я думал переломить себя и не отвлекать ее от ее добродетельных наклонностей! Вместе с тем, увлекаемый страстью, которую моя сдержанность и молчание лишь распалили, я давал небесам клятву не выходить за намеченные пределы и воображал, будто веду себя мудро, принимая решение просить у нее только то, что сама она склонна мне давать.

Рассуждения ее обо всем этом отличались таким глубокомыслием и проникновенностью, каких не встретишь и в лучших наших книгах, а сводились они к тому, что ни ей, ни мне не подобает отдаваться страсти: ей — потому, что она видит во мне отца, а мне, ее наставнику, — потому, что не следует злоупотреблять моей законной властью над нею... И на сей раз она удивила меня своим ответом:

— Если мое присутствие волнует Вас, то я прошу позволения осуществить прежнее свое намерение — укрыться в каком-нибудь тихом христианском городке, чтобы мне не пришлось упрекать себя в том, что я мешаю счастью наставника и отца, ради которого я готова пожертвовать своим благополучием...

В некотором замешательстве я подумал: “Мне ли было разыгрывать здесь проповедника, наставника? Что за нелепость для человека моих лет и моего положения!.. Ах, как жестоко я за это наказан! Моя ли это вина? Каким же образом внушил я ей столь суровую добродетель? Я представил ей позор той любви, которая господствует в Турции: легкость, с какою женщины идут навстречу желаниям мужчин, грубость в наслаждениях, пренебрежение всем, что именуется вкусом и чувством; но разве я когда-нибудь пытался отвратить ее от возвышенной любви, от благопристойных отношений, которые являются самым сладостным из всех земных благ и величайшим преимуществом, какое женщина может извлечь из своей красоты?..” Не в силах отказаться от такого рода мыслей я подумал, что главная моя ошибка заключалась в том, что я дал ей в руки некоторые нравоучительные сочинения, где основы добродетели, как это часто случается в книгах, доведены до крайности, причем она могла понять их чересчур буквально, что было бы вполне естественно для девушки, знакомящейся с ними впервые...

Затем я сразу же перевел разговор на ее успешное занятие и, отозвавшись с похвалой о некоторых книгах, обещал прислать их пополудни.

Никак не ожидая той сдержанности, к какой я принудил себя, она схватила меня за руку и, прижавшись ко мне, произнесла радостно:

– Значит, я вновь обретаю отца! Вновь обретаю счастье, благополучие и все, чего я ждала от его великодушной дружбы. Ах, как я буду счастлива!

Этот порыв растрогал меня до глубины души. Я не мог совладать с собой и, расставшись с нею без единого слова, еще долго предавался смятению, затмевавшему мой рассудок. Как она искренна! Как простодушна! Боже! Как она мила! У меня вырвалось немало еще восклицаний, прежде чем удалось собраться с мыслями. Во мне тут же проснулась совесть. Так, значит, я приношу все это совершенство в жертву распутной страсти! Мне предстоит справиться с двумя трудностями, надо решить, с какой мне начать. Нужно либо преодолеть свою страсть, либо сломить сопротивление ее. На что же направить свои усилия? Чего же могу я ждать от ее любви?.. Если я стремлюсь к ее благополучию и к своему собственному, то не лучше ли для нас обоих ограничиться простою дружбой?

В сущности, это были самые разумные мысли. Напрасно я воображал, будто в такой же мере являюсь хозяином ее сердца, как и своего поведения...

Опять она тревожно сказала:

– Вы настолько добры ко мне, что я никогда и не заметила бы, что у меня нет отца...

Чего бы только ни сказал я ей в ответ на этот знак благодарности, если бы дал своему сердцу изъясниться? Но, верный самому себе, я ограничился выражением отцовской нежности и стал уверять, что всегда буду относиться к ней, как к своему детищу.

Ее природный живой нрав сказывался во всех рассуждениях. Мне доставляло удовольствие видеть и слышать ее. Мне внушал глубокое уважение ее нрав. Меня привязывали к ней мои же благодеяния, в итоге она стала как бы моим созданием.

Во время самых жестоких припадков недуга, к которому я отныне приговорен на всю жизнь, малейшее внимание ее ко мне приносило мне облегчение, и постоянные боли не мешали тому, что временами я испытывал радостное волнение...»

Мадемуазель Аиссе покорилась судьбе, оставшись с графом до конца. Он умер 26 октября 1722 г. после долгих и мучительных страданий...

Было бы ошибкой думать, однако, что все эти годы она провела в апартаментах дряхлевшего Ферриоля. Прежде всего, жизнь ее скрашивала близость с Пон-де-Велем и д'Аржанталем: оба брата отличались живостью ума, хорошей образованностью; к тому же они не были чужды литературных интересов. Иногда в доме появлялся их соученик по иезуитскому колледжу Людовика Великого – Франсуа-Мари Аруэ, вошедший в историю под именем Вольтера; дружеские отношения с ним братья сохранили навсегда. Некоторое разнообразие в жизнь м-ль Аиссе вносило также общение с младшей сестрой г-жи де Ферриоль – Клодиной-Александриной Герен де Тансен, несколько лет жившей с нею под одной крышей;

женщиной незаурядной, писательницей, позднее – хозяйкой знаменитого литературного салона.

Эпоха регентства, в которую Франция вступила после смерти Людовика XIV (1715), была одной из самых безнравственных во всей ее дореволюционной истории. В подобной обстановке, казалось бы, путь м-ль Аиссе, сразу же обратившей на себя внимание своей необычной, «экзотической» красотой, был предопределен. Но все сложилось иначе. В салоне Деффан в 1720 году произошла ее встреча с Блезом-Мари д'Эдди, рыцарем Мальтийского ордена (отсюда его титул шевалье). Встрече этой суждено перевернуть всю ее жизнь: «прекрасную черкешенку» и «рыцаря без страха и упрека» связало сильное, глубокое и прочное чувство.

Первоначально они это тщательно скрывали, особенно опасаясь бывшего посланника, «турка», как называла м-ль Аиссе Шарля де Ферриоля, да и в дальнейшем оба они проявляли большую сдержанность и осторожность. Так, о рождении у них 26 апреля 1721 года дочери знала только чета Болингброков – Генри Сент-Джон, виконт Болингброк, видный английский государственный деятель и мыслитель, по политическим соображениям покинувший родину и поселившийся во Франции, и его жена – в первом браке маркиза де Вилет. Им м-ль Аиссе была обязана помощью в этот столь трудный для нее момент; прибегала она к их содействию и позднее (например, в 1731 году дочь ее, находясь в Англии, получила от Болингброков денежную субсидию).

Осенью 1726 г. в Париже м-ль Аиссе познакомилась с родственницей лорда Болингброка (сестрой его мачехи) – Жюли Каландрины. Сближение с этой пятидесятивосьмилетней дамой, женой именитого и состоятельного женецкого гражданина, матерью взрослых дочерей, сыграло поистине исключительную роль в жизни м-ль Аиссе и ее «посмертной судьбе».

По завещанию Ш. де Ферриоля м-ль Аиссе получила пожизненную ренту в размере 4000 ливров. Однако, несмотря на обретенную материальную независимость, она не пожелала покинуть дом, ставший ей почти родным. Связь ее с шевалье так и не превратилась в брак. М-ль Аиссе поддерживала светские отношения, выезжала с ним и принимала его у себя, читала и посещала театр, с радостью проводила время на лоне природы, изредка навещала дочь Селини, которая под именем мисс Блек воспитывалась в монастыре города Санс. Между тем появились первые признаки страшной болезни – чахотки, в конце концов сведшей ее в могилу.

39 лет от роду прожила Аиссе. Скончалась она 13 марта 1733 года, похоронена в парижской церкви Святого Рока. В церковной книге есть ее полное имя (после крещения в 1698 г.) – Шарлота-Элизабет Аиссе. Смерть любимой глубоко потрясла шевалье. Он достойно воспитал их дочь, которая в 1740 г. стала виконтессой де Нантия.

Однако ни этот трогательный семейный культ, ни память друзей не спасли бы «прекрасную черкешенку» от забвения, если бы не обнаружилась впоследствии сравнительно небольшая связка писем, адресованных ею г-же Каландрины. В них она с удивительной искренностью рассказала о последних семи годах своей жизни (осень 1726 – весна 1733 гг.),

рассказала о том, что видела, думала, ощущала, о том, что ее радовало и мучило, восхищало и повергало в скорбь.

Письма эти явились настоящей потребностью ее души; они возникли как следствие морального одиночества в то время, когда страдания и сомнения достигли высшего предела, когда исповедь сделалась для нее необходимой, а сочувственное внимание мудрого человека – бесконечно важным.

Во французском обществе того времени отношения м-ль Аиссе с шевалье воспринимались как нечто вполне обычное: оба они были свободны и могли распоряжаться собой по собственному разумению. Конечно, мысль рано или поздно узаконить эти отношения не была чужда м-ль Аиссе, но она ее неизменно отвергала: шевалье, полагала она, был не вправе нарушить обет безбрачия, предписанный ему уставом ордена. Однако с течением времени м-ль Аиссе стала все чаще задумываться над своим положением, с горечью и стыдом ощущая и себя участницей того не слишком пристойного спектакля, который являла собой жизнь ее круга. С особой отчетливостью начала она понимать это после сближения с г-жой Каландрини, нравственная твердость которой, во многом порожденная суровой атмосферой кальвинистской Женевы, произвела на нее сильнейшее впечатление.

Все чаще в письмах м-ль Аиссе звучит осуждение разврата и хвала добродетели, все сильнее выражается презрение к плотским радостям и упоение блаженством любви беззаветной. Постепенно ею овладевает сознание своей греховности: она полна раскаяния и думает лишь об исполнении долга и спасении своей души. Изнемогая, она борется с собой – и побеждает: страсть, владевшая ею в течение стольких лет, изгнана наконец из ее сердца. Правда, эту обретенную в муках победу «прекрасная черкешенка» торжествует уже на пороге смерти.

Такова главная тема писем, таков основной их пафос. Однако этим отнюдь не исчерпывается их содержание. Мир никогда не ограничивался для м-ль Аиссе ее собственным; сосредоточенность на трудностях и бедах, выпавших на ее долю, не исключала сочувствия другим.

Но от них она требовала того же, что и от себя, – справедливости, бескорыстия, верности в дружбе, стойкости в жизненных испытаниях. Отсюда резкость, с которой судила она поступки друзей, знакомых и просто современников: отсюда обилие в ее письмах сатирических зарисовок; отсюда ее иронические замечания и печальные философические наблюдения, своей афористичностью подчас напоминающие максимы прославленных французских моралистов.

Не случайно, что при всем интересе м-ль Аиссе к светской и придворной жизни, при всей ее привязанности к парижскому быту, при всей склонности к изысканным развлечениям она не раз противопоставляет порочной французской столице аскетическую Женеву и сельское уединение, которым наслаждаются ее швейцарские друзья...

Конечно, то, чему была свидетелем м-ль Аиссе, далеко не всегда удручало ее и вызывало у нее столь горестные мысли. О многих событиях, которые совершались у нее на глазах или становились ей известными,

она сообщала вполне спокойно, а подчас со снисходительной улыбкой и даже веселым смехом. В ее письмах немало забавных историй и остроумных анекдотов, своего рода «вставных новелл», предназначенных для того, чтобы развлечь ее корреспондентку. Однако общий тон ее писем все же не слишком радостный, да это и неудивительно: положение ее в обществе было весьма двусмысленным, муки совести не оставляли ее ни на мгновение, смертельная болезнь лишала последних сил, – словом, поводов для оптимизма было немного...

4 апреля 1754 года восьмидесяти шести лет от роду скончалась г-жа Каландрини, и уже вскоре после этого «всплыли на поверхность» письма к ней м-ль Аиссе.

Вольтер помнил м-ль Аиссе, с которой встречался у Ферриолей, да и не только у них; к тому же в 1732 г. он посвятил ей нечто вроде мадригала. Он хорошо знал также шевалье д'Эдди и высоко о нем отзывался. Вольтер прочел ее послания. «Что мне нравится в ее письмах, – сообщал он 12 марта 1758 года своему давнему другу, – так это то, что она любила Вас, как Вы того заслуживаете. Она говорит о Вас, как говорю я сам и как я думаю. Пером м-ль Аиссе водило ее сердце; правда, простота и естественность – вот главные приметы ее писем...»

«...Эти письма вызывают неизменный интерес, ибо касаются примечательных личностей, о которых приходилось слышать самое разное, а хотелось бы составить верное мнение».

«...Эти письма, в количестве тридцати шести, душевны, в них царит дух нежности и изящества».

Удивительное единодушие проявили критики и в суждениях о самой м-ль Аиссе: все они признавали ум, чувствительность, литературную одаренность «несчастной черкешенки», а один из них даже сравнил ее с прославленной г-жой де Савинье.

В письмах нередко встречаются жалобы на собственное здоровье, здоровье возлюбленного, кроме того, мы находим там «борьбу любовного чувства и благочестия». Несомненно, автор – женщина острого ума, признавали критики, но женщина сломленная, печальная и погруженная в себя. Их восхищала «нравственная позиция героини, возвышающая ее над уровнем обычных женщин и составляющая все ее очарование», пленял «трогательно-меланхолический тон писем – следствие непрестанной борьбы со все нарастающим чувством утраты всякой надежды, раскаяние в собственной слабости, невозможности без краски стыда проявить материнскую нежность».

Все отмечали своеобразие писем, их простоту, естественность, остроумие, вполне искупавшие весьма многочисленные небрежности и неправильности стиля. Особенно поражала способность этой женщины, которую ввиду ее привлекательности многие считали «пустой», предвидеть события. Примером тому может служить ее фраза – «...все, что ни случается в этом государстве, предвещает его гибель».

В «прелестных письмах м-ль Аиссе запечатлелись благородство и чувствительность ее сердца, живость и изящество ее ума, а также очаро-

вательная легкость ее пера, переходящего без усилий от надрывающих душу жалоб к ярким, блестящим и стремительным зарисовкам».

Все, кто знал м-ль Аиссе, испытывали почтение, смешанное с нежностью. Для нее, обреченной на бесчестье еще до того, как ей суждено было понять, что такое честь, именно честь являлась высшим идеалом и прекраснейшей мечтой. Поистине, отмечали современники, она была вознаграждена за свой нрав, столь благородный, что его не испортили ни горе, ни зависимость, ни даже унижение, которое ощущают, совершив ложный шаг; ее уважали, и даже развращенность, господствовавшая в то время, словно обходила ее и краснела перед ней. Письма эти давно стали источником вдохновения для французских и не только французских писателей.

Такова была в общих чертах история создания, усвоения и восприятия этого замечательного образца документальной прозы, в котором запечатлелась жизнь автора, точнее – последний ее этап, самый напряженный и драматичный, и отразилась эпоха – первая треть XVIII в. – в различных ее проявлениях, от важных общественных событий до городских происшествий и капризов моды.

Погруженная в свои переживания, измученная смертельной болезнью, м-ль Аиссе менее всего стремилась играть роль, творить о себе легенду; ее письма – исповедь, обращенная к другу, в которой нет ни патетических возгласов, ни пышных деклараций, ни эффектных ораторских приемов. При этом, характеризуя действительность, ее окружающую, она, по собственному признанию, писала лишь о том, что было ей хорошо известно, по возможности избегая сомнительных фактов и произвольных толкований. Искренность, правдивость, достоверность, – этих достоинств было бы довольно, по-видимому, для длительного успеха книги. Но природа наделила м-ль Аиссе и ярким литературным дарованием – способностью выражать свои мысли убедительно, точно, изящно: многие страницы «Писем» и по сей день восхищают редкой непринужденностью эпистолярной манеры, тонкостью языковых оттенков.

«Судьба – слепа, она благосклонна к тем, кто недостоин ее милостей», – заметила как-то м-ль Аиссе. Жизнь ее вполне подтвердила верность этих слов.

Изысканная внешность, ясный ум и щедрое сердце, увы счастья ей не принесли. Но восторжествовала высшая справедливость: скромная книга ее писем к г-же Каландрины с течением времени прочно вошла в золотой фонд французской литературы, и можно не сомневаться, что она останется там навсегда. Это – всеми признанный «маленький шедевр» французской прозы. Между тем литературным явлением он сделался лишь полвека спустя после смерти его автора, который и не помышлял о писательской славе. Эта книга дошла до ее соплеменников через два века после ее смерти. Сородичи м-ль Аиссе не только восхищаются ее умом и талантом, но и благодарят эту милую, нежную, необыкновенной красоты черкешенку за проявленные целомудрие и нравственность, воспринятые как эталон морали в самом высоком светском обществе, и не только во Франции, но и во всей Европе.

Алим АЛАФАЕВ

Доцент кафедры политологии и права в Московском государственном областном университете. Поэтические пристрастия – М. Лермонтов, С. Есенин и К. Кулиев.

Песнь о невесте

V. A. U.

Ты моя невеста,
Радость и печаль.
Я пленен был песней,
Что пропел февраль.

Полюбил улыбку,
Чистую, как снег.
Сердце билось шибко,
Слыша нежный смех.

Я влюбился очень,
Как зима, седой,
В молодые очи
Грянувшей весной.

Мы с тобой встречались
Жег огонь в крови.
Мы стихи читали,
Жажда любви.

И настал наш август,
Отпуск золотой.
Я тебя на Клязьму
Пригласил с собой.

За окном звенела
Голубая ель,
Заглянуть хотела
В смятую постель.

Мы не спали ночью,
Мы не спали днем.
Лишь горели очи
Страстные огнем.

Будущее – тайна.
Жизнь – любовь, не страх.
Нет любви случайной
С разницей в летах.

Я влюблен, как Тютчев,
На закате дней.
Улыбнись, мой лучик:
Я люблю сильней.

Ангел мой, как прежде
Ты волнуешь кровь.
Ты моя надежда,
Вера и любовь.

Вновь наступит скоро
Август золотой –
Мы уедем в горы
Мужем и женой.

От любовной страсти
Вспыхнет нежный взор...
Мы умрем от счастья
На вершинах гор!

Мамонт

*Светлой памяти В. А. Мамхегова,
старшего друга и учителя*

Воля горца, как бивень, крепка.
Ты учил нас идти к цели прямо.
Подавала нам помощь рука,
Коль встречались ловушки и ямы.

Благородные чувства и мысли
Ты внушал нам, учитель-пророк.
Но когда смерть, как коршун, нависла,
То свернуть ты с тропинки не смог.

В сердце образ улыбчивый, мудрый,
Друг мой светлый, храню до сих пор.
Вижу часто я солнечным утром
Рыжеватые бороды гор.

Ноша наша была нелегка,
Ну а наша мечта высока.
Впереди роковой снегопад,
Но для мамонтов нету преград.

Воля горца, как бивень, крепка...
И картина мне врезалась в память:
В снегопад ты шагаешь упрямо,
Как последний, не вымерший мамонт,
Одиноко ушедший в века...

Майская гроза

Ф.И. Тютчеву

Люблю грозу в начале мая...
Она так девственно чиста!
Глаза горят, дождем сверкая,
И стонут томные уста.

Я, вздрогнув, замер за мольбертом,
Твой шепот заглушает гром:
Любимый, подари бессмертье –
Не кистью, а живым огнем.

И бьется сердце – лист весенний,
И слепнут небо и глаза

От молний, слез и вдохновений...
О, Муза – майская гроза!

И скачет Зевс над облаками,
И ржет под ним прекрасный конь.
И небо, извергая пламень,
Вонзает в землю свой огонь!

Боль побеждается любовью.
Любовь сильней, чем смерть и страх.
Я вижу небо голубое
В твоих заплаканных глазах.

И я рисую акварелью
Пастельно-мягкие луга...
А над земною колыбелью
Склонилась радуги дуга.

Мы победим, Россия!

*Автору цикла стихов
«Прости, Россия!»*

Ты крылья опустил бессильно,
Издав – как плач – «Прости, Россия!»
А над строною воронье
Кружит, терзая вновь ее.

Чем жить, подобно воробью,
Не предпочесть ли смерть в бою,
Погибнуть, ворогов круша,
С орлиным клеткотом: «Прощай...»

Поэт, простит ли нас Россия,
Когда враги ее осият,
И Родину, как мать, любя,
Мы сможем ли простить себя?

Поэт в России – первый воин,
Его стихи – как острый меч.
Кто предков праведных достоин,
Тот должен Родину сберечь!

Поэт в России – бог, спаситель
От черных бурь и страшных гроз.
Он должен жить как победитель
В стране белеющих берез!

Валерия АЛАФАЕВА

ПЕРЕВОДЫ

William SHAKESPEARE

Sonnet 123

No, Time, thou shalt not boast that I do change!
Thy pyramids built up with newer might
To me are nothing novel, nothing strange;
They are but dressing of a former sight.
Our dates are brief, and therefore we admire
What thou dost foist upon us that is old;
And rather make them born to our desire,
That think that we before have heard them told.
Thy registers and thee I both defy,
Not wondering at present nor the past;
For thy records and what we see do lie,
Made more or less by thy continual haste:
This I do vow, and this shall ever be,
I will be true, despite thy scythe and thee.

Нет, Время, не хвались, что я меняюсь!
Ты вновь свои возводишь пирамиды...
Но я твоей работой забавляюсь,
Узнав чуть обновившиеся виды.
Нам краткий миг отпущен в мире этом,
Ты ж нам старьё всучаешь век от века.
Но, обманув удачно человека,
Ты когти поломаешь на Поэте.
Бросаю вызов я тебе с твоим архивом:
Чудес нет в настоящем и прошедшем.
Ты лживый летописец: с мудрым видом
Минутное преподнесёшь как вечность.
Но вечный я сегодня дам обет:
Правдивым быть наперекор тебе.

Vladimir NABOKOV

Rain

How mobile is the bed on these
nights of gesticulating trees
when the rain clatters fast,
the tin-toy rain with dapper hoof
trotting upon an endless roof,
travelling into the past.

Upon old roads the steeds of rain
Slip and slow down and speed again
through many a tangled year;
but they can never reach the last
dip at the bottom of the past
because the sun is there.

Покоя лишена кровать,
Жестикулируют деревья,
Когда решит пуститься вскачь,
Играя с крышей, дождь осенний.
Он всю ее обнять спешит
И тени прошлого живит.

На обветшалые дороги
Своих он гонит рысаков.
Стремясь достигнуть дна веков,
Чуть медлит, прочь летит в тревоге...
Но, опозданью обречен,
Рассветом вновь опережен.

Robert BERNES

Oh wert thou in a caudle blast,
On yonder lea, on yonder lea;
My plaidie to the angry airt,
I'd shelter thee, I'd shelter thee:

Or did misfortune's bitter storms
Around thee blaw,
 around thee blaw,
Thy bield should be my bosom,
To share it a', to share it a'.

Or were I in the wildest waste,
Sae black and bare,
 sae black and bare,
The desart were a paradise,
If thou wert there,
 if thou wert there.

Or were I monarch o' the globe,
Wi' thee to reign, wi' thee to reign;
The brightest jewel in my crown,
Wad be my queen,
 wad be my queen.

Когда б ты гнулась на ветру
В пустых полях, в пустых полях,
Тебя в мой плащ я б завернул
И спас тебя, и спас тебя.

И если в буре неудач
Спасенья нет,
 спасенья нет,
В моем – свое ты сердце спрячь
От лютых бед, от лютых бед.

И если б в выжженной земле
Пришлось мне быть,
 пришлось мне быть,
Она бы стала раем мне,
Была б там ты,
 была б там ты.

И если б нам с тобой во власть
Весь дали мир, весь дали мир,
Ты б как бриллиант могла блистать,
О, мой кумир!
 О, мой кумир!

Хачим Хабасович Кауфов в
молодости

ОСОБАЯ КОМАНДИРОВКА ХАЧИМА КАУФОВА

«Мы никогда не оплатим сполна своего долга перед теми, кто, спасая мир и нас, не спас себя. Никогда. Если даже напишем книги о каждом, если даже денно и ночью будем стоять в почетном карауле у обелисков над их могилами. В еще большем долгу мы перед теми, кто, совершая подвиг, умирая, но, не сдаваясь, остался безызвестным».

*Хачим Кауфов,
бывший спецкор «Советской молодежи»*

Давно распалась дружная семья «Молодежки» 60–70 годов, но творческий почерк, стиль, хватка наших журналистов остались с нами навсегда. Они в материалах республиканских газет, и в передачах Кабардино-Балкарского телевидения и радио, и на страницах литературных журналов и книг.

Так, мой однокашник Хачим Кауфов был избран председателем Союза писателей Кабардино-Балкарии, секретарем Союза писателей России. До этого он работал заведующим сектора печати обкома партии, председателем Комитета по телевидению и радиовещанию республики. Несколько лет Хачим Хабасович был заместителем редактора республиканской газеты «Адыгэ псалъэ». Сейчас он работает заместителем председателя Союза писателей КБР. Указом президента Российской Федерации Владимира Путина Хачиму Хабасовичу Кауфову присвоено высокое звание заслуженного работника культуры России. Где бы ни трудился талантливый журналист, литературный критик, прозаик, везде он показывает преданность любимой профессии, удивляя и восхищая читателей своими произведениями. Из-под пера Кауфова вышло немало книг, которые пользуются большим спросом не только у земляков. Но сегодня я решил рассказать о Кауфове – журналисте.

Тогда Хачим работал в редакции газеты «Советская молодежь». Ему приходилось заниматься многими вопросами. Но главным, пожалуй, Хачим считал подготовку материалов на военно-патриотические темы и работу с молодыми литераторами. Х. Кауфов ежемесячно выпускал специальную полосу «Звезда» – так назывался военно-патриотический клуб «СМ». Он вел постоянно рубрики «Так сражались отцы» и «Как тебе служится», под которыми печатались очерки, зарисовки, корреспонденции, информации. Сознание долга перед памятью тех, кто, спасая мир и нас, не спас себя, позволяло Хачима в поход по местам боев 115-ой национальной кавалерийской дивизии, который состоялся в два этапа в 1966 и 1968 гг.

Поход состоялся летом шестьдесят шестого года. В нем приняли участие всего 40 человек. Вместе с молодыми патриотами в нелегкую дальнюю дорогу отправились и ветераны 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии А. Т. Хатукаев, Х. Х. Ширитов, А. Х. Эльмесов и С. К. Глеужев. Командиром похода был назначен бывший начальник разведотдела дивизии, подполковник запаса Аубекир Талхатович Хатукаев, комиссаром – заведующий отделом оборонно-массовой работы тогдашнего обкома комсомола Магомет Исаевич Сарбашев, комсоргом избрали колхозника из Аргудана Хаути Катинова. В состав делегации вошел также спецкор газеты «Советская молодежь» Хачим Хабасович Кауфов.

К походу готовились долго. Подбирали людей, умеющих хорошо ездить верхом, ухаживать за лошадьми. Готовили их к длительным переездам, учили правилам парадной верховой езды.

А 26 июня 1966 г. нарядно одетые всадники отправились в поход от площади перед Домом Советов в Нальчике.

Перед тем как отправиться в многодневный поход, Хачим Кауфов поработал в архивах, изучал историю становления нашей 115-й национальной дивизии по страницам пожелтевших от времени газет.

– Сам факт создания 115-й кавдивизии является лучшим доказательством преданности кабардинцев и балкарцев любимой Отчизне, – пишет он, – отбор личного состава производился в основном из числа добровольцев. И, как всегда в таких случаях, особую настойчивость проявляла молодежь. Об этом много писали тогда республиканские газеты. В «Социалистической Кабардино-Балкарии» был напечатан репортаж Михаила Киреева «Закаляются клинки». В скупых строчках дышит большая жизнь дивизии, ясно чувствуется атмосфера духовного подъема, стремление людей скорее сразиться с врагом. Автор репортажа приводит высказывания молодых бойцов. Комсомолец Александр Лакунов сказал: «Я имею горячее желание идти в бой против немецких захватчиков членом непобедимой коммунистической партии. Буду бить фашистов до последней капли крови». «У меня три брата в армии. Скоро я приду им на поддержку. Мой миномет будет разить немцев без промаха», – эти слова принадлежат бойцу А. Гызыеву из Верхнего Баксана.

Хачима Кауфова особенно привлекает здесь имя А. Гызыева, потому что перед ним другой документ – письмо с фронта, адресованное Кабардино-Балкарскому обкому ВКП(б), Президиуму Верховного Совета и Совету Народных Комиссаров КБАССР. Оно подписано командиром 4-го кавкорпуса генерал-лейтенантом Шапкиным, заместителем командира кавкорпуса по политчасти полковником Степанченко, начальником политотдела подполковником Чиковани.

«Разгромим врага, – говорится в письме, – придет желанная победа, и отцы будут рассказывать своим детям о подвигах славного витязя – о балкарце Гызыеве. В одном ожесточенном наступательном бою дзоты немцев не давали ходу нашим конникам. Фашистские пулеметы заливали

свинцом всю окрестность. Атака было захлебнулась. И тогда над рядами залегших бойцов поднялся младший политрук Абдула Гызыев. С кличем «За родной Кавказ!» он помчался на врага. Пуля пробила ногу, но это не остановило героя, он ворвался во вражеский дзот и гранатами уничтожил пулемет и пулеметчиков. Следом за ним устремились вперед бойцы и полностью уничтожили вражеский гарнизон».

Воспитанник комсомольской организации Кабардино-Балкарии, комсорг одного из подразделений 115-й кавдивизии Абдула Гызыев погиб. Но слава о нем жива. Жива слава о подвигах воинов 115-й кавалерийской дивизии. И туда, где родилась эта слава, следовали участники конного похода.

Первый материал от нашего спецкора Х. Кауфова мы получили из Батайска. Автор писал:

– Батайск встретил нас ярким июньским солнцем. Здесь майской ночью 1942 г. 115-я кавалерийская дивизия выгрузилась из эшелона. Над железнодорожной станцией всю ночь зловеще гудели немецкие бомбардировщики. Станция и город тонули во мраке. Отсюда дивизия боевым порядком отправилась на место дислокации...

А спустя 24 года, 28 июня 1966 г., сюда прибыли кавалеристы в черкесах с газырями и в папахах из той же Кабардино-Балкарии – участники конного похода по местам боев 115-й национальной дивизии.

Забегая вперед, скажу, что после похода Хачим Кауфов по крупицам собирал материалы о воинах 115-й кавдивизии. Итогом этой кропотливой работы явилась книга «Верность подвигам отцов». Для каждого участника былых сражений автор находит нужное слово, дает его лаконичный портрет. Вот как характеризует он командира похода А. Т. Хатукаева:

– Это имя стало у нас широко известно после выхода книги «Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии». Аубекир Талхатович – прирожденный кавалерист, кадровый офицер – в 115-й кавдивизии служил с самого начала ее создания. Был командиром 297-го кавполка, затем – начальником разведотдела дивизии.

А вот что пишет наш спецкор о Х. Х. Ширитове: «Хажсет Хатахшуквич Ширитов с поста секретаря райкома партии ушел на фронт. Был комиссаром 297-го кавполка. В одном из боев на берегу реки Сал получил тяжелое ранение».

После Батайска участники похода отправились в станицу Ольгинскую, что под Ростовом. В грозном 42-м году дивизия стояла здесь два месяца. В Ольгинской ветераны сразу разошлись в разные стороны. Один отыскал дом, где стоял штаб полка, другой – дерево, под которым переждал страшную бомбежку...

Умение работать со словом, журналистские поиски и талант писателя приводят Кауфова к художественным обобщениям. Война и мир,

горькая память о прошлом и радость созидания, бытия – все это параллельно проходит перед глазами читателя. И тут хочется воскликнуть: «Да здравствует жизнь!»

«

»

В незабываемые дни похода по местам боев 115-й кавдивизии Хачим присылал в редакцию небольшие, написанные в полевых условиях материалы. Я тогда работал ответственным секретарем газеты и одновременно замещал редактора. Словом, был связан с каждым номером любимой «Молодежки». Она выходила тогда 3 раза в неделю. В каждом выпуске шел материал о конном походе. «Ради нескольких строчек в газете» мы с корректором Златой Александровной Харенко часто задерживали выпуск «СМ» в ожидании очередного сообщения нашего спецкора.

В одном из своих писем Кауфов сообщал:

– Территория Мартыновского района летом сорок второго года стала местом основных военных действий дивизии. Несмотря на превосходство в живой силе и технике противника, наши бойцы и командиры несколько дней сдерживали натиск озверелых фашистов. Кавалеристы, мечтавшие о стремительной конной атаке, воевали с танками. Кавалерия сражалась в пешем строю... Героической смертью погибли здесь многие сыны Кабардино-Балкарии.

Самый кровопролитный бой был между станицей Батлаевская и хутором Московский. Здесь 26-го и 27 июня 1942 г. 297-й кавполк потерял 75 процентов командного состава и 40 процентов рядового. На месте бывших сражений Х. Х. Ширитов рассказывает о подвигах однополчан. Каждый из молодых участников похода, мысленно ставя себя на место героев, думает: «А смог бы? Смогу ли, если придется?»

Побывали посланцы Кабардино-Балкарии и в Большой Мартыновке. Здесь сражались 316-й кавполк и 155-я танковая бригада. О героях тех боев рассказали жители слободы. 38 танков подожгли воины нашей кавдивизии на улицах Большой Мартыновки. О том, как было уничтожено пять из них, рассказал очевидец Василий Иванович Лемешко.

Кауфов пишет:

– Мы встречались с десятками мартыновцев, которые бескорыстно помогали воинам 115-й кавдивизии. Трогательно, по-человечески заботились о раненых бойцах, ухаживали за ними и, рискуя жизнью, прятали их у себя.

Как самые дорогие и желанные гости ходили мы по земле Мартыновки, по земле, обгащенной кровью лучших сынов Кабардино-Балкарии. В июле 42-го в уличных боях в Большой Мартыновке погибли многие воины дивизии. Эта улица теперь называется Кабардино-Балкарской.

Из хутора Московский Х. Кауфов сообщал:

– Рабочий местного совхоза Атрахов Владимир Гаврилович сказал: «У нас лежит ваш земляк Гонов Хацу Дзирович...» Атрахов повел нас к себе. На краю сада маленький холмик, по краям которого вбиты в землю

низкие деревянные столбики. Посередине холмика цветут две розы. «Тут их двое лежат, – сказал Владимир Гаврилович, – ваш Гонов Хацу Дзирович и еще один, русский»...

По возвращении из командировки в Ростовскую область Хачим занялся биографией Х. Д. Гонова. В книге «Боевой путь 115-й кавалерийской дивизии» журналист нашел портрет Х. Гонова и описание боя, в котором он погиб. Уроженец селения Чегем I, комсомолец Хацу Гонов до войны окончил педагогическое училище. Преподавал в школе в Чегеме I. В дивизию пришел в первые же дни. Погиб 28 июля 1942 г. вместе с расчетом противотанкового орудия, уничтожив несколько вражеских машин...

Х. Кауфов передал из хутора Новониколаевский:

– 1 августа 1942 г. враг окружил оставшиеся подразделения 316-го и 297-го кавалерийских полков. Героической смертью пали здесь командир 316-го кавполка майор Захаров, лейтенант Иванов, младший лейтенант Карданов, сержант Курманби Таукенов, бойцы Харун Холаев, Магомед Гапоев и многие другие. Местные жители рассказали, как немцы бросили тела убитых советских воинов в силосные ямы. Они указали нам на одну из таких ям. Обыкновенная завалившаяся яма. Стоило снять тонкий слой земли, как мы обнаружили еще одно вещественное доказательство преступления фашистов против человечества. Первая же лопата зацепила истребленные голенища сапог, затем показались пожелтевшие кости. Осторожно откапываем их, бережно очищаем от земли. Но что такое? Перед нами скелеты лошадей. Оказывается, немцы заполнили силосную яму сначала телами убитых людей, затем туда же бросили трупы лошадей... Снова скрежет лопаты о металл. Мины. Пришлось вызвать саперов. У ямы вырастает куча неразорвавшихся мин, гранат, запалов к ним, патронов. Мины лежат беспорядочно... Наконец показываются скелеты людей, бритвенные приборы, насечки кавказского ремешка, обрывки документов, сабля, автоматы...

Тридцать три гроба, покрытые красной материей. В них уложены останки тридцати трех советских воинов. Первый гроб несут, низко опустив головы, Хатукаев, Ширитов, Эльмесов, Тлеужев. Молча, сменяя друг друга, несут гробы наши ребята. Процессия останавливается во дворе Новониколаевской начальной школы. Здесь вырыта яма для братской могилы. После траурного митинга 33 гроба медленно опускаются в могилу... На их крышки первой ложится горсть родной кабардино-балкарской земли, привезенной сюда за сотни километров. Гремит гимн Советского Союза... И перед взорами присутствующих предстает памятник на высоком постаменте. Он отлит руками нальчикских мастеров...

...Поселок Иноземцево Ставропольского края. Напротив утопающего в зелени особняка в две шеренги выстроились стройные ребята – участники похода. Предстояла встреча с генералом А. Ф. Скороходом, бывшим командиром 115-й кавдивизии, который живет здесь. И вот он выходит из калитки в полной генеральской форме, со всеми боевыми наградами на груди. Антон Филиппович, поздоровавшись с гостями, поздравляет их с успешным завершением похода. Тепло и с любовью говорит о кабардин-

цах и балкарцах, вместе с которыми в годы войны ему довелось воевать. «Я приеду к вам», – сказал нам на прощание генерал.

Нальчик встретил участников похода ярким солнечным утром. К 10 часам они уже были на площади перед гостиницей «Россия». Играл военный оркестр. На борту грузовой машины была оборудована трибуна, состоялся митинг. Участников похода горячо поздравил первый секретарь тогдашнего Кабардино-Балкарского обкома комсомола Борис Мустафаевич Зумакулов. Выступивший на митинге А. Т. Хатукаев рассказал собравшимся об итогах похода по местам боев нашей национальной дивизии. В торжествах участвовал и генерал А. Ф. Скороход.

Всем участникам многодневного перехода были вручены памятные подарки.

Летом шестьдесят восьмого года был проведен второй этап похода по следам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. На этот раз автомотопробег. Как и первый, его возглавляет А. Т. Хатукаев. На сей раз в далекий путь отправляется и бывший помощник начальника штаба 316-го кавполка Сафарби Талибович Желоков. Всего же в походе принимают участие 46 человек. За технической исправностью машин зорко следит один из лучших представителей мотоциклетного спорта страны, мастер спорта СССР Алексей Павлович Берберашвили. Вновь в составе делегации сотрудник газеты «Советская молодежь» Х. Х. Кауфов.

В своем первом материале наш спецкор писал: «Мы снова в Большой Мартыновке. Прошло лишь два года, как побывали наши ребята здесь. С букетами живых цветов пришли мартыновцы утром следующего дня к братской могиле, на которой в прошлый раз мы поставили памятник. Здесь состоялся митинг, после которого участники похода возложили к обелиску венки».

Хачим Кауфов рассказывает:

– В тот же день мы побывали на хуторе Ново-Николаевском, где два года назад похоронили останки тридцати трех советских воинов. Сейчас эта братская могила обнесена оградой. А над дверью школы – вывеска: «Ново-Николаевская начальная школа имени 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии». Состоялся митинг дружбы. Уже все сидели в машинах, попрощавшись с гостеприимными хозяевами. Уже мотоциклисты в память героев дали трехкратный траурный сигнал. А у братской могилы все еще стоял с опущенной головой Георгий Таукенов, сын погибшего в бою за хутор Ново-Николаевский сержанта Курманби Таукенова.

Далее наш спецкор писал о встречах на земле Котельниковского района. Котельниково... Героически сражались здесь воины 115-й кавдивизии. В центре Котельниково стоит памятник, под которым покоятся останки около 150 советских воинов. Там лежит и наш земляк Хапачев Махмуд Хакулович, погибший 26 декабря 1942 г.

Наш спецкор сообщал и о посещении Мамаева кургана.

От имени молодежи Кабардино-Балкарии был возложен венок к памятнику героям Сталинграда. Среди тех, кто почтил память погибших за свободу и независимость Родины, были ветераны 115-й кавдивизии. Пришел и бывший командующий 51-й армией, в рядах которой сражались наши земляки, генерал-лейтенант в отставке Т. К. Коломиец, который живет в Волгограде.

Потом наши земляки отправились в Калмыкию. Вот как писал тогда наш спецкор Х. Кауфов:

– Кругом выжженная солнцем степь. Без конца и края. Зной. На дороге слой пыли в несколько сантиметров. Через все это наш путь лежит к озеру Сарпа, в калмыцкое село Цаган-Нур. Здесь в сентябре-октябре 1942 г. части 115-й кавдивизии, прикрывая левый фланг 51-й армии, занимали оборону. Фронт перед кавдивизией составлял в длину более 50 километров. И все же кавалеристы не только отлично справлялись с этой задачей, но и вели разведывательные и наступательные бои. На окраине села стоит дом, в котором размещался штаб дивизии. А. Т. Хатукаев повел нас туда, нарисовал общую картину, которая сложилась тогда в районе боевых действий кавдивизии. А С. Т. Желоков рассказал о делах разведчиков, действовавших на берегах озера Сарпа. Вечером в клубе местного совхоза собрались три поколения цаганнурцев. Состоялся большой вечер дружбы. А. Т. Хатукаев рассказал о славном пути 115-й кавдивизии, о ее боевых действиях в Калмыкии. Утром следующего дня у памятника Герою Советского Союза Н. М. Сарджанову состоялся короткий митинг, на котором было оглашено решение о переименовании одной из улиц села в улицу имени 115-й Кабардино-Балкарской кавдивизии. Со словами благодарности выступил Магомет Исаевич Сарбашев, подаривший сельчанам произведения писателей нашей республики и памятные подарки.

Так закончился второй этап похода молодежи республики по местам боев нашей национальной кавдивизии. Так завершилась и необычная, особая командировка журналиста «Советской молодежи» Хачима Хабасовича Кауфова. Но он продолжает работу по восстановлению неизвестных имен героев, неизвестных страниц истории Великой Отечественной войны, борьбы народов Кабардино-Балкарии за свободу и независимость родной земли. В своих материалах призывает молодежь сердцем прикоснуться к подвигу погибших героев, воздать дань уважения их памяти. Это прямой долг живых перед теми, кто отдал свою жизнь за то, чтобы жили мы, наследники патриотов.

Р. С.: В № 5, 2007, опубликован рассказ Хусейна Занкишиева «Трудно быть начальником!», в котором, по вине автора, не указан переводчик – Людмила Гурова. Автор приносит извинения за допущенную ошибку.

БЫТОВАНИЕ ЭТИКИ ТЮРКОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

По решению президиума Всероссийской аттестационной комиссии в Краснодарском Институте культуры и искусств Фатиме Урусбиевой, первой среди балкарцев, присвоено звание доктора культурологии. Тема диссертационной работы: «Традиционные вербальные формы этического сознания карачаевцев и балкарцев».

Свою научную деятельность Фатима Анваровна начала в Кабардино-Балкарском научно-исследовательском институте истории и экономики в 1970 году в качестве старшего научного сотрудника отдела фольклора. В 1972-ом она издала свой первый монографический труд «Путь к жанру», посвященный эволюции жанровых форм в балкарской литературе. Автор подверг фундаментальному анализу вопросы прозы и поэзии в контексте общенационального процесса.

В 1974 году Фатима Анваровна, профессионально утвердившись в научно-исследовательской работе, продолжает изучение актуальных проблем в области фольклора и литературоведения в Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте. Результатом ее работы стало издание очередной монографии «Карачаево-балкарский фольклор» (Черкесск, 1979), которая представляет несомненную ценность для науки. В ней автор освещает историю развития таких основных жанров карачаево-балкарского фольклора и литературы, как трудовые, обрядовые, исторические, бытовые песни, нартский эпос, сказочный эпос и т. д. Исследователем привлекается богатый сопоставительный фольклорный материал народов Северного Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока.

В конце семидесятых годов Ф. А. Урусбиева принимает участие в коллективной работе над «Очерками истории балкарской литературы», появившимися в печати на родном языке в 1978 г., на русском – в 1981-м. Она пишет проблемные главы «Просвещение и культура Балкарии в XIX – начале XX века», «Драматургия в 20–30-е годы», «Драматургия на современном этапе». В 1984–1985 гг. Урусбиева провела социологическое исследование «Театр и зритель», материалы которого стали предметом научного сообщения «Диалог: театр и зритель» на региональной конференции «Идеи дружбы в культуре братских народов Северного Кавказа» (Орджоникидзе, 1987. 18–29 ноября). В 1986 г. Урусбиеву привлекают к работе над академическим изданием «Советская многонациональная литература народов СССР» для написания разделов, посвященных истории карачаевской и балкарской литератур.

Урусбиева
Фатима Анваровна

Тематический диапазон третьей книги «Портреты и проблемы» (1990), которая состоит из критических статей, рецензий, литературных портретов, довольно широк: объектом научных изысканий исследователя является творческий потенциал карачаевских, ногоайских, балкарских, абазинских, кабардинских, русских поэтов и писателей. Книгу отличает отсутствие стереотипного подхода к анализу фактического материала.

В 90-е годы исследователь завершила плановую монографию «Этапы художественного сознания на материале фольклора и литературы балкарцев и карачаевцев в наиболее «этнических» жанрах – эпос, песни о набегах, пословицы».

Творческий арсенал взыскательного ученого, критика и литературоведа на сегодняшний день составляет более семидесяти научных трудов, которые разноплановы по характеру исследований. Труды высококвалифицированного специалиста Урусбиевой, как показатель мастерства и таланта, заняли достойное место в истории национальной литературоведческой науки.

– Фатима Анваровна, расскажите, пожалуйста, о содержании Вашей работы, чему она была посвящена?

– На данном этапе исследований потребовалась информация о типе культуры карачаево-балкарской литературы в системе других культур. При обсуждении она не сразу была принята коллегами, каждый ее квалифицировал узко по своей специальности, были разногласия, потому что это была первая попытка на стыке фольклора, литературы и философии. Некоторые даже предлагали ее переписать на философию, так как обилие материала допускало и такую возможность. Но я твердо настояла на своем и сказала, что эта работа по задачам своим культурологическая.

Хочу подчеркнуть, что подход к истории суперэтноса требовал более длительного рассмотрения во времени и в пространстве, начиная с VI в. и до сегодняшнего дня. Предложенный аудитории транзит тюрков я выстроила на динамике традиционных вербальных форм. В работе очень много внимания уделяется нартскому эпосу и песням о набегах.

– Существует версия, что карачаево-балкарский язык – это один из древних языков в тюркской группе.

– Известно, что на территории России четырнадцать тюркоязычных национальных этносов. Гумилев назвал карачаево-балкарский язык «самым древним и чистым, наряду с чувашским», существование которого опережает по древности даже орхоно-енисейские надписи. Потом он эволюционировал по мере исторического транзита и основывался на кипчакской и куманско-половецкой версии. В Турции мне пришлось работать с полевым и архивным материалом, где я исследовала нынешнее бытование этики тюрков в современном обществе.

– В 1969 году в Москве, в Институте мировой литературы, Вы защитили свою кандидатскую диссертацию. Вам удалось сделать это одной из первых в Кабардино-Балкарии. Сейчас докторская по культурологии – довольно редкое направление в науке для горянки. Что подтолкнуло Вас к этому дисциплинарному подвигу?

– В то время в массовом сознании карачаевцев и балкарцев история не была столь популярной. Большинство филологов увлекались поэзией и литературой. Над кандидатской я трудилась долго и упорно, а когда ее защитила, как-то успокоилась в плане карьеры. Но в последнее время я начала чувствовать давление внешних факторов и оказалась в окружении целого сообщества новоиспеченных докторов наук. Например, мою фамилию не могли включить в энциклопедию, потому что нет докторской, хотя по количеству монографий я ничуть не уступаю моим коллегам.

Кроме того, произошел дисциплинарный разрыв со своей специальностью, потому что литературоведение недостаточно точная наука, она сейчас переживает не лучшие времена. Беспокоит и то обстоятельство, что в культуре наблюдается концептуальное отставание обобщения от эмпирического описания текстового материала. Наша тюркская особенность, видимо, в том и заключается, что массовое сознание ждет от науки подтверждения нашей значимости, «удревнения» истории, иногда за счет соседних тюркских народов. Как выразился один из ногайских исследователей, у тюрков иногда наблюдалось, что более сильные нации присваивали себе культурные достижения слабых, малочисленных народов.

– Значит ли это, что в древней истории не сохранились эпиграфические памятники, свидетельствующие о культуре, жизни и быте карачаевцев и балкарцев?

– Тюркские племена всегда заимствовали чужие алфавиты и религии. Как утверждают древние исследователи, у нас был алфавит «Тюрки», который можно идентифицировать по наскальным надписям и надгробным памятникам. А со времен прослеживаемой письменной литературы языком культурного общения был арабский.

– Вернемся к защите докторской диссертации. Как ее оценили Ваши оппоненты?

– Моими оппонентами были доктор философии Борис Борисов, доктор политических наук, преподаватель Ставропольского госуниверситета Аксентьев, а из Кабардино-Балкарии – доктор исторических наук Маремшаова Ирина Исмаиловна. Я сознательно выбирала далекий от КБР регион и достаточно независимых и объективных оппонентов, чтобы защита не получилась «домашней». Хочу подчеркнуть доброжелательность и объективность Ученого совета Краснодарского Института культуры и искусств.

Борисов высказал мнение, что карачаево-балкарское лучше бы писалось не через черточку, а отдельно. Он настаивал, что карачаевцы и балкарцы носители разных культур. Это было основным камнем преткновения на защите. Я заранее подготовила огромный список аргументов, в пользу того, что это совершенно единое творчество, неразделимое ни в истории заселения ущелий, ни в истории рода, ни в истории создания песен и нартского эпоса. В конце выступления я привела слова незабвенного Кайсына о том, что песня рождается в Карачае, поется на Баксане, а оттачивают ее в Чегеме.

– **Традиционный вопрос: каковы планы у доктора культурологии и представителя известного рода Урусбиевых?**

– Боюсь, что почти весь свой потенциал я израсходовала на преодоление каких-то препятствий. Я никогда не была социально одобренной личностью, ни разу не сидела в президиумах и не была избалована поддержкой. Даже вступление в Союз писателей (10 лет назад) стоило мне немалых усилий. Проблематичным оказалось, например, и объективное обсуждение моей последней книги, недавно изданной в Москве. В дальнейшем я думаю заниматься рутинной деятельностью. Сейчас я являюсь сотрудником Национального парка Приэльбрусья, где возглавляю проект об истории рода Урусбиевых, и считаю его очень перспективным, выходящим на ряд важных аспектов российской и европейской культуры XIX в. Намереваюсь писать рецензии на работы, выполненные нашими молодыми авторами.

– **Совсем недавно Вы выпустили книгу с интересным названием «Метафизика колеса. Вопросы тюркского культурогенеза», которая была экспонирована на Международной книжной выставке в Париже.**

– Я благодарна известному московскому книгоиздателю Борису Коркмазову за то, что он повез ее в Париж. Книга посвящена исследованию культурогенеза и систематического описания категориальных понятий тюрков. Как известно, в европейской традиции со времен Аристотеля тюркская культура интерпретировалась как варварская в противоположность эллинской, и базировался такой подход в основном на европейском материале. В данной работе делается попытка исследовать тюркскую культуру как самостоятельную данность, черпая факты из нее самой. В книге описываются процессы, связанные с аксиологическими установками тюркской культуры как типа, действующими на всем временном и пространственном протяжении «тюркского транзита».

Интервью записал Хасан КОНАКОВ

Фатима ХАСАНОВА

Зацветают розы
В сонной тишине,
Затихают грозы
В невесомой мгле.

Позади угрозы,
И теплей в душе.
Растворились слезы
В трепетной душе.

Расцветают звезды
В яркой синеве.

Засыпают грезы
В девичьей душе.

Раскрывает эхо
Сердца водопад.
Это не помеха, —
Боль идет на спад.

Разлетелись мысли,
Их уносит вдаль.
Мысли там повисли
И прошла печаль.

Распускаются надежды,
Распускаешься ты сам.
Личность красят не одежды,
Личность судят по делам.

По делам и по словам,
Мыслям, чувствам и глазам.
Сердце рвется пополам,
Чувства падают к весам.

Мысли чувства укрывают,
Недостатки есть у всех,

Недостатки удивляют.
В них я вижу даже смех.

Недостатки не скрывают,
Ты такой, какой ты есть.
Пусть тебя не понимают,
Главное — в тебе есть честь.

Нужно быть неповторимым
И дарить другим тепло.
Будешь ты тогда любимым,
И любовь воздаст добро.

Плачет сердце нежно
О прошедших днях.
Листья кружат нежно
Где-то в небесах.

Ветер их уносит
В ветреную даль,

Оставляя в сердце
Жуткую печаль.

Пусть никто не видит
Желтую листву.
Пусть никто не судит
Про мою судьбу.

Цветок тонул в росе,
Моя душа застыла.
Душа в прохладном сне,
А сердце боль пронзила.

В душе теперь мороз,
Она давно простыла.

Зачем теперь вопрос,
Когда я все забыла.

В росе остатки слез,
Их солнце растопило,
В росе остатки грез,
Я боль всю утопила.

Душа, покрытая вуалью, –
Он захотел узнать, что в ней.
Глаза, покрытые печалью, –
В них след от боли прошлых дней.

Она молчала и смотрела.
Он понимал безмолвно все:
Что сквозь него она смотрела,
Что в нем не видит ничего.

Еще вдобавок эта гордость.
Она убила всю ее.
Она ей в душу злобно вторглась
И уничтожила ее.

Он мог сомнения развеять,
Но только слов он не нашел.
Как мог в любовь ее поверить?

Учитель

Сегодня самый светлый день.
Я вас хочу поздравить.
Пусть исчезнет грусти тень.
Я вас хочу прославить.

Учитель – это не легко,
Учитель – это очень сложно.
Порой вам очень тяжело,
Понять вас в этом можно.

Пусть теплота вернется к вам,
Что вы всю жизнь дарили.

Пусть доброта вернется к вам –
Хочу, чтоб вас любили.

Чтоб вас любили от души,
Чтоб ангелы хранили,
Чтоб поднимали высоко,
Чтоб вы всех выше были.

Пусть упадут к ногам цветы:
Вы это заслужили.
Пусть сбываются мечты,
Что вы в детей вложили.

Любовь – это храм,
Это храм для двоих.
Любовь – это шарм,
Это шарм, это стих.

Стихи я пишу
Для себя и для тех,
Кто верит в любовь,
И кому чужд в ней смех.

Для тех, кто душою
Когда-то любил,

Для тех, кто собою
В любви этой был.

Для тех, кто себя
Той любви подарил.
Для тех, кто любя,
Свое сердце разбил.

Любовь награждала,
Но только не всех.
Она побеждала,
Теряя успех.

Душу терном сверху покрываю,
Никому ее не доверяю,
Свет души завесой накрываю,
Потому что я от боли таю.

По ночам совсем не засыпаю
И глаза печально закрываю.
От врагов хрусталь души скрываю,
Хрупок он, об этом я лишь знаю.

Может, по-другому я взираю?
Многих я совсем не понимаю?
Потому я в их глазах другая,
Чувств моих я им не доверяю.

На замок я сердце закрываю,
И потоком слов всегда играю,
Их сердца я нежно открываю,
И желанья многих раскрываю.

Задин **МАРЕМОВ****СЛЕД НА ЗЕМЛЕ**

12 июля 2007 г. исполнилось 85 лет со дня рождения одного из талантливых организаторов сельскохозяйственного производства в селении Нартан, участника Великой Отечественной войны Фирова Хаути Наибовича. В этом же месяце исполнилось ровно девять лет с тех пор, когда он ушел из жизни, но до сих пор не ушел из памяти большого количества односельчан, которые знали его, трудились с ним, просто встречались по делам ли, по другим ли жизненным обстоятельствам. Настолько хорошим человеком он был, добрым, бесхитростным, притягивал своей душевной теплотой к себе всех окружающих его людей, что не уважать его с первых же встреч с ним было просто невозможно.

Фиров Хаути Наибович

Хаути Наибович был одним из прирожденных земледельцев, талантливым руководителем, как говорили в его время, среднего звена колхозного производства, от умения которых ладить с простыми колхозниками во многом зависели успехи колхозов и совхозов, а следовательно, всего сельскохозяйственного производства. Это они, руководители среднего звена, отвечали за качество и своевременность проведения и вспашки земли, и сева, и ухода за посевами, и полива полей, и уборки урожая и т. д. Х. Н. Фиров как никто другой лучше справлялся с организацией простых колхозников на борьбу за высокий урожай сельхозкультур, особенно овощей. Из своего шестидесятилетнего трудового стажа Фиров отдал выращиванию именно огородных культур более двадцати лет и добился в этой самой трудной отрасли полеводства таких больших успехов, что его имя и имя возглавляемой им специальной бригады гремело по всей республике, такой большой опыт накопили они в этом деле, что на всех районных и республиканских совещаниях, в средствах массовой информации широко заговорили о фировской школе овощеводства, которая широко внедрялась в производство многих других хозяйств.

– Мы гордились замечательными достижениями овощеводов Нартана под руководством Хаути Фирова, – вспоминает Махты Якубович Кабардиков, долгие годы работавший первым секретарем Чегемского райкома КПСС и отлично разбиравшийся во всех вопросах сельскохозяйственного производства. – В течение лета не проходило недели или месяца, чтобы к нам не приезжала делегация овощеводов со всех концов КБАССР, иногда даже из соседних республик, чтобы ознакомиться с опытом работы бригады Хаути Фирова. А у себя в районе этот прославленный коллектив являлся настоящей школой самого передового опыта выращивания огурцов, помидоров, моркови, лука, капусты и т. д.

Рассказ о трудовой, организаторской деятельности Хаути Фирова мы начали с последнего двадцатилетия его биографии потому, что именно в этот период он совершил настоящую революцию в возделывании овощей, убедил и руководство хозяйства, главное, простых колхозников в большой выгоде, которую может дать всем им эта отрасль сельского хозяйства, которая из-за крайней трудоемкости работ считалась бесперспективной, приносящей хозяйству одни убытки.

– Умный и смекалистый хозяин Фиров, – вспоминает далее М. Я. Кабардинов, – попросил нас выделить его бригаду в самостоятельную хозрасчетную единицу, чтобы он мог сам распоряжаться производственными затратами, включая заработки овощеводов, и чтобы сам определял агротехнику выращивания сельхозкультур и их ассортимент. Он взял также на себя ответственность за реализацию овощей, заключил договоры с заготовителями, перерабатывающими предприятиями. Словом, Фиров внес в производство элементы рыночной экономики задолго до начала горбачевской перестройки. Но они назывались тогда по-иному – методом материальной заинтересованности овощеводов в результатах своего труда.

К сожалению, Хаути Наибовича давно нет в живых, после него распалась не только его знаменитая бригада, но и весь колхоз. Но убеленные сединой бывшие его трудовые соратники, овощеводы, которые своими руками в полном смысле слова ухаживали за каждым кустом помидоров, капусты, лука, тяпками уничтожали сорняки в поле, а осенью вручную собирали каждый созревший плод и добивались невиданных успехов в труде, эти славные труженицы до сих пор в своей душе хранят теплоту о Фирове, который в течение двух десятков лет был не руководителем, а братом для своих ровесниц, добрым, заботливым отцом и наставником для молодых девушек-овощеводов.

– При нем, – вспоминает ветеран бригады, почетный гражданин селения Нартан, пенсионерка, многодетная мать Дуся Тхакахова, – мы зарабатывали такую сумму деньгами, о которой не могли мечтать даже самые передовые животноводы и механизаторы. Сверх этого он на вполне законных основаниях осенью нам выделял натурой столько овощей, что с лихвой хватало и на зимние засолки и еще оставалось на продажу на рынке.

Любили овощеводы Хаути Наибовича и за его высочайшую человечность, готовность выручить своих подчиненных из любых неблагоприятных жизненных ситуаций, без которых, к сожалению, не обходится и не обходилось тогда.

– Я и мои уже взрослые дети, – говорит Тамара Нагоева, которая работала в овощеводстве до самого распада колхоза, – до конца жизни не забудем ту огромную моральную и материальную поддержку, которую оказал нам Хаути, когда, оставив маленьких детей, недостроенный дом, не огороженный приусадебный участок, мой муж, хозяин семьи, животновод, погиб во время снежной бури в урочище Аурсентх. Хаути добился того, чтобы оставшихся полусиротами наших детей определили в школу-ин-

тернат, а колхозное и районное руководство помогло нам достроить дом. Такое никогда не забывается

Хаути знал все «секреты» семейной, даже личной жизни каждого члена бригады, как никто другой умел точно угадывать малейшие неурядицы во взаимоотношениях между супругами и надолго восстанавливал мир между ними. И женщины совершенно без задних мыслей, как своему родному человеку, доверяли Хаути Наировичу даже такие свои секреты, о которых расскажешь не любому человеку. И он умел хранить эти секреты и использовать их на пользу самим работникам.

В связи с этим одна из дочерей Фирова, нынешний заместитель главы администрации села Любовь Хаутиевна поведала мне удивительную историю о том, как одну из овощеводов, многодетную мать выручил Хаути из трудного материального положения и тем самым предотвратил намечавшееся ею прерывание очередной беременности. Бедная женщина решила пойти на это нехорошее дело из-за того, что ее семья жила в плохих условиях, много лет руководство колхоза волокитило ее заявление о выделении приусадебного земельного участка под строительство дома. О своих намерениях насчет будущего ребенка женщина рассказывала своим подругам по работе, которые не одобряли ее затею, но и не могли заставить ее отказаться от этого. Узнав день, когда бедная мать собиралась поехать в больницу, овощеводы, обеспокоенные за ее здоровье и жизнь будущего ребенка, рассказали об этом Хаути Фирову. Немедленно он послал вслед за ней двух самых боевых женщин из бригады, чтобы от своего имени они передали ей твердое обещание добиться немедленного выделения приусадебного участка и помощи в строительстве дома. Но для этого она должна отказаться от своего нехорошего намерения.

– Так оно и получилось, – продолжила свой рассказ Любовь Хаутиевна. – Благодаря заботам моего папы на свет появился прекрасный мальчик, который еще в утробе матери был обречен на смерть. Он выучился в мусульманских странах делам религии и стал одним из известных в духовном управлении мусульман знатоков Ислама. Он знает историю своего появления на свет, благодарит за это моего отца. И когда папа умер, именно этот молодой имам совершил весь мусульманский обряд на его похоронах, включая полное чтение Корана за упокой его души.

Очень много других подобных теплых воспоминаний о Хаути Фирове, его порядочности, душевности, заботливом отношении к людям высказывают при встречах Дося Урусова, Казибан Тхакахова, Мухадин Хавжоков, Зена Кягова и другие, которые не один десяток лет трудились под его руководством.

Именно овощеводство принесло большую славу и почет Х. Н. Фирову и его бригаде. За огромные успехи в этой отрасли ему были вручены два ордена, в том числе вторая по значению награда СССР – орден Октябрьской Революции, а также «Знак Почета». Он обладал также целым набором медалей за доблестный труд, ему были вручены все юбилейные медали в честь Дня Победы, медаль Г. К. Жукова.

Молодость и вся последующая жизнь Хаути Наировича были напол-

нены созидательными, и боевыми и трудовыми, делами на благо людей, односельчан и Отечества.

До войны в Нартане тоже кипела массовая работа по реконструкции села. Сносились старые турлучные дома, крытые соломой, вместо узких, кривых улочек в селе были проложены прямые и широкие улицы, на которых выстраивались дома, сложенные из саманных кирпичей и крытые черепицей. Село имело свой кирпично-черепичный завод, снабжавший за бесценок сельских застройщиков строительными материалами. Здесь и начал свою трудовую деятельность молодой, красивый, как девушка, парень Хаути Фиров учетчиком. Сразу же его избрали секретарем комсомольской организации завода. Но когда понадобился боевой, честный и трудолюбивый парень на должность главы комсомольской организации всего села, им и избрали Хаути Фирова.

Но дальнейшая трудовая жизнь Хаути, как и миллионов советских людей, была на целых шесть лет прервана начавшейся войной с фашистской Германией. Четыре года он находился на фронте, а после ее окончания еще два года нес службу в рядах Советской Армии.

С первого дня демобилизации в 1947 году и до конца дней своих Хаути связал всю свою жизнь с родным колхозом, сельским хозяйством. Сначала молодого парня назначили заведующим одной из овцеводческих ферм колхоза, который в то далекое время мог содержать благодаря усилиям таких энтузиастов своего дела, как Хаути Фиров, от 15 до 20 тысяч голов овец. Здесь он зарекомендовал себя умелым организатором производства, трудового коллектива, честным и добросовестным тружеником. Поэтому понятно, что в последующем колхозники доверили ему работу председателя ревизионной комиссии хозяйства, а затем и заместителя председателя колхоза.

Хаути Фиров и вновь избранный председатель колхоза, его верный друг Жамбот Пазов, были обрадованы позитивными изменениями в конце 50-х и начале 60-х годов в колхозной системе, внедрением денежной оплаты труда полеводов и животноводов. Они и все колхозники с большим одобрением встретили появление в колхозе большого количества новой высокопроизводительной техники, бесперебойное снабжение хозяйства минеральными удобрениями, гербицидами, о которых люди раньше не имели даже представления.

Когда в те годы в Нартане пустили мощный канал, который подавал воду реки Черек на поля колхоза и в село, Фиров лучше многих других оценил, какое огромное значение это будет иметь для подъема всех культур, но особенно овощных, пользующихся большим спросом, необходимых и для консервных заводов, и для заготовительных организаций Каббалкпотребсоюза, и для покупателей на колхозных рынках. Возглавил он созданную самим овощеводческую бригаду и сделал эту отрасль делом всей последующей своей жизни, его усилиями все обширное пространство между госдорогой и речкой Мишхиг более чем на два десятилетия превратилась в единую овощную плантацию, один вид которой вызывал искреннее восхищение у беспрерывно проезжавших по трассе людей.

Здесь и раскрылся полностью огромный организаторский талант

овощевода Хаути Наибовича Фирова, о котором мы уже рассказали в начале своего очерка.

Не обошло стороной Хаути Фирова и семейное счастье. Он стал неутомимым тружеником, уважаемым огромным количеством людей человеком, верным супругом, беспокойным отцом и дедушкой во многом благодаря заботам умной, терпеливой, работающей подруги жизни Жануси Тембулатовны. Она тоже имеет не меньше заслуг перед колхозом, чем муж, т. к. с самых юных лет, когда еще не объединила свою жизнь с Хаути, и в течение четырех десятков лет трудилась на одной работе – в бухгалтерии родного колхоза. Трудилась весь световой день без выходных и отпусков, пока не наступила так называемая хрущевская оттепель и колхозники не стали пользоваться частью из благ, которые имели рабочие и интеллигенция, как нормированный рабочий день, отпуска, право на пенсию и т. д. Тем не менее и в те трудные годы Жануся Тембулатовна умудрялась окружать своего супруга вниманием и заботой, для этого утром вставала раньше всех, доила корову, кормила птицу, готовила завтрак, убирала в доме. Ложилась же она спать позже всех. В таких условиях Жануся воспитывала и детей, которые появлялись на свет с завидной последовательностью, воспитывала двух сыновей и четырех дочерей, за что по достоинству была награждена орденом «Материнская слава». При всем этом неутомимая женщина умудрялась каждый день приходить на работу без опозданий и исполнять свои служебные обязанности образцово. И эта сторона ее работы получила достойную оценку: она награждена несколькими медалями, а перед уходом на пенсию – медалью «Ветеран труда».

Счастливая семья, созданная супругами Хаути и Жанусей Фировыми, разрослась на десятки человек. У них, кроме шестерых детей, подросли пятнадцать внуков и восемь правнуков, от сыновей, дочерей и их детей. Правда, горе не пощадило и эту прекрасную семью – еще молодыми ушли из жизни оба сына супругов. Но, как мы сказали выше, подросли, получили высшее образование, создали свои семьи оставшиеся в живых дочери, внуки, подрастают правнуки. Среди потомков Хаути и Жануси есть экономисты, врачи, педагоги, деловые люди. А их дочь Любовь Хаутиевна вот уже много лет работает заместителем главы администрации такого крупного селения, как Нартан, пользуется большой любовью и уважением у односельчан.

У Жануси и ее детей одна горечь постоянно гложет сердце – это то, что Хаути не успел насладиться счастьем своих детей и внуков, не увидел своих прекрасных правнуков. Но все они гордятся своим знаменитым отцом, дедушкой. Подрастут правнуки и им тоже передастся эта любовь и гордость за своего прадеда, об удивительной жизни которого неустанно и тепло рассказывает счастливая мать.

Немыми, но яркими свидетелями удивительных дел, которые творил при жизни основатель этой большой семьи, являются многочисленные высокие правительственные награды, грамоты и дипломы, свидетельства, выданные различными выставками, в том числе ВДНХ, вырезки из газет и журналов, являющиеся бесценной семейной реликвией.

СЫН КАВКАЗА

Сын горделивого Кавказа,
Чей взлет стремительно-красив.
Ты – как герой адыгов сказа –
И мудр, и грозен, и учтив.

Вершинным льдом ты закаленный,
Вдохнувший воздух горных скал,
Ты не согнешься, озаренный,
Всего достигнешь, что искал.

Твои дела всех восхищают,
Рожден ты подвиги свершать.
Огни души твоей сияют –
И будут радость возвещать.

Крылатый конь твой ввысь несется
И, рассекая мглу небес,
Лучом сияющим ворвется
Сквозь толщу туч в страну чудес,

Чтоб искупаться в зорьке ясной,
Чтоб счастье людям раздобыть,
Чтоб на земле своей прекрасной
Могли они достойно жить.

Не ведал я мучительнее боли –
Ну почему решила ты уйти?
Спешишь, как будто птица из неволи,
И я – уже преграда на пути.

Все было просто, стало все так сложно,
Не разобрать, кто прав, кто виноват.
Суждение неверно, чувство ложно, –
Пора сведенья счетов и расплат?

Но что делить? Любовь неразделима –
Попробуй об колено пополам!
Сгорело все без пламени и дыма,
Все, что ценилось – бесполезный хлам.

Да, я любил, а значит – был незрячим.
Прозрел, но погрузился мир во тьму.
Каким же светом ночь мы обозначим?
Тебе решать самой, мне – самому.

Отныне – врозь, и груз воспоминаний
Еще не тянет, не влечет назад.
И в парке, где цвели слова признаний, –
Уныло шелестящий листопад.

А скоро и зима, холодным светом
Не вдохновится будней череда...
Уходишь ты, прощенная поэтом,
Простившая за то, что иногда

Сопоставлял я женщину земную,
Тебя – с безликой, в сущности, мечтой.
Ты слышишь? – я несколько не ревную,
Не извожусь сердечной маетой!

А этот приступ нестерпимой боли
Пройдет, конечно... Мне бы самому
Поверить в эту реплику из роли,
Что я писал не сердцу, а уму.

МЫД ЗАХУЭС – СЪЕЗД МИДОВЫХ

9 мая 2007 г. в Нальчике прошла традиционная ежегодная встреча представителей рода Мидовых, проживающих на Северном Кавказе, – «МЫД ЗАХУЭС». На эту встречу съехались представители большинства населенных пунктов Кабардино-Балкарской Республики, в которых проживают Мидовы: из Аргудана, Нальчика, Баксана, Чегема, Кубы, Псыхурья, Карагача, из Зольского района. Приехали и Мидовы из селения Первомайское под Кисловодском (в прошлом аул Абуково – Абыкъуэ хабл), Карачаево-Черкесии. Из Стамбула (Турция) приехал наш родственник Мидов Джемал. Собралось около 150 человек, это было достаточно представительное собрание.

К нашей радости на приглашение откликнулся замечательный художник, уроженец г. Горького Николай Павлович Мидов, лауреат премии Нижнего Новгорода (выпускник Ленинградского высшего художественного училища им. В. И. Мухомовой, член Союза художников России, участник ряда общероссийских и персональных выставок). Он выразил сожаление по поводу запоздавшего извещения, так как желание встретиться с нами было большим.

Дата нашей традиционной встречи – 9 мая – не случайна. Она посвящена празднику Победы. Это официальная дата рождения заслуженного деятеля искусств Кабардино-Балкарской Республики, одного из первых профессиональных кабардинских театральных режиссеров – Мидова Хаджи-Мусы Хаджи-Муратовича. Подлинной даты своего рождения он не знал. В конце апреля 1945 г. был тяжело ранен в голову и после операции приходил в себя, когда узнал, что война завершена победой. Этот день он и стал считать своим вторым днем рождения, и внес его в официальные документы.

Мидов Хаджи-Муса Хаджи-Муратович

Пока съезжались и регистрировались представители сел, молодежь танцевала. Предваряя открытие съезда, был исполнен коллективный танец удж. В полдень официальную часть съезда открыла приветственным словом к собравшимся, ко всему роду Мидовых заслужен-

ный деятель искусств Карачаево-Черкесской Республики, декан театрального факультета Северокавказского государственного института искусств Магина Мидова. Затем к микрофону стали выходить делегации населенных пунктов. Они приветствовали собравшихся и представляли своих членов. Приветствовал присутствующих от имени своих турецких родственников Джемал Мид.

Дызэгъусэмэ дьлтэщц!

Успехов и процветания роду Мидовых пожелал директор Кабардино-Балкарского филиала Общества страхования жизни «Россия» Сергей Барсуков.

Общение продолжилось за обильным пиршественным столом, символизирующим изобилие рода. Застолье перемежалось национальными танцами, различными конкурсами – на знание адыгской истории, шоу талантов, пением под гитару... Наиболее прагматичным был конкурс блокнотов (которые раздавались при регистрации) – кто больше соберет информации о встреченных на съезде родственниках. У победителя в блокноте оказалось более половины имен собравшихся на съезде – около 80 имен. Отличившиеся были отмечены грамотами.

Но больше всего, конечно, было танцев! У активистов в буквальном смысле отлетали подметки...

Произошло интересное совпадение: съезд проходил накануне дня рождения нашего турецкого гостя. Джемал Мид получил подарки, положенные поздравления и объятия родственников.

На съезде прозвучала информация о происхождении рода Мидовых, в том числе приуроченная к нашему съезду с приветом от наших друзей из Абхазии. Прозвучал «Салам, МЫД ЗАХУЭС!» от Азнаура Мидова (сына уроженца с. Псыхурей), полученный из Сан-Франциско по электронной почте.

Расходились и разъезжались затемно, удовлетворенные праздником, который доставили друг другу, тепло пожимая братские руки.

Среди представителей рода Мидовых нет очень богатых людей, ярких политиков. *Наша сила в единстве!* В способности поддержать друг друга в нужный момент.

Сегодня большинство Мидовых пока еще недостаточно знают друг друга, за исключением близкого семейного родства или родства в пределах одного села. Считаем очень важным объединить и сблизить Мидовых, независимо от места их проживания. Это необходимо для возрождения нашего рода, повышения защищенности и социальной значимости каждого представителя рода Мидовых.

Собственно объединение рода Мидовых началось с истории о Х. Мидове. В 2002 г. учащийся Республиканского центра научно-технического творчества учащихся Минобразования КБР внук Х. Мидова – Аскерби Мидов стал участником и победителем Кабардино-Балкар-

ского конкурса «Моя генеалогия». В работе он использовал архивные материалы дедушки, его схему генеалогического древа семьи, и посвятил эту работу своему дедушке – Хаджи-Мусе Мидову.

В 2003 году в г. Нальчике в память о Х. Х. Мидове была открыта мемориальная доска. А в 2004 году, на очередной маевке в День Победы, в память о Х. Мидове собралось около 50-ти человек, которые приняли решение об образовании Родового объединения Мидовых – «МЫД ЛЪЭПКЪ». С этого времени ежегодный съезд Мидовых 9 мая – «МЫД ЗАХУЭС» стал традиционным. Здесь встречаются, знакомятся и становятся друзьями люди, которые прежде могли пройти вплотную мимо друг друга и не знать, что рядом был родственник.

У каждого рода с давних времен был свой отличительный знак – дамыгъэ – тавро. Невестка Хаджи-Мусы Мидова – Алла разработала дизайн эмблемы Родового объединения, в котором по углам размещены четыре наиболее распространенных у Мидовых дамыгъэ. Основная часть эмблемы представляет собой адыгское знамя зеленого цвета с 12-ю звездами, под которыми находится лев – геральдическое животное, символизирующее силу. На съезде 9 мая 2005 года были утверждены эта эмблема и соответствующий ей девиз: «*Дызэгъусэмэ дьльэщич!*» – «В единстве сила!» Сейчас эта эмблема украшает карманные календари, которые ежегодно получают участники съезда.

Генеалогическое исследование Аскерби Мидова заставило нас задуматься: кто мы и откуда. После опубликования этой работы в сборнике Института гуманитарных исследований правительства КБР (кстати, с того момента адыгские сайты используют описание фамилии «Мидов» именно из этой работы) многие Мидовы, живущие в Кабардино-Балкарии, узнали, что они кабардинцы абазинского происхождения. Мидовы (МГТ), живущие сегодня в Турции, считают себя абазинами.

Фамилия нашего рода по-кабардински звучит – *Мыд*. Ее русская транслитерация – *Мид*, а принятое русское написание – *Мидов*.

Любопытная версия происхождения нашей фамилии описана в книге Дж. Н. Кокова и Л. Дж. Коковой «Кабардино-Черкесские фамилии». Она связывается с историческим названием области Мидия, находящейся в Северном Иране. На этой территории в 1-ом тысячелетии до н. э. существовало Мидийское царство. Первоначально эта версия кажется невероятной – Мидия так далека от Северного Кавказа. Но если вспомнить, что происхождение протоадыгов тесно связано с хеттами и Хеттским царством, находившимся там же, в Малой Азии, недалеко от Мидии, такое предположение становится более понятным.

Упоминание сходного этнонима мы находим у русского академика Г.-Ю. Клапрота, проводившего в 1807–1808 гг. историко-филологические и этнографические исследования на Кавказе. «На верховьях Лабы (левый приток р. Кубани), в очень высоких и неприступных горах живет маленькое племя – Мидовийцы или Мидавей. Они не магометане, и живут свободно, не имея ни князей, ни старейшин, но выбирая своими

предводителями храбрейших и сильнейших среди них. ...абазы из одного племени с Мадовойцами». ¹

Название племени Медовой (с которым проводится параллель происхождения рода Мидовых) могло также быть следствием исходного *Мыд*. Мы предполагаем, что самоназвание племени Медовой могло быть *Мдовой*, где между *м* и *д* просматривается *ы* = *Мыдовой*, а *Медовой* – является русской транскрипцией.

Из дневника к отчету по гранту «Проведение фольклорно-этнографической экспедиции по местам компактного проживания представителей адыгского этноса» (сентябрь 2006 г.): «Следы абазинской истории в ущелье реки Мзымта. На трассе Адлер – Красная поляна: боковое ущелье по р. Чвежепсе (впадает в р. Мзымта) – с. Медовойское. (В районе с. Головинка, верховья реки Шахе – Бабук аул (нежилой), далее – перевал в Черкесию). С. Медовойское, Бабук аул – явно абазинские названия, которые встречаются в Карачаево-Черкесии. Территория: от Адлера до Красной поляны – места проживания южных абазин. Часть ушла через перевал в Черкесию, часть, возможно, после Кавказской войны в Турцию...»

Несколько лет назад в книге американки Полы Гарбо «Абхазские долгожители» мы нашли одного из персонажей Чегемского ущелья (Абхазского, а не в КБР) по имени *Мид (Мыд)*. Через Интернет в абхазских находках видим фамилию *Мыд-ипа* (ипа – сын), сын Мыда, т. е. если есть сын – ипа, то должен быть и родитель – Мыд.

В Интернет-источниках ² обнаружена ссылка на легендарный эпос (абхазы: Бгажба, 2002, С. 229–230; Чурсин, 1957): «...у человека с вертела улетает печенка; ему желают, чтобы ему встретился Мыд...»

В Кабардино-Балкарии Мидовых сегодня проживает около тысячи человек. Для маленькой республики это значительное количество. Мы носим достаточно уникальную для России фамилию, и поэтому случайные совпадения маловероятны. Мидовы, проживающие в Кабарде, независимо от населенного пункта считают себя родственниками, а не однофамильцами.

В процессе Кавказской войны и после нее Мидовы расселялись и на территории, которая уже была заселена. Есть архивные источники о проживании Мидовых на территории станицы Незлобная Ставропольского края (в прошлом Бабуково, – это абазинское название) Вполне возможно, что какая-то часть могла уйти значительно севернее. Мы знаем о Мидовых, живущих в настоящее время в Нижнем Новгороде и двух селах поблизости – с. Серково, с. Батурово (Стровский р-н Нижегородской области). Возможно, и это тоже часть нашего большого рода, обрусевшая.

Наши же прямые предки после Кавказской войны из Бабуково (Незлобная) переселились на юг, в Кабарду, в с. Лафишево (ныне с. Псыхурей).

В исследованиях происхождения рода Мидовых потребовались

¹ Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. С. 236.

² www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/165.

комментарии компетентных ученых. Учитывая родство абазинского и абхазского языков, географическое соседство Абхазии и древней Абазии (приграничье с Абхазией – р-н современного г. Адлера и верховьев Красной Поляны), мы обратились к абазинским и абхазским специалистам.

Научный работник Института гуманитарных исследований КЧР Сария Хасанбиевна Ионова подтвердила абазинское происхождение рода Мидовых и высказала предположение об этнонимической связи фамилии с названием племени Медовой (Мидовой).

Кандидат исторических наук, зав. отделом этнологии Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия – Юрий Гудисович Аргун написал нам: «В дополнение к информации, которой Вы располагаете, сообщаю следующее: профессор Ш. Д. Инал-ипа в своей книге «Садзы» (М., 1995) фамилию Мудавия (Мдаюеи) относит к княжеской (с. 254), со ссылкой на «Русский географический словарь» 1788 г. По карте, включенной в книгу Ш. Д. Инал-ипа «Садзы», медовеевцы располагались в верховьях рек Мдзымта и Псоу, южнее ахчипсуйцев. Медовеевцы «подразделялись на Псху, Ахчипсоу и Аибгу» (с. 51). Все они были абхазоязычными».

В этой же книге в качестве приложения опубликована статья лингвиста, доктора филологических наук В. А. Чирикба «Расселение абхазов в Турции». Здесь (с. 270) говорится, что в село Дагладя (Турция) жителей из Абхазии привез «князь Маад-ипа Хакыбей». В селах Кюнджаз и Хасандере (Турция) живут представители фамилии Амыджба // Мыдждзаа и Мыдждба (с. 272).

В другой работе Ш. Д. Инал-ипа «Антропонимия абхазов» (Майкоп, 2002) на с. 248, в перечне абхазских фамилий, встречающихся в Турции, указывается Мыд (Мыдраа).

В фольклоре абхазов встречаются и другие упоминания Мыд. Например, когда что-то делается или варится долго, абхазы говорят: «Мыд ихьыц алашьама?» т. е. «Волосок Мыда, что ли, попал?» Зафиксирована сказка, которая называется «Мыд ихыла», т. е. «То, что приключилось с Мыдом». ¹

Писатель, историк, исследователь происхождения аристократических родов абхазо-абазинских народов Денис Кирилович Чачхалиа прислал нам следующую информацию: «К истории рода Мыд/Мды/*Мдаа*. Мдаа (рус. Мидовы) – древний абхазский аристократический род. Судя по топонимическим данным, одним из родовых гнезд этого рода было современное селение Ачандара в Гудаутском районе Республики Абхазия. Главная площадь селения и сегодня называется Мидара-двы (очевидно, правильной Мдаа-рдвы), т. е. «Поляна (рода) Мдаа».

Древняя тропа, соединяющая равнинную часть этой местности с высокогорной областью Псху, носит имя «Мдараа рымвя» (Дорога Мидовых).

В недавнем прошлом жителей горских абхазских общин Псху, Ах-

¹ Абхазский фольклор. Записи Артура Аншба. Сухум, 1995. С. 193–196.

чипсы, Аибга, занимавших верховья рек Бзыби, Псоу и Мзымты, население смежных областей называло медовеевцами (от абхазского Мдавья). Наряду с Мдаа, Мдавья в употреблении было и другое название этих мест – Мдзы/Мдзаа. Это название относилось как к самой области и ее населению, так и к озеру (Мдзы), и к реке, берущей начало из этого высокогорного озера, – Мдзымте (современная Мзымта в адлерском районе города Сочи).

Часть медовеевцев, покинув внутреннюю Абхазию, перешла на северный Кавказ, где в труднодоступном высокогорье основала новые поселения с привычными названиями Ахчипсы, Медовой... Значительная часть этого северно-абхазского населения еще в XVIII веке ушла вместе с кабардинцами на Баксан, в район Приэльбрусья. На русских картах этого времени абхазы-медовеевцы обозначены как «баксанские абазинцы». К середине XIX в. здешние «абазинцы», оказавшись в преобладающей кабардинской среде, практически утратили свой язык. Однако их фамилии, в подавляющем большинстве совпадающие с абхазскими и абазинскими фамилиями или с названиями селений Абхазии и Абазинии, говорят об их происхождении. Многие кабардинцы абхазского происхождения сохраняют память о своей прежней этнической принадлежности.

Похожий путь прошли и представители фамилии Мдаа (Мидовы), носители которой встречаются в Баксанском, Зольском и других районах Кабардино-Балкарии. Корни их уходят к верховьям Зеленчука и далее через хребет к озеру Рица, озеру Кардывач (Мдзы), к Красной Поляне и селению Ачандара.

Зимняя Международная Олимпиада в 2014 году может состояться на земле Ахчипсы, являющейся частью горной Медовой – колыбели рода Мдаа (Мидовых).

Желаю удачи всем Мидовым!»

В нынешнем году отмечается 450-летие добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав государства Российского. Развернутая информация о Мидовых Кабардино-Балкарии и Мидовых центральной России может представлять вполне оправданный интерес.

Россия вчера и сегодня

(взгляд обывателя)

*Посвящается памяти моего наставника
Алия Хутатовича Бижева*

Осмысление этой жизненно важной темы, обозначенной в заголовке, ложится в основу поиска ответа на вопрос – «Что ждет нас завтра?» Если сумеем разобраться в коллизиях современного мироустройства последних десятилетий, возможно, поймем, в каком мире мы живем и каким этот мир оставим потомкам. Вопрос в том, что, пройдя через мучительные, порой требующие полной самоотдачи жизненные преграды, оставим ли мы их решение на долю наших детей в то время, когда каждый из нас желает им только блага и процветания. А наше уверенное и целенаправленное устремление в будущее рационализировало бы возможности с нашими надеждами, чтобы защитить от невзгод будущие поколения.

Заранее прошу читателя не расценивать мои рассуждения как поучение или же как путь спасения человечества. Акценты, на которые хочется обратить внимание, содержат больше философского смысла, нежели прагматичного, побуждающего к моментальному действию и приложимого к сиюминутному жизненному бытию. Ежедневная, рутинизированная до предела жизнь не оставляет нам свободного времени на размышления о бытии в целом, ограничивая их лишь думой о хлебе насущном. Самым тяжелым, в определенном смысле, является полное отсутствие каких-либо гарантий на достойную человека жизнь.

Что же подразумевается под пониманием гарантий достойной человека жизни? Это, опять же, возвращение к общечеловеческим ценностям, выраженным в категориях морально-этических и социально-политических, в понятиях свободы, равенства и социальной справедливости. Здесь читатель вправе сказать, что мы это уже проходили, знакомо, но не спешите, помните, что всякое изменение в жизни общества есть продукт деятельности самого народа, который, в конечном счете, определяет наш с вами жизненный уровень.

Народы Северного Кавказа в силу объективных условий оказались географически, экономически, политически, исторически на протяжении веков кровно связанными в единый узел с Российским государством. Кроме наличия конкретного ареала обитания, постоянно изменяющегося в зависимости от соотношения сил между соседствующими племенами, никаких других более или менее присущих государственному устройству признаков (централизованной власти, наличия армии, судебных органов, налоговых сборов) у Кабарды XVI века не имелось и не могло иметься, так как она находилась на этапе перехода от родо-общинного строя к феодальному (к его первому «раздробленному» этапу). Превосходство в численности и военной организованности, отличающее горцев Кабар-

ды от других северокавказских народов, давало возможность оказывать влияние на всем геополитическом пространстве. В это же время царь московский Иван IV (Грозный) расширял границы Руси и нуждался в военной и союзнической опоре, способной помочь ему укрепить власть, разделенную между ним и боярами, обладавшими достаточной силой свергнуть царя с трона. Такой опорой стал союз с некоторыми кабардинскими князьями. Этот военно-политический союз партнеров был, как и все союзы того времени, укреплен династическим браком. История этого союза была длинна, изменчива, во многом спонтанна, в силу необходимостей трагична и многострадальна. Мы не должны забывать черных страниц истории, написанных кровью и слезами кавказцев, но это уже перевернутые страницы. Самоистязания по этому поводу вряд ли изменят ход истории и повлияют на реалии современной эпохи. Расул Гамзатов написал: «Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки». Мудрые слова мудрого человека. Однако были и другие страницы истории, когда в процессе объединения Руси в единое централизованное государство кабардинские «дикие дивизии», входившие в опричные войска царя Ивана IV (Грозного), созданные и возглавляемые Султануком (Михаилом в крещении) Темрюковичем Идаровым-Черкасским, родным братом русской царицы Гошаней (Марией в крещении), стали той военно-политической силой, которая ускорила и оформила процесс централизации и объединения, исторически к этому времени назревшего в России. И пожаловаться на предводителя царских опричников Михаила Темрюковича Черкасского царю Ивану Грозному было равносильно самоубийству.

Как известно, вечного мира не бывает, и Россия неоднократно в лице того же Ивана IV, а далее в лице Петра I, в силу разных причин уступала, отказывалась, предавала своих союзников, своих друзей. Другая сторона в ответ, не уступавшая в своем благородстве, искала разных союзов вне России.

Несмотря ни на что, как было показано в № 4 (2007) этого журнала, кабардинцы оставили неизгладимый след в истории России в виде: одной русской царицы, одного двоюродного брата первого царя из рода Романовых, воспитанного по законам аталычества в кабардинской семье двух российских канцлеров, одного генералиссимуса, одного адмирала флота, одного первого генерал-губернатора Санкт-Петербурга, многих генералов и государственных деятелей, сподвижников первых лиц российского государства. Тот же Петр I на смертном одре произнес слова: «Умираю, сожалея, что не завершил двух дел, не оставил наследника престола Российского и не отомстил за смерть друга моего Александра Бековича-Черкасского». Это – великая оценка дружбы и преданности. Он же, Петр I, 14 декабря 1695 года на царском совете перед второй Азовской кампанией представил на должность командующего сухопутными войсками России Михаила Алегуковича Черкасского. Многие историки отрицают этот факт, ссылаясь на кратковременность назначения, якобы первым настоящим генералиссимусом был граф Шейнин, заменивший, вследствие болезни, князя М. А. Черкасского. В таком случае хотелось

бы уточнить у этих историков: кого они считают первым космонавтом? Юрия Гагарина, пробывшего на орбите 108 минут, или Муссу Джанибекова, прожившего там полгода? Ответ очевиден.

Будучи отсталым колониальным придатком царской России, после Октябрьской революции кабардинцы, как и другие северокавказские народы, вошли в единую многонациональную братскую семью под общим названием СССР, пропустив классические формы социально-экономических формаций рабовладельческого и капиталистического строя. Советизация, социализация привнесли в жизнь до этого частью невостребованные и неизвестные кабардинцам и северокавказцам образование, медицину, да и просто электричество, в буквальном смысле вырвав из темноты и нищеты горские народы. Реалии современности показывают взаимосвязь северокавказцев с Россией и русским народом настолько сильной, что любые изменения в последней со скоростью пассажирского поезда доходят до нас и отражаются на нашем существовании. Вопрос сохранения и дальнейшего развития северокавказского этноса, его народов и народностей неразрывно связан с развитием России. Россия сильна своим неисчерпаемым потенциалом (человеческим, природно-экономическим, культурным, духовным и т. д.). Но она еще и не определилась с той дорогой, по которой войдет в будущее. Она – на перепутье между капитализмом и коммунизмом, среднего пути не существует, вернее, он приемлем для стран, не претендующих на лидирующее, определяющее судьбу планеты положение. Выбор завис в воздухе. Россия, всегда тяготеющая к свободе, равенству, интернационализму, в идеале может быть, я думаю, только коллективистской. Эксплуатация людей вовсе не в характере русского народа.

Найти свой путь, свою национальную идею, устраивающую многонациональное, многоконфессиональное федеративное государство, – очень нелегкий труд. Этот гордиев узел истории достался в наследство от прошлого, в котором мы жили долгое время и не ждали, а зима пришла, как всегда, неожиданно. Крушение социалистического строя стало более неожиданным, чем ожидаемым основной массой народа явлением, ввергнувшим людей во все перипетии межвластья: Великая Депрессия повторилась. Партийная верхушка КПСС периода от Н. С. Хрущева до Б. Н. Ельцина, в лице ее рабоче-крестьянской представительности, не отличавшейся хотя бы элементарной образованностью, а тем более интеллигентностью, не осознав, не осмыслив теорий коммунизма, превратила ученье в догму, в мертвую, не изменяющуюся веру о принципах социальной справедливости. «Коммунизм» того времени стал на самом деле «паровозом, который летит с остановкой в конечной цели», по рельсам, не имея возможности изменить маршрута движения к цели. Гениальный немецкий экономист К. Маркс вскрыл сущность капитализма в своем центральном труде «Капитал». В. И. Ленин не менее гениально разработал и указал путь приложения марксистского учения, результатом которого стала величайшая в истории человечества Октябрьская революция семнадцатого года. Можно приписывать этой революции все негативы, можно оплевывать ее, можно – как Н. А. Бердяев – «всаживать

ей ножи в спину», но то, что два человека смогли с точностью ювелиров просчитать место приложения своих учений о роли революционных масс, этого не отнять ни у революции, ни у ее организаторов.

Отрицая величие большевистской революции, ее противники аргументируют свою позицию теорией заговора-переворота, совершенного одной массонско-коммунистической партией, вовсе обходя молчанием или отрицая главную ее составляющую и обеспечивающую победу силу – революционность народных масс, которая лишает саму революцию черт спонтанности и неестественности, в отличие от буржуазной февральской революции, всего лишь заменившей власть одного эксплуататора на право другого, в сущности, не изменив характера угнетения народных масс.

Не буду более утомлять читателя революционными теориями, так как хочу остановиться на другом моменте. Непонимание, неосмысленность марксистско-ленинского учения привела к блефу. Мы строили общество, не имея самого учения о коммунизме, кроме его лозунгов и девизов. А все промежуточные звенья, с которыми должна была происходить корректировка движения, отсутствовали по причине их несоответствия и несовместимости с линией правящей коммунистической партии. Верховка политбюро в самом кошмарном сне не могла себе представить, что коммунизму вовсе не чужды и не отрицаются им частная собственность, плановый регулируемый рынок, и что труд из необходимости перейдет в принцип самодеятельности и т. д. (к чему пришла современная постиндустрия США). После В. И. Ленина на это особое внимание обратил Ю. В. Андропов, задав вопрос, а куда мы движемся? Юрий Владимирович осознал тупиковость положения, наметил пути выхода из него, но, к сожалению, на их реализацию у него не хватило жизненного времени. Далее – тяжело больной К. Н. Черненко, а затем и М. С. Горбачев, со своим искаженным «мышлением» и беспринципностью, граничащей с преступлением, также искаженно представляющие себе дело построения социализма, и, наконец, «народный дирижер республики», самый чистый из всех, очищенный даже от совести – Б. Н. Ельцин вверг страну в пучину бандитско-олигархического беспредела. Итог, к сожалению, мы с вами наблюдаем. Было бы не так обидно, если бы не так больно.

Но время идет, человек живет надеждами, страна понемногу заживает раны, тем более, что к власти пришел энергичный, думающий, целеустремленный лидер В. В. Путин. Ему предстояло в начале своей деятельности, а затем, в ходе процесса, вывести страну из экономического и политического хаоса. Исторически такую миссию брала на себя религия, в этом состояла ее положительная роль сохранения нации, в качестве объединяющего начала единой конфессиональной семьи в тяжелейшие периоды упадка. В этот раз она не справилась со своей задачей, так как открывшаяся свобода во всех ее греховных проявлениях пришла в противоречие с ее учением о том, что в жизненных катаклизмах человек учится терпению, которое переходит в опыт, дающий надежду – в чем? – в том, что посмертная жизнь на том свете окупит все жизненные трудности! Слишком силен оказался другой соблазн – соблазн ничем не ограниченной, дикой свободы. А так как русская душа требует широты в равной

степени, как и глубины, она бросилась в этот омут с головой. Выплыли, правда, при этом немногие. Таким образом, историческая миссия религии оказалась вне игры. В. В. Путину не на кого было опереться, кроме той группы лиц, из числа питерцев, приведших его к власти. Но для управления огромной, раздираемой во все стороны страной, этого было мало. Как чекист и разведчик он знает – владеет ситуацией тот, кто имеет кадры, деньги и информацию, причем последней оказалось в избытке, кадры он подобрал через им же организованную партию «единороссов», а деньги у него появились только сейчас. Россия крепнет, она набирает вес и уже не может довольствоваться положением всегда тянущегося в хвосте истории государства. Она желает стать по экономической мощи в единый ряд со стремительно развивающимися странами. Но это еще не национальная идея, а только оформляющаяся в конкретику предпосылка.

Уважаемый читатель, позволю себе некоторое отступление.

Прагматичный американский капитализм стал таковым именно благодаря тому, что мы называли «строительством коммунизма». Капитализм, в отличие от коммунизма, не имеет всеобъемлющей теории, никакого экономического обоснования, т. е. он движется подобно реке, заполняющей те пространства, которые ей доступны, не регулируемый ничем, даже собственным рынком. Идеология сведена к одному – это обожествление доллара. Проходя через все ступени своего развития, причем сходного во многом с коммунизмом, капитализм учел теорию о том, что частная собственность на средства производства является тем фактором, который создает извечный антагонизм между капиталистом и эксплуатируемым классом. Не дожидаясь революционных выступлений, капитал сам совершил революцию, решившись повысить жизненный уровень своих сограждан, подняв планку до вполне комфортабельных высот; этого показалось мало, они дали права тем, у кого их не было, т. е. сняли расово-дискриминационную составляющую. Далее капитал решил передать все средства производства в руки самих производителей в лице промышленно-производственных акционерно-монопольных объединений. Но капитал не так прост, он оставил за собой контроль и распределение между членами общества, используя рычаги финансово-банковских структур, аккумулирующих в себе основной капитал. Прагматичные американцы, в конце концов, отказались даже от услуг церкви, всегда, по нашему мнению, стоявшей на защите угнетателей, оставив ей только конкретную, изначально присущую положительную роль посредника в разумном примирении человека с фактом смерти. Прагматика капитализма сведена к тому, что высочайшая технологизация и непрерывный подъем научно-технического прогресса (НТР) революция там давно прошла) дали возможность американцам понять, что им в реальном мире на пути осуществления их жизнедеятельности противостоят реальные природные и техногенные препятствия, а вовсе не бесы потустороннего мира. Американская нация, как общество, именно через образование достигает все новых и новых высот в познании окружающего мира, питает свое развитие. Нас также ждут эти изменения, которые приведут к переоценке ценностей сегодняшнего времени: вряд ли космолетчик (астронавт) в да-

леком будущем, покоряющий просторы вселенной, держа в руках книгу, будет с упоением читать письмо Татьяны Лариной к Евгению Онегину, так же, как и мы не читаем папирусных свитков древнего Египта. Ценности преходящи, но ценности воспроизводимы. Питание, одежда, мышление, психология, поведенческие стереотипы изменяются.

При всех, казалось бы, положительных достижениях капитализма, его идея противоестественна, она все равно приведет к антагонизму, выходом из которого будут войны. Американский капитализм, ведя игру на повышение уровня жизни, предоставляя населению своей страны максимальный достаток, объединив его в формальном равенстве перед законом и таким же формальным правом голоса, должен обеспечить экстенсивное переизбыточное потребление такими же лавинообразно расширяющимися инвестиционными проектами в лице военно-промышленного комплекса. Хотят они или нет, американская экономика должна всегда работать на войну, хотя бы даже с инопланетянами, и процесс денежных инвестиций должен быть непрерывным. Американский доллар – давно уже ничем не обеспеченная макулатура, которая держится только за счет международного обращения. В свое время СССР взял на себя неосуществимую миссию по определению концепции военного непротивостояния, мирного сосуществования, как будто американцы просто мечтали сгореть в ядерном пожаре. Империализм всегда, как и сегодня, устраивал локальные войны и желательно не на своей территории, таким образом коммунисты во главе с М. С. Горбачевым, пойдя на переговоры с Западом, скатились на позиции оппортунизма, не оставив за собой права даже на идеологическую борьбу. Другой нишей для американского капитала, обеспечивающей его существование на долгие годы, стали страны «третьего мира», их ничем не прикрытый, наглый грабеж под видом защиты демократии и борьбы с международным терроризмом. Для оправдания перед лицом остального мира периодически введущихся войн и для поддержки собственной респектабельности он позволяет время от времени своим гражданам, живущим сыто и вольготно, выступать против войны, предоставляющей им эту жизнь. И, чтобы удержать фальшивое пацифистское движение от революционного объединения, капитал сам возглавляет и организывает его через свои партии, окутывая своим неусыпным контролем.

Современные политики нашли (по их мнению) сферы взаимодействия в общей борьбе с международным терроризмом, более всего проявляющимся для России в угрозе со стороны исламистов. Но современная Америка одинаково боится как исламских террористов, так и угрозы, исходящей от какой-либо другой религиозно-конфессиональной экстремистской организации.

Но у В. В. Путина есть одна опора – это народ. Народ, который поверил в него и ему лично (это не вера в доброго царя). Народ, мудрый в своей совокупности, способен разобраться, кто есть кто в этой жизни. С. Миронов, председатель верхней палаты парламента России, первым озвучил выдвинутую им еще в 2003 году инициативу о продлении президентского срока полномочий В. В. Путина, но – не аргументировав ее – остался не услышанным. А аргументация проста. Передача власти

следующему избранному президенту – акт демократического института государства. В России на сегодняшний день полностью отсутствует демократия, настоящая, где право голоса обеспечено человеку правом общественной собственности на средства производства. Такое демократическое государство надо еще только выстраивать. И обязанность В. В. Путина – довести начатое им дело хотя бы не до конца, но до его логического оформления. Уход В. В. Путина может подорвать на долгие годы веру людей во власть, в свою собственную страну. Это вопрос нашей внутренней политики и компетенции народа. И если заокеанские демократы поднимут шум из-за нарушений конституционных прав россиян, то эти обвинения будут несостоятельными в своей непоследовательности, пример: Джеральд Форд, президент США, выступая на Генассамблее ООН, публично объявил о нарушениях прав человека в КНР и о готовности Америки принять недовольных китайцев у себя в стране, предоставив им политическое убежище. Ответ Мао-Цзэ-Дуна последовал незамедлительно, выраженный в готовности Китая ежемесячно в течение года отправлять в США десять миллионов человек политэмигрантов. Вопрос о нарушениях прав человека в КНР был закрыт автоматически и предан забвению навсегда. К тому же американский народ четыре раза подряд избирал президентом страны Ф. Рузвельта и вовсе не считал это нарушением конституции.

Россия сохраняла и раскрывала свой потенциал во все времена: пройдя через кризис царизма (хотя некоторые идеализируют этот период), через большевистскую революцию и гражданскую войну, преодолев экономический упадок и разруху, обеспечив затем электрификацию страны, ликвидацию неграмотности, индустриализацию, коллективизацию, выстояв в самой разрушительной войне всех времен и народов, восстанавливая народное хозяйство, создавая свой ядерный потенциал, осваивая космос, будучи втянута в гонку вооружений, оказывая интернациональную помощь нуждающимся народам мира, постоянно вводя в эксплуатацию новые заводы и фабрики, жилье и объекты соцкультбыта, развивая образования, науку, культуру, спорт и т. д., – и весь этот путь от «сохи до космоса» наша страна проделала за неполные пятьдесят лет.

Если В. В. Путин найдет приоритеты в развитии экономики, то страна выйдет из кризиса, не будет зависимой от внешних факторов в «известном смысле». Основное отличие В. В. Путина как политика в том, что наш президент реален, а не демагогичен, умеет ясно определять тенденции, так же, как В. И. Ленин и Ю. В. Андропов, используя изменчивость развития ситуации, моментально определяя место ее приложения. В этом его политическая состоятельность, его сила. Есть такие вехи в истории развития государств, когда роль личности выступает вперед, лидер принимает на себя всю тяжесть ответственности за принимаемые решения. В российской истории они известны всем под именами Ивана IV (Грозного), Петра I, В. И. Ленина, И. В. Сталина, Ю. В. Андропова, с присущей им несокрушимой силой воли, позволяющей им влиять на общество, преобразуя, изменяя его кардинально.

Подходить к решению многих вопросов необходимо только с этой позиции. Возьмем, к примеру, тяжелейшую на сегодня для страны область экономики – аграрный сектор. Фольклор народа, выраженный в пословице «Война войной, обед – по распорядку» и более вульгарной – «Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда», служит напоминанием о том, что человек поддерживает свою жизнедеятельность необходимым ему питанием, обеспечивающимся не охотой и собирательством, а сельхозпроизводством. Одна из главнейших задач России – продовольственное обеспечение народонаселения – решается в большей степени за счет импорта сельскохозяйственной продукции, которая конкурентоспособнее нашей, отечественной продукции. К тому же импорт по качественным параметрам составляет не лучшую часть зарубежного товара, взять хотя бы пресловутые «ножки Буша», вряд ли вы полакомитесь ими в Америке.

Изначально поставленное в жесткие экономические рамки, как бы не родное нам крестьянство влачит сегодня нищенское существование, даже единовременные вливания по линии нацпроектов не обеспечивают возможности строительства необходимой сельскохозяйственной базы. Россия была больше аграрной страной, это факт, и такой она является на протяжении веков. И во все времена агросектор в экономике оставался «рисковым» предприятием, всецело зависящим от многих и многих объективных и субъективных (человеческих, природных, технических и др.) факторов. Создание государственных финансово-страховых структур, защищающих крестьянство от банкротства, выделение ему беспроцентных долгосрочных займов (кредитов), а в определенных, оговоренным законом, моментах и вовсе подлежащих списанию займов (кредитов) в счет госпогашения, даст возможность сельхозпроизводителю подняться с колен, стать сильным, богатым, конкурентоспособным. Тогда цепочка производитель – рынок – потребитель, под контролем государства в лице финорганов (сами страхуют, сами проверяют), станет жизнеспособной. А агентство по надзору над сельскохозяйственным сектором займется своим прямым делом – обеспечением продовольственной безопасности страны. Земля, оставаясь в собственности государства (не являясь предметом спекуляции), должна сдаваться в бесплатную аренду, с обязательным экологическим и техническим контролем. Это всего лишь принцип, нормативы которого нетрудно разработать технически и оформить законодательно. И пусть не будет страха: никто «сломя голову» не бросится быть сельхозпроизводителем, т. к. права повлекут за собой и обязанности с полным государственным контролем.

Это же – и в отношении тяжелой и легкой промышленности (категорий групп «А» и «В»). Российская экономика сегодня использует накопленный базовый научный потенциал времен социализма, во многом превосходящий все имеющиеся в мире технические аналоги, он еще долго будет находиться на недостижимом для Запада уровне. В свое время «горбачевская» конверсия на корню уничтожила высокотехнологичное производство, способное выпускать электронику лучшего качества, чем современные IBM, и вдруг переключившись на изготовление и выпуск кастрюль, чайников и утюгов. «Макдональдс» для М. С. Горба-

чева стал воплощенной реальностью. Поучительна в этом плане легенда о Левше – отечественных высокопрофессиональных мастерах-умельцах, способных удивить мир тонкостью работы, произведенной молотком и напильником, и, как оказалось, не умеющих создавать саму «блоху» (технику общегражданского назначения в виде телевизоров, холодильников, автомобилей и т. д.) как механизм. А ведь Россию на передовые позиции выведет не продажа энергоносителей, а высокотехнологическое собственное производство, медленно, но уверенно набирающее темпы роста в сферах ВПК, судостроения, авиастроения, моторостроения. Это сегодня полумиллиардная Европа («а король-то голый!») зависит от российских энергоносителей, а представьте, что завтра-послезавтра европейцы найдут энергозаменители (такие разработки ведутся самым интенсивным образом), и тогда – после упоения – наступит неотвратимое «похмелье». Направить деньги на строительство собственного высокотехнологического производства – вот будущее России. Без данного опорного сектора экономики «сказки» о ее развитии, ее подъеме через малый и средний бизнес беспочвенны, несостоятельны, это – путь, возвращающий нас к кустарщине. «Торгашество» подходит для «поддержания штанов», но не изменения жизни в целом.

В. В. Путину – как президенту и гаранту конституции – необходимо добиться обеспечения граждан правом на труд. И это право не понимается узко, «хочу – работаю, хочу – нет». Работать должны все. А право на труд – это обязанность государства удовлетворить потребность общества созданием рабочих мест. Это не подразумевает под собой ограничения в частнопредпринимательской деятельности.

Немаловажен вопрос о самом народе, его демографической составляющей. До сих пор мы рассматривали женщину как равноправного участника в сфере производственных отношений. Может быть, стоит пересмотреть это право на равный труд и высшим правом женщины сделать право не трудиться! Это не означает – «загнать ее на кухню», в домашнее хозяйство, а вывести ее из сферы производства материальных благ (по собственному наблюдению знаю, что рельсы в России укладывают и женщины) и перевести ее деятельность в более приемлемую, не требующую приложения физических сил сферу оказания общественных услуг, т. е. быть учителями, врачами, воспитателями детских садов, парикмахерами, продавцами и т. д., при этом полностью обеспечить женщину этими благами. Тогда женщина могла бы вернуться к только ей присущей природной функции деторождения и воспитания здорового поколения. Это – залог не только количества, но и качества будущего народа. Женщина станет социально более защищенной и ее статус в обществе возрастет.

При внимательном чтении учения Чарльза Дарвина становится понятным, что законом естественного отбора является влияющая на изменения и приспособление к жизни борьба внутри одного вида, во всем своем жестоким противоборстве порождающая сильные особи, способные выживать среди других видов. Происходит естественный отбор сильнейшего вида, которому достанется высший приз – право обладания пространством под

названием планета Земля. Человек, являясь представителем животного мира, трудом опосредовав свою жизнедеятельность, через осознание себя человеком смог выделиться в этом мира, заняв его высшую ступень. Закон животного инстинкта отступил, уступив место сознательной деятельности человека как общественной единицы. Для человека, осознавшего себя творцом своей судьбы, весь животный мир автоматически превратился в один большой зоопарк, всецело зависящий от его деятельности. Природа не создала человека целеустремленно, но и не случайно. Он – продукт бесконечного во времени и пространстве движения материи в природе, путем естественного отбора получивший определенные качественные и структурные формы, через труд и социальность сумевший выжить и осознать себя человеком. Первая часть теории Дарвина практикуется при капиталистическом образе жизни, вторая ее часть, где утверждается, что человек рожден равносвободным, равнонезависимым, равнодостоинным этой жизни индивидом, взята на щит коммунизмом.

Сегодняшняя наша с Вами, дорогой читатель, жизнь – это «не жизнь после коммунизма». Нет. После настоящего коммунизма наступит величайшая эпоха человечества – эпоха ГУМАНИЗМА.

Продвигаться к овладению жизненными благами, используя локти, зубы, слабость и неравенство других людей, есть бессмысленность, потому что у нас как у вида не осталось естественных врагов, а враги наши – это злоба, зависть, стяжательство, и они не уйдут сами. Устремленность в будущее, в космос – вот цель всего человечества, являющаяся его объединяющим стимулом. Не индивидуально, а выработанный коллективом, всем обществом метод использования природных благ должен стать приоритетным. Это и есть перепутье, на котором стоит современная Россия. Единство и борьба противоположностей – есть закон диалектики развития общества и мира в целом, и никуда от него не деться. Что может быть прекраснее интернационального по сути слова «товарищ», в отличие от рабского слова «господин».

Мы должны руководствоваться только активной жизненной позицией, а не беспринципными апатией и пессимизмом, при выборе людей, занятых профессиональной политической или экономической деятельностью, определяющих стратегию развития государства, поскольку их деятельность обеспечивает наши жизненные потребности сегодня и в будущем. Сегодняшнее право выбора переходит в обязанность перед потомками. В этом плане хотелось бы верить (а вера присуща только человеку), что справедливая, сильная, демократическая Россия, «как птица Феникс, возродится из пепла», и наши народы примут активное участие в этом возрождении и укреплении государственности России, так же, как это делали наши предки – кабардинцы Черкасские 450 лет тому назад, поставив образованность и преданность на службу России. Россия не только для русских, Россия для всех ее составляющих.

С оптимизмом и верой в будущее нужно строить настоящее и «не стрелять в свое прошлое из пистолета».

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ АДЫГОВ

Музыкальное исполнительское мастерство и инструментальное в частности, занимает в адыгской традиции довольно значительное место. Инструментализм в традиционной культуре адыгов включает в себя вопросы бытования и функционирования музыки и инструментов. Инструменталист является носителем исторической информации своего народа. Адыги всегда пользовались богатыми жанрами устного народного творчества. С большим искусством исполняли обряды, песни, их сопровождали музыкальные инструменты. Эта уникальность обладает качествами массовости, общедоступности и общей значимости. Она является в настоящем явно доминирующей частью духовной культуры народа.

Исполнительское мастерство – это живой творческий процесс, который требует от музыканта не только технического воспроизведения наигрышей, но и глубоких музыкальных знаний, хорошей подготовки и практического освоения традиционного инструмента.

Исполнитель, который знает песню или наигрыши и был свидетелем действия, о котором поет, чувствует себя в некоторой степени ее соавтором. По мнению специалистов о стиле такого исполнителя, невозможно услышать дважды одинаковое исполнение. К понятию о стиле в современном исполнительстве можно идти разными путями:

1. Стиль старинной музыки.
2. Стиль XX века.

Здесь важную роль играет музыкальная память. Она представляет собой способность человека к запоминанию, сохранению в сознании. То есть поколение хранит свое знание и стиль в музыке. К примеру, молодому исполнителю хочется играть танцевальную инструментальную музыку, – тогда женское и мужское исполнительство имеет особый характер.

В настоящее время молодые выбирают вариант стиля XX в. Этот стиль в музыке намного отличается от традиционного. Точка зрения этномузыковедов и их анализ показывает произошедшие изменения в исполнении музыки. То есть меняется и обогащается ладовое строение, гармонический и мелодический минор, увеличивается звукоряд. В современных танцевальных произведениях конкретно ограничиваются музыкальные предложения и периоды, более закончена мысль, более выразительна мелодия. Появляются вводный тон. Отмирает речитатив. Мы замечаем, что постепенно музыка адыгов стремится к ясному мажору.

Исполнительская деятельность адыгов есть, прежде всего, выражение эмоций, радостных, приподнятых чувств, несмотря на трагические перипетии истории, народ сохранил присущий ему дух. Условия жизнедеятельности адыгов в Турции были очень сложными, но насильственная ассимиляция выявила скрытые ресурсы и богатство культуры адыгов-

переселенцев, что позволило им не только выжить, но и сохранить на чужбине духовные особенности народа.

Сегодня люди еще более становятся близки своей культуре, в частности традиционному исполнению в Турции. Исполнение на традиционных музыкальных инструментах танцевальных мелодий и исполнение народных песен и т. д. сильно изменилось, как было отмечено выше. Исполнительство на музыкальных инструментах среди адыгов всегда считалось преимущественно мужским занятием. Традиция мужского исполнительства на музыкальных инструментах у адыгов соблюдается также в диаспоре.

Народное музицирование в Турции отличается от техничного исполнения музыканта. Одним из ярких пшынауэ и пхацычауэ был Нуреттин (Адамей) Анзанко (70 лет) из региона Эскишехир, с. Акпнар. Он был хорошим исполнителем и мастером по изготовлению музыкальных инструментов. Он не просто музицировал на инструменте, а во время игры сам исполнял и танец. Иногда, играя на своем инструменте, Нуреттин приглашал девушку на танец. Сейчас он редко играет на пшыне, и в настоящее время живет в селе Акпнар.

У абхазов в Турции в таких регионах, как Эскишехир, Адапазар, Генен, Дюздже очень популярен инструмент пхацыч, по абхазски – «ачыж, айнкага» и ударный инструмент пхатарко, по абхазски – «адаул».

Одним из исполнителей на этих инструментах является Тапанта Нажи (г. Эскишехир, 68 лет). Он играет виртуозно, нет ни одного человека, который не слышал его имени. Способ игры Нажи на ачыже таков, что он мог заставить звучать каждую дощечку. Это считается хорошим владением инструментом. Играя на двух пхацычах, мог одновременно ударять по дереву, еще и петь. Научиться игре на подобных инструментах не просто, этот процесс начинается еще с детства.

Другой исполнитель на разных инструментах: пшына, сырина (выдвуд), пхацыч, – Шахин Карук (г. Эскишехир, 63 года) создал инструментальный ансамбль для свадеб. Он отличается от других исполнителей музыкального и театрального исполнения. Никогда Шахин не играл монотонно и одинаково, часто менял по возможности своего репертуара инструментально-танцевальную музыку. Но на свадьбу его приглашают специально, молодежь получает от него хорошие знания по современной игре на пшыне. Нам интересно, что в его возрасте он играет не только те мелодии, которые знал в молодые годы. Шахин интересуется сценическим фольклором и занимается аранжировкой наигрышей. Это помогает ему развивать свой талант и оставаться востребованным обществом долгие годы.

Два исполнителя – из с. Алибейдюзу – Зия Блегож (69 лет) и из с. Бозхюк – Алмаз Курулай (65 лет) – играли двумя, тремя, а иногда и пятью пальцами, но никогда не четырьмя пальцами на пшыне. Оба музыканта это объясняют так – да, мы знаем, как правильно использовать пальцы, просто с детства физически нам стало удобно играть тремя и иногда пятью пальцами на пшыне. Зия Блегож говорит: «Я попробовал

играть еще на другом инструменте, который мне подарили очень давно, на камыле (духовой инструмент), как вам известно на нем играют тремя пальцами, но я владею этим инструментом. После этого мне стало легче играть на пшыне тремя пальцами».

Исполнительское мастерство – активное, самобытное и художественное творчество. Оно зависит еще и от музыкального мышления исполнителя. Музыкальное мышление дает возможность исполнителю свободно сопровождать песни или танцы и играть инструментальные произведения. Играя на любом музыкальном инструменте, человек получает возможность для всестороннего гармонического развития.

В Турции сегодня можно говорить об одной исполнительской школе, в которой работают профессиональные люди. Это школа Натабжэ Джанката и его супруги Айхан. В семье Натабжэ все музыканты. Айхан преподает музыку в университете в Анкаре, специализация – струнные щипковые инструменты. Джанкат – мастер-изготовитель, педагог и музыкант. Сам играет на пшыне и обучает детей при адыгской хасэ. Он считает, что для любой работы необходима специальная подготовка, а адыгские наигрыши без этого немислимы. Он рассказывал нам о своем методе обучения детей. Сначала знакомит их с историей музыки адыгов, рассказывает о каждом инструменте, а супруга параллельно помогает детям изучать музыкальную теорию (ритм, мелодия, темп музыки, разнообразные жанры адыгской музыки и т. д.). Джанкат говорит, что в начале обучения детям необходимо научиться понимать содержание мелодии. В основном он обучает их в игровой форме и считает, что самым хорошим путем является джэгу (игра). Сам он очень редко играет на сцене и на торжествах, обычно его приглашают на вечера со своими учениками.

Последние пять лет приглашают музыкантов на свадьбы и вечера официально. Но традицию отмечает в своей работе А. Соколова, что «на свадьбу турецких адыгов музыканты специально не приглашаются. Они приходят как гости и начинают играть в том случае, если группа танцоров просит их об этом. Их труд не считается работой, они играют из уважения к хозяйину и гостям».

Проведенный нами опрос показал, что статус адыгских женщин в Турции немного изменился в свете социальных и экономических условий. Мужчина должен обеспечивать семью и быть примером человека, знающего традиции своего народа, а женщина – быть хранительницей домашнего очага и символом для своего народа. Этот статус не позволяет женщине заниматься музыкой и совершенствовать свое мастерство. Но при этом появление новых танцевально-инструментальных коллективов улучшило состояние женского исполнительства. Например, в 2005 г. создан ансамбль при стамбульской Адыгской Хасэ – инструментальный коллектив «Wereda». Большинство исполнителей на традиционных инструментах – женщины в возрасте 18–60 лет. Они играют на абхазских и адыгских музыкальных инструментах, таких как:

- Апхартца – шикапшина;
- Ачыж – пхацыч;

- Адаул – пхатарко;
- Ачамгур – апапшина;
- Ахыма – пшинадукако;
- Ачарпын – камыл;
- Амырзакан – пшынапхэндж (пшынэ).

Еще они используют современные аккомпанирующие инструменты – скрипку, гитару, флейту. Музыкальным руководителем ансамбля является Хайят Шангюзель (шапсуг). Ведущий музыкант на ачамгуре – Папха Махинур. В основном исполнители сами учились играть на разных музыкальных инструментах, среди них есть заслуженные деятели музыки и профессионалы. Они разрабатывают традиционный музыкальный фольклор абхазов и адыгов.

Мы хотим сказать, что благодаря своему особому, сильному звучанию гармоника (пшынэ, аккордеон) стала самым распространенным инструментом, как и на Кавказе. Везде исполнителей на ней оказалось больше. Но здесь нельзя не упомянуть о роли ударных инструментов, таких, как пхащыч, пхатарко в Турции. Без этих инструментов мы не можем представить целостной картины музыкальной культуры адыгской диаспоры. В настоящее время мы не можем сказать, что какой-то инструмент – исключительно женский, какой-то – мужской, но факт, что на многих музыкальных инструментах исполнителями являются мужчины. Для примера мы приведем имена некоторых наиболее знаменитых и популярных исполнителей с 1912 г. до наших дней, а также инструменталистов, вокалистов, хореографов и мастеров по изготовлению инструментов.

Список известных исполнителей в Турции (1912–2006):

1. Кокдэш Нэвэсэр (вокалист);
2. Сабахаттин Мухлис (композитор);
3. Кобра Мелек (оперная певица);
4. Атлы Лэми (Шызэму) (композитор-дирижер);
5. Конуралп Халим Зия (вокалист, композитор);
6. Рамазан Мусса (хореограф, инструменталист);
7. Кафлы Рамазан (хореограф);
8. Кафлы Кыдыржан (хореограф-инструменталист);
9. Дагыстанлы Мурат (хореограф-инструменталист);
10. Гайтаоглу Эльбрус (хореограф-педагог);
11. Сасык Кемаль (инструменталист);
12. Думан Кемаль (инструменталист);
13. Хатко Яшар (инструменталист);
14. Шыко Мустафа (инструменталист);
15. Анзанко Нуреттин (инструменталист);
16. Тапанта Нажи (инструменталист);
17. Блегож Зия (инструменталист);
18. Карук Шахин (инструменталист);
19. Ялмаз Курулай (инструменталист);

20. Афажиж Эмин (инструменталист);
21. Натабжэ Джангат (мастер-изготовитель);
22. Натабжэ Айхан (преподаватель музыки, инструменталист по струнным и щипковым инструментам);
23. Кушхэ Доган (вокалист, инструменталист);
24. Четао Шукран (инструменталист);
25. Шыжь Рахшан (инструменталист, вокалист);
26. Шигаудж Мехмет (инструменталист, вокалист);
27. Тхамоко Джанкат (инструменталист, вокалист);
28. Быж Исмаил (инструменталист, вокалист);
29. Кудабердоко Меджид (инструменталист);
30. Кудабердоко Сами (инструменталист);
31. Сасык Шамил (инструменталист, вокалист);
32. Кип Имдат (вокалист);
33. Быдэ Хасан (инструменталист);
34. Куаш Алпай (инструменталист);
35. Гюлсю Мунтеха (инструменталист, вокалист).

Следует сказать, что музыкальная культура адыгов в Турции переживает новый подъем. Поэтому важно восстановить вышедшие из бытования инструменты с помощью профессиональных музыкантов и расширить использование редко употребляемых инструментов в диаспоре. Найти возможность для реконструкции и применения музыкальных инструментов в народных инструментальных ансамблях.

Литература

1. *Соколова А. Н.* Гармоника адыгской диаспоры // Музыкальные следы Кавказской войны // Россия и Черкесия: вторая половина XVII–XIX вв. Майкоп, 1995.
2. *Соколова А. Н.* Музыкальные доски адыгов // Адыгская гармоника в контексте этнической музыкальной культуры. Майкоп, 2004 г.
3. *Хараева Ф. Ф.* Традиционные музыкальные инструменты и инструментальная музыка адыгов. М., 2000.
4. *Хауба И.* Абхазские народные музыкальные инструменты. Сухуми, 1967.
5. *Bayburt. P.* Turkiyede Folklor. Ankara, 1976.
6. *Ilhan Mimaroglu.* Muzik tarihi. Istanbul, 1990.
7. *Karpeles M.* The collecting of folk music and the other ethnomusicological material London, 1958.

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ В ТОПОНИМАХ БАЛКАРИИ

Невозможно представить топонимию Балкарии без таких слов, которые имеют по своей семантике противоположные значения: **огъары – тебен** «верх (верховье) – низ (низовье)»; **улли – гитче** «большой – малый»; **акъ – кара** «белый – черный»; **кюнлюм – чегет** «солнечная сторона – теневая сторона»; **къалын – жукъгъа** «густой – редкий»; **аман – иги** «плохой – хороший»; **узун – къысха** «длинный – короткий»; **башы – тьюбу** «начало (над) – конец (низ)»; **бай – жарлы** «богатый – бедный», **аллы – арты** «перед (начало) – зад (конец)», **ташлы – ташсыз** «каменистое – без камней», **суулу – суусуз** «влажное (с наличием воды) – сухое (без воды)» и т. п. Из общего количества зафиксированных географических названий местности они составляют 10–12 процентов, а если взять микропонимию, то еще больше. Таких компонентов как **башы – тьюбу** насчитывается в пределах ста. Например, редко какое балкарское село не имеет таких кварталов, в названии которых нет таких компонентов. Село Кёндеден имеет такие кварталы: **Чегет** «теневая сторона» (северная часть села), **Кюнлюм** «солнечная сторона» (южная часть села), **Огъары эл** «верхняя часть села», **Тёбен эл** «нижняя часть села». И они имеют столетнюю историю. Еще в дореволюционное время в Кёндедене имелось пять кварталов (плюс к тем еще квартал **Тапшин**) со своими мечетями и духовными (мусульманскими) школами-медресе, в которых учились студенты (сохтала) и там были сосредоточены грамотные преподаватели. По историческим данным муллой и преподавателем одного из кварталов – «Тапшина» служил известный революционер Ахмат Мусукаев, а карачаевец Умар Алиев, один из грамотнейших людей своего времени, работавший в Наркомнаце России в Москве, первый составитель алфавита и букваря на карачаево-балкарском языке, учился в одном из медресе сел. Кёндеден. Эти кварталные названия села фигурируют до сих пор. Об аналогичных явлениях в дагестанских аулах пишет И. Х. Абдуллаев: «Квартал (махала) в лакских и других дагестанских аулах представлял собою не только часть населенного пункта, но и единицу территориального деления селения. Нередко кварталное деление произведено для удобства при выполнении общественных работ – ремонт дороги, очистка озер, проведение поочередно праздника первой борозды... такие кварталы имели свою мечеть, только им принадлежавшие участки общественных покосных угодий, свои общие собрания, свои места для таких собраний и даже своего особого старшину (вакил). Для большинства лакских аулов было характерно деление на кварталы по географическому принципу, и они носили территориально-географические названия: **Бар ши** «верхний квартал», **Ух ши** «нижний квартал».

Об аналогичных топонимах, существующих в адыгейском, чеченском

языках, также сообщается автором [1:87]. Такие же названия имеются и в осетинском языке: **Делесых** «нижний квартал», **Раздзох** «впереди идущий (передний)».

Такое обилие слов с бинарной оппозицией в составе топонимов присуще, видимо, тюркским языкам, хотя оно имеет место во многих языках. Среди них весьма распространенными являются слова с цветовым противопоставлением, о чем приводятся примеры из тюркской топонимии Азербайджана: **Агбулаг** «белый родник», **Агбурун** «белый нос», **Аггая** «белая скала», **Агдаг** «белая гора», **Агдэрэ** «белая долина», **Агсу** «белая вода», **Агтэпэ** «белый холм», **Агчай** «белая река», **Гарабулаг** «черный родник», **Гарагая** «черная скала», **Гарадаг** «черная гора», **Гарачай** «черная река» [2:103]. Географических названий с компонентами цветовых оттенков в балкарской топонимии довольно много. Они сочетаются с местными терминами **тау** «гора», **жол** «дорога», **жар** «обрыв», **къяя** «скала», **сырт** «возвышенность», **тала** «поляна», **кьол** «балка», **таш** «камень», **шаудан** «родник» и др.: **Акь тау** «белая гора» – в Черекском ущелье, **Акь жол** «белая дорога» – в Чегемском ущелье, **Акь жарла** «белые обрывы» – в Чегемском ущелье, **Акь къяла** «белая башня (крепость)» – Хуламо-Безенгийское ущелье, **Къара кезлеу** «черный родник» – Черекское ущелье, **Къара къяя** «черная скала» – почти во всех ущельях – Малке, Приэльбрусье, Черекском, **Къара суу** «черная речка (речка, село)» – Черекское ущелье, **Къара кьол** «черная балка» – Баксанское ущелье, **Акь сырт** «белая возвышенность» – Черекское ущелье, **Акь тала** «белая поляна» – Чегемское ущелье и др. О природе топонимических компонентов, обозначающих цвета, имеются различные суждения. В частности – кроме цветовых признаков им присущи и другие. Из примеров в балкарской топонимии можно заключить, что некоторые из них действительно показывают другие признаки местности. Например, слово **акь** «белый» в названии **Акь жол** «белая дорога» дает значение «известь», т. е. «известковая дорога». В отношении к водным источникам **акь** «белый» и **къара** «черный», также часто обозначают вид, состояние воды. Например, **Къара суу** «черная вода» на самом деле может выступать со значением «источниковая вода», а в топониме **Акь суу** «белая вода (речка)» – как «ледниковая вода». Такой же перенос значения может произойти в названиях **Акь жарла** «белые обрывы» и **Сары жарла** «желтые обрывы» – как «известковые обрывы» и «глиняные обрывы». Таким образом, информация, получаемая нами из топонима, не всегда соответствует внутреннему содержанию тех компонентов, которыми они обладают. Говоря о характере объекта, к которому относится топоним, следует сказать, что под «характером объекта мы понимаем не только географический тип объекта (лес, поле, болото, ручей, озеро, село, город), но и признаки этого объекта» [5:95].

В тесных условиях горной местности, где каждый малый участок земли принадлежал отдельным владельцам, ведущим свое небольшое хозяйство, была настоятельная потребность их индивидуального разграничения. Она «вызывается реально возникающей необходимостью

дифференцировать, уточнить, выделить из ряда однородных объектов те или иные из них. Дифференциация эта происходит путем добавления определений. При этом преобладают определения бинарной оппозиции. Из осетинского языка приводятся такие примеры: **дэллаг** «нижний» – **уэллаг** «верхний»; **Уэллаг суар** «Верхний (дальний) минеральный источник»; **Дэллаг суар** «Нижний (ближний) минеральный источник»; **Стыр хольгом** «Большое ущелье падали»; **Чысыл хольгом** «Маленькое ущелье падали»; **Даргъ къуылдым** «Длинный (продолговатый) пригорок»; **Цыбыр къуылдым** «Короткий пригорок» и др. [6:106]. Это положение подтверждается и примерами из топонимии Балкарии: **Уллу таллы къол** «большая вербная балка»; **Гитче таллы къол** «малая вербная балка» – близ Малки; **Уллу агъач** «большой лес» – Черекское ущелье; **Уллу Шаукам** «большой Шаукам»; **Гитче шаукам** «малый шаукам» – в Баксанском ущелье; **Уллу аууз** «большая теснина» – ледник, у истоков Черека; **Уллу бек** «большое укрепление» – скала; **Гитче бек** «малая скала» – Малка; **Уллу баллы къулакъ** «большая медовая балка» – Малка; **Гитче тузлукъ** «малый тузлук (солончак)»; **Уллу мараллы къол** «большая ланья балка»; **Гитче мараллы къол** «малая ланья балка» – в Малке; **Узун сабан** «длинная пашня» – Чегемское ущелье; **Узун биченлик** «длинный покос» – Чегем; **Узун дорбунла** «длинные пещеры» – Малка; **Уллу къалпакъ** «большая шляпа» – местность близ с. Ташлы-Тала; **Уллу къара** «большая черная» – скала в Баксанском ущелье; **Уллу тау чана** «большие горные сани» – скальный массив в Баксанском ущелье и др. Как явствует из всего этого, не все топонимы имеют оппозиционные пары. Возможно, они и существовали в свое время, но к настоящему состоянию исчезли – может быть уступили место другим топонимическим сочетаниям, которые пришлись на злобу дня и стали необходимыми к данному состоянию объекта – т. е. появилась такая общественная необходимость.

Как известно, собственные имена имеют не все типы ономастических объектов. «Различные группы однотипных объектов имеют разное количество объектов, наделенных собственным именем. По необходимости индивидуализации на первом месте стоят сами люди. Пожалуй, нельзя представить себе человека без имени (даже если он живет под номером, то номер становится его именем), то есть в классе людей все имеют собственные имена. На втором месте по количеству индивидуализованных объектов стоят объекты географии. Здесь собственное имя имеют большинство объектов, но далеко не все. Это особенно относится к микрогеографии... Далее по степени убывания количества объектов, наделенных собственным именем стоит класс животных... клички получают лишь домашние животные, и то не все... Имеют названия звезды и планеты, но только те, которые доступны человеческому зрению» [5:87–88]. Наибольшее разнообразие в применении определений с бинарной оппозицией сосредоточено в географических названиях с различными типами объектов – гидронимами, разными видами оронимов, ойконимов и т. д. При всем этом различные определения с бинарной оппозицией имеют свою избирательность – соблюдается внутренняя семантическая связь. Например,

акъ «белый», **къара** «черный» легко сочетаются с терминами тау «гора», **жол** «дорога», **жар** «обрыв», **суу** «вода, речка», **къая** «скала, утес» и др., но не становятся компонентами топонимов с терминами: **Эл** «село», **къабакъ** «селище, село», **орун**, **бау** «загон, хлев», **стауат** «стойбище» и т. д., правда, бывают и исключения из этого правила, когда сочетания компонентов необычны, т. е. не соблюдается ни логическая, ни семантическая связь. Например, **Баш тыкыр** – буквально означает «верховье (верхнее место) без растительности». Логичнее выглядело бы: **тыкыр баш**, т. к. такие сочетания были правомерны по законам языка, но этого не происходит. Видимо, из топонима выпали какие-то компоненты или исказился звуковой состав, или же иноязычные элементы приспособились со звукосочетаемыми нормами местного языка. Таких «несочетаемых сочетаний» в топонимии Балкарии немало: **Абай тюз** «Абая поляна», правильное было бы – **Абай тюз(ю)**, т. е. с участием аффикса принадлежности, такое же необычное сочетание в топонимах: **Аман ачы** «плохая горечь», **Ара боран** «внутри (балки?) буран», **Арт зыгъыр** – **Арт** «за», **зыгъыр** «скопление обломков камней» [3:32], **Артла** «тыль», **Артыкъ сырт** «лишняя возвышенность», **Асланбек бодуркъу** «Асланбек+пугало», **Баш къара** «вершина черная», **Бёрс ойнакъ** «Берс? играть», **Бодуркъу кёпюр** «пугало мост», **Билги** «известное», **Быхы кёл** «морковь озеро», **Гитче тузлукъ** «малый солончак», **Гымыжа обасы** «Гымыжа (?) могила», **Гыры къырыкъ** «Гыры (?) желоб», **Жапыр тала** «Жапыр? поляна», **Жиба биринчи** «Жиба первый», **Ийисли суу** «с запахом речка», **Къычыр чыран сырты** «Къычыр (?) ледника возвышенность», **Макъа чукъа** «лягушка чукъа (?)» и др.

Надо сказать, что специфика рельефа определяет наличие и обилие тех или иных видов объектов местности, а виды объектов, в свою очередь, определяют бинарные оппозиционные пары в качестве компонентов топонимических названий. В нашем регионе местность гористая и состоит из скал, балок, возвышенностей, впадин, дорог, тропинок, источников, речек, ручьев, полян, пещер, вершин и т. д. И бинарные оппозиционные компоненты выбираются в соответствии с ними. В балкарской топонимии самое большое их количество падает на такие пары как башы – тютю «верх (верховье) – низ (низовье)». Это и логично, потому что на равнинной местности они не нужны, они применимы только там, где есть горы, скалы. Причем для скотовода-балкарца не так важен такой объект как скала, а – верховье и низовье скалы, где можно вести хозяйство. По этой причине топонимия края изобилует такими компонентами как **башы** – **тютю**: **Айры тютю** «под седловиной» – Чегем, **Амай башы** «Амая верховье» – Гестенти, **Бий къабакъ башы** «богатого селения верховье» близ с. Кенже, **Буу башы** «оленье верховье» – близ с. Ташлы-Тала, **Газа тютю** «Газы низовье (дно)» – близ с. Белая речка, **Гара башы** «нарзанного источника верховье», ледник – Баксанское ущелье, **Дингил тютю** «Колеса низ» – местность близ с. Ташлы-Тала, **Жайлыкъ башы** «верх пастбища» – пастбище, Баксанское ущелье; **Каяшки суу башы** «Каяшки речки верховье» – Черекское ущелье, **Къала тютю** «под башней» – Чегемское

ущелье; **Къарала башы** «черных (скал) верховье» – Баксанское ущелье, **Къая башы** «верх скал» – во всех ущельях имеется такое название, **Къызыл тьюбю** «красных низ» – поселок в Баксанском ущелье, **Сары къол башы** «желтой балки верховье» – Баксанское ущелье, **Тай орула башы** «верховье загона для жеребят» – хребет в Баксанском ущелье, **Тонгуз орун башы** «свиной места верховье» – перевал в Баксанском ущелье, **Туз асыраучу башы** «соль хранящегося места верховье» – местность в верховье р. Нальчик, **Уяна тюп** «Уяны низовье» – местность в Хуламо-Безенгийском ущелье, **Эл тьюбю** «селенья низовье» – прежнее название с. В. Чегем, **Эл башы** «села верховье» – местность в Чегемском ущелье и т. п. Хотя информационное поле слов **башы** – **тьюбю** суть «верх (верховье) – низ (низовье)», но в каждом конкретном случае в их применении имеются свои нюансы: в вышеприведенных примерах **Эл тьюбю** «села низовье» первоначально обозначая «нижнюю часть села», затем стало названием всего села **Эл башы** «села верховье», как и прежде, продолжает обозначать горный склон в верхней части села. Таким образом, главное даже не рельеф местности, хотя он тоже имеет значение при назывании объекта, а мнение людей, которые назвали местность этим топонимом. Прав В. А. Никонов, один из наиболее вдумчивых и наблюдательных отечественных топонимистов, говоривший: «Географическое название не часть называемого объекта. Оно не присуще ему. Иначе одна и та же река не могла бы называться Ра–Итиль–Волга. Ни река, ни горы не называют себя сами, названья дает им общество и в интересах общества. Географическое названье принадлежит не природе, а обществу, и как все общественные явления, исторично... Но, может быть, все-таки есть названья, продиктованные непосредственно географической средой? Например, город Зелена Гора, река Быстрая. Нет! И ошибка не в том, что подробное объяснение часто лишь плод упрощенья или переосмысленья (с. Волково в действительности названо не за обилие волков, а по принадлежности помещику Волкову). Главное в том, что даже и те названия, основы которых действительно выражают свойства называемого объекта (р. Волчья), продиктованы все-таки не самими этими свойствами, а историческими причинами. Так, средние века оставили немало названий городов и сел с основой «мост»: Замостье, Мосты, Брюгге, Оснабрюк, Пантуау, Алькантар и многие другие. Почему же теперь не возникают названия от той же основы? Разве мостов стало меньше? Но единственный мост, при котором возникал город, давал названье городу, а сто мостов, созданных самим городом, не отразятся в его названии: теперь не город при мосте, а мост при городе. Вся суть не в наличии признака, а в оценке ее» [4:81].

Итак, одним из характерных способов образования балкарских топонимов является применение в качестве их компонентов таких оппозиционных пар как **башы** – **тьюбю** «начало (над) – конец (низ)»; **узун** – **къысха** «длинный – короткий»; **акъ** – **кара** «белый – черный»; **аллы** – **арты** «перед (начало) – зад (конец)»; **кюнлюм** – **чегет** «солнечная сторона – теневая сторона»; **жангы** – **эски** «новый – старый»; **орта** – **къыйыр** «середина – конец»; **толу** – **бош** «полный – пустой»; **ташлы** – **ташсыз**

«каменистое – без камней» и др. В отличие от тех языков, где преобладающим способом образования топонимов является суффиксация (например, в славянских), возможностей получить информацию о признаках объекта в наших примерах намного больше, так как в каждом компоненте в той или иной степени заложена определенная информация: **Ташлы сырт** «каменистая возвышенность», **Къара къая** «черная скала», **Кюнлюм къол** «балка на южной стороне», **Къайын къыйыры** «конец березового леса», **Бош къулакь** «пустая балка», **Ариу къулакь** «красивая (удобная) балка», **Жангы тау** «новая гора» – близ с. Безенги и др. Порою выявить правильную информацию из данного топонима бывает нелегко. Во-первых, нужно руководствоваться «принципом историзма», во-вторых, как говорит Н. В. Подольская: «Время, ложная этимология, искусственность создания топонима, неверный перевод, плохое знание самого объекта тем, кто давал ему имя, и другие факторы могут сделать информацию ложной» [5:97]. Действительно, не так легко получить верную информацию из топонима **Жангы тау** «новая гора» в таком девственном ущелье как Хуламо-Безенгийское, тогда как в названии с таким же компонентом **Жангы посадка** «новая посадка», информация лежит на поверхности.

Библиографический список

1. *Абдуллаев Н. Х.* Названия кварталов в лакских аулах // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
2. *Ахундов А. А.* Тюркская топонимия Азербайджана // Ономастика Кавказа. Орджоникидзе, 1980.
3. *Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
4. *Никонов В. А.* Пути топонимического исследования. Принципы топонимики. М., 1964.
5. *Подольская Н. В.* Какую информацию несет топоним // Принципы топонимики. М., 1964.
6. *Цагаева А. Дз.* Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971.

Леонид ШОГЕНОВ

В одном селе отменный лгун
 Когда-то проживал:
 Он предлагал тебе лакум –
 И камень подавал.

Он сажу снегом мог назвать –
 Такой вот обормот;
 На стол он мог сказать: кровать,
 И мог – наоборот.

Умел внушить, что прут – цветок,
 Цветок, напротив, – прут;
 Морочить всех на свете мог
 Тот небывалый плут...

Тот враль дурачил хоть кого,
 В тисках – и стар и мал.
 Что удивительней всего –
 Никто не возражал.

Чтоб люди так умели врать,
 До тех не знали пор.
 Решил его я повидать,
 Послушать разговор.

«Салам алейкум! – я сказал. –
 Ищу я тайну врак.
 Скажи, почтенный аксакал,
 Как врать, чтоб верил всяк?

Живу я в дальней стороне,
 Таких вралей там нет.
 Я сказочник, а значит, мне
 Полезен твой секрет».

«Я вру с пеленок, – молвил он. –
 Мне верили всегда.
 С какой, не знаю, из сторон,
 Но вдруг пришла беда.

Все дело в том, что я в мешок
 Все враки до одной
 Так прятал, чтоб никто не мог
 Поспорить впредь со мной.

Но небылицы, что я плел,
 Протерли мой мешок,
 Весь брех, свободу лишь обрел,
 Пустился наутек.

В тот день ославили меня
 Лжецом, вралём, вруном –
 И даже вся моя родня
 Мой обходила дом.

Как только от меня вранье
 Сбежало со всех ног,
 Довольство кануло мое –
 Я ничего не мог.

Не мог под гордым званьем роз
 Крапивой торговать;
 Не мог за золото навоз
 Я больше выдавать.

Тому, кто мне займы давал,
 Не мог я сей же миг
 Внушить, сражая наповал,
 Что он и есть должник.

Я разучился врать тогда...
 Взяла такая злость!
 Чтоб миновала та беда,
 Потратиться пришлось.

Я из слоновьей шкуры сам
 Мешок прочнейший сшил –
 И небылицы по углам
 Все-все переловил.

Как зайцев, за уши хватал,
 В мешок совал их всех...
 Устал? Конечно же, устал,
 Но ждал меня успех.

Теперь я на мешке сижу,
 Запомнив тот урок;
 Лишь только небыль расскажу –
 Сей миг сую в мешок.

Они лежат там, не пищат
 И даже не шуршат,
 А я, как триста лет назад,
 Все вру, и вру стократ.

Ни вздохов потрясенных: «Вах!...»,
 Ни удивленных лиц –
 Опять никто в моих словах
 Не видит небылиц!»

Хогаза каким-то образом узнал, что, сговорившись со сторожем, ночью Шереуж украл силос из колхозной силосной ямы и на бортовом «уазике» увез его – для своего домашнего скота, оставшегося из-за затяжной зимы без сена, отрубей и всяких там комби- и просто кормов.

– Вот это да! – радостно воскликнул Хогаза, замышляя хитрую, в то же время рискованную операцию. – Это дело нельзя оставить без внимания. Никак нельзя!

И он не оставил. Запыхавшись, прибежал к Доте и говорит:

– Дед, случилась беда: милиции стало известно, что Шереуж сегодня ночью украл силос из колхозной ямы!

– Неужели?!

– В самом деле, дед! Она, милиция, проводит по всему селу подворный обход, задержала твоего сына – моего первого друга, и допрашивают его в кабинете участкового.

– Ой, беда! Ой, беда! – Дота схватился за голову. – Какое несчастье! Какое горе? Что будем делать, а-а? Что же делать?.. Нет, так не пойдет! Я сейчас схожу к участковому и попрошу...

– Ты что, дед, свихнулся? – говорит Хогаза. – И тебя могут задержать за укрывательство преступления! А это знаешь, чем пахнет? Тюрьмой! Согласно статьи 189 части первой Уголовного кодекса тебя могут наказать лишением свободы на срок до 5-ти лет и одновременно разлучить с любимой Дусей на тот же срок... В твоём возрасте, дед, это... сам знаешь... Ты лучше, давай, организуй уборку силоса со двора. Надо его спрятать.

– Куда я его дену? В коровник нельзя – сразу заметят, в курятнике не поместится, в огороде – тоже видно будет.

И тут Хогаза подсказал Доте «хорошую мысль»:

– На чердаке – вот где надо спрятать силос! – сказал он авторитетно, успокоив старика. – Лучшего места не найти, дед! Давай, организуй бригаду и приступим к делу... Я побежал!..

Организовав бригаду в составе трех человек (он сам, супруга Дуся и внук Огурлиж), Дота распорядился:

– Ты, Дусь, оставайся внизу и сыпь силос в ведра, я как-нибудь залезу на чердак, а Огурлиж будет подавать, поднимаясь по лестнице.

– Он же должен в школу идти.

– Ничего. Из-за одного пропуска его не исключат...

Авральная работа бригады шла полным ходом. Она напоминала тяжёлый рабский труд времен Спартака. Позабыв о боли в ногах, Дуся то шуфельной лопатой, то вилами, то совком наполняла ведра и подавала внуку, который, в свою очередь, как скалолаз, карабкаясь по лестнице,

подавал их бабушке, а последний, периодически хватаясь за большую спину (страдал радикулитом), аккуратно их опорожнял.

Обливаясь потом, «бригада» завершила уборку силоса и вернулась в комнату – один за другим, как в известной сказке «Репка»: дед впереди, бабушка за дедом, внук за бабушкой, любимый кот за внуком, и все сразу повалились на кровать с металлической сеткой производства пятидесятих годов прошлого века. Что болит, о том и говорят, – Дота жалуется на свой радикулит, Дуся – на боли в ногах, а Огурлиж – на усталость. Ни у кого нет аппетита, даже и не думают об обеде.

Но об этом не забыл Шереуж. Вскоре он появился во дворе.

– Сыночек! – увидев его, радостно воскликнули Дота и Дуся, пытаются привстать с кровати. – Тебя освободили? Да?!.. Какая радость! Какое счастье!..

– Не понимаю. О чем вы говорите?

– Как о чем?! Хогаза утром прибежал к нам и сообщил, что тебя задержали и допрашивают в кабинете участкового милиционера.

– Никакого участкового я сегодня вообще не видел.

– И милиция по дворам не ходит?

– Нет, конечно.

– Значит, силос можно спустить...

– Вы что, куда его дели? – удивленно спросил Шереуж, перебивая отца.

– На чердаке спрятали, сынок. Стали цепочкой и подняли. Твоя мать осталась внизу и загружала силосом ведра, я залез на чердак, а Огурлиж, карабкаясь по лестнице, подавал их мне...

Что за наглая эксплуатация? Что за кошунство? Что за издевательство над стариками и подростком? Такое не прощается! Никогда не прощается. И Шереуж, возмущенный до глубины души, решил показать другу, ставшему сегодня врагом номер один, где раки зимуют. Но...

* * *

Вечером того же дня все они, как ни в чем не бывало, помирились с Хогазой, который пришел поздравить Доту с днем рождения и подарил старику красивые карманные часы, о которых он давно мечтал. Быстро накрыли стол разными закусками и напитками, в числе которых была большая бутылка «Русской водки», принесенная Хогазой.

После первой рюмки, вспомнив о сегодняшней «эксплуатации», Дота спросил:

– Скажи, Хогаза, зачем ты все это затеял?

– Помнишь, дед, как ты, следуя высказываниям Ленина, всегда говорил: «Лучший подарок к празднику – это труд». Я думал, думал и лучшего подарка к твоему дню рождения не придумал. Ха-ха-ха!..

– Хулиган ты, Хогаза! Валлахи, настоящий хулиган!.. Но я люблю тебя такого. Очень люблю...

– !:!

Подъехав на своем старом «Москвиче-408» к хорошо знакомому дому, куда он ежедневно либо через день приходил в гости, Шереуж резко тормознул, поднимая пыль столбом. Выскочил из машины.

– Дед! Эй, дед! – стал колотить в калитку, запертую на засов. – Дед, ты дома?

– Дома, дома, – вяло отвечает Харун, открывая калитку. – Ну, заходи, Шереуж: утреннего гостя легко угостить.

– Некогда, дед... Ты знаешь, что из Буденновска привезли муку и меняют на яблоки. Счел своим долгом об этом сообщить вам.

– Откуда привезли, говоришь?

– Из Буденновска.

– А где это? Далече?

– Далечно, дед, далеко: где-то под Москвой.

– Раз из такого далекого села привезли, должно быть, мука хорошая.

– Еще какая! Высший сорт. Готовая булка! Ох, дед, ты не представляешь, какие вкусные лакумы, хычины, пироги из нее можно печь. Пальчики оближешь!

– А мешок почем?

– Я же сказал: не продают, а меняют кг на кг.

– А что такое кг?

– Ох, деревня! Килограмм на килограмм. Но имей в виду: меняют только на зимние сорта, типа симиренко, айдаред...

– Как? Разве сейчас, в разгар лета, можно собирать зимние сорта яблок?!

– Можно, дед! Можно: они будут гнать из него водку... прозрачную русскую водку. Так что давай, организуи бригаду и приступай к уборке яблок... Я поехал!

Проводив глазами уезжающего приятеля своего сына, Харун некоторое время стоял как вкопанный, погрузившись в тяжелые думы. Оказавшись перед дилеммой, он не знал, что делать и что выбрать: яблоки или муку. На то была веская причина: фронтовик Харун, прошедший горнило страшной войны и тяжелые послевоенные годы, знал, что такое голод, не понаслышке, знал цену муке. Поэтому неслучайно он ежегодно заготавливает потребное количество сельхозпродуктов, оставляя продовольственный запас или, говоря его словами, неприкосновенный запас. Но кто его знает? Нынче, когда засуха здорово погубила пшеницу, Харун может быть лишен такой возможности.

«Я-то жизнь прожил и мне не страшно умереть с голоду, – размышлял он, поникнув головой. – Но как быть со старушкой? Она на целых семь лет моложе меня! Как быть с внуком Еминеж? Он совсем юный. Еще не познал радости жизни. Если они с голоду... Боже упаси! Такого не должно быть! Нельзя допустить такого! Для этого что надо делать? Запастись мукой!.. Но с другой стороны: яблоки жалко, – продолжает старик свою мысль. – Особенно зимние сорта жалко, ибо они будут давать хороший

барыш, продай их зимой или в начале весны спекулянтам – перекупщикам или на базаре. Что делать? Что же делать?..»

После долгого раздумья Харун, если использовать терминологию отдельных политиков и депутатов, принял единственно правильное решение.

Предварительно приготовив несколько пустых ящиков, ведер и крючков к ним, Харун активно приступил к уборке урожая, организовав бригаду в составе трех человек: он сам, его бабка Диса и внук Еминеж. Обязанности между ними были распределены в следующем порядке: Еминеж, как самый молодой и шустрый, работал на верхних ветках и макушке дерева, Харун, страдающий радикулитом, стоя снимал яблоки с нижних веток, а Диса, чьи больные ноги не позволяли работать стоя, клала в ящики яблоки, сидя на самодельном стульчике, когда-то изготовленном Харуном специально для нее.

Несмотря на тридцатиградусную жару, все они трудились добросовестно и, выражаясь словами царя Петра Первого, не жалея живота своего. К обеду «бригада» успела собрать пять ящиков яблок зимнего сорта.

– Сколько ведер это будет? – спросил Харун свою жену, присаживаясь рядом с ней.

– По четыре ведра в каждом ящике... Посчитай.

– Ну-ка, посчитай, внучок: сколько ведер будет?

– Двадцать, дедушка! – выпалил Еминеж, быстро умножив четыре на пять.

– А это сколько мешков будет?

Появление Хогазы, вернувшегося домой на обед, прервало диалог между дедушкой и внуком.

– Что вы делаете? – недовольно спросил он, подойдя к ним. – Разве в разгар лета убирают зимние сорта яблок?

– А что они не приедут? – спросил Харун, вместо ответа сыну.

– Кто они?

– Это... С Би... Дид... Бидоновска.

– С какого Буденновска?

– С этого... Этого села где-то под Москвой... Так сказал Шереуж, сообщив мне, что муку меняют на...

– Какую муку? – спросил Хогазы, перебивая отца.

– Белую-белую... Высшего сорта... Как сказал Шереуж, готовая булка!

– О чем Вы говорите, отец?.. Ничего не понимаю.

– Как не понимаешь? На своей машине Шереуж заехал к нам утром и сообщил, что менялы приехали в село и меняют муку на яблоки. Но только зимних сортов берут. Вот и мы собрали пять ящиков, в том числе сорта симиренко – три, айдареда – два.

– Ох, с каким трудом мы собрали их! – говорит Диса, вмешиваясь в разговор. – Бедный ребенок полез на верхние ветки аж до макушки дерева, дед срывал с нижних веток, часто хватаясь за больную спину, а

я укладывала снятые яблоки в пустые ящики, сидя на стульчике, сделанном когда-то твоим отцом специально для меня. Работали в поте лица. Не жалели себя.

– Ай, гяур! Ай, гяур! – сидя на самодельном стульчике, Диса прокликает Шереужа, нанося какую-то мазь на больные суставы ног. – Замучил он нас, стариков и бедного мальчика, сегодня. Ой, как замучил. Аллах не простит ему это зверское издевательство над нами.

– А какой урон нанес нам этот сукин сын! – подхватывает Харун, лежа на металлической койке с сеткой. – Сколько ущерба он причинил нам. Надо посчитать... А ну-ка, Дись (так ласково звал жену), скажи, сколько килограммов в ящике?

– Где-то двадцать пять – двадцать семь.

– Нынче зимой сколько стоил один килограмм?

– Пятьдесят рублей.

– Давай, умножь пятьдесят на двадцать пять или семь.

– Ой, этого я не смогу. Пусть внук умножает. Но сейчас его, бедняжку, не буди. Видишь, как он, изнеможенный, спит мертвым сном...

Вечером того же дня, как обычно, Шереуж пришел провести стариков. В первые несколько минут он не испытывал той теплоты, того уважения, которым его встречали Харун и Диса. Наоборот, незваного гостя они встретили холодно, даже враждебно. Харун смотрел на своего «обидчика» злобными глазами царя Ивана Грозного. Диса, схватив швабру, готовилась колотить его, а Хогаза, возмущенный издевательством над стариками, совершенным другом, но ставшим с сегодняшнего дня врагом номер один, стоял в углу комнаты, готовый броситься, как дворовая овчарка на чужую собаку, вошедшую во двор.

Обстановку разрядила семисотграммовая (Харун не любил пятисотграммовых) бутылка прозрачной русской водки, с которой Шереуж пришел в гости. Заметив ее, Харун смягчился. На его лице появились признаки доброжелательности.

Смягчилась и Диса, обрадованная подарком Шереужа (очками в золоченной оправе), о которых она давно мечтала. Проснулся и Еминеж, услышав слово «шоколад», произнесенное Шереужем, вынимавшим из кармана плитку...

Вскоре гостя пригласили за стол с различными напитками и закусками...

После первой рюмки, вспомнив о сегодняшней его проказе, Харун спросил:

– Скажи, Шереуж, зачем ты все это затеял?

– Ты, дед, лучше спроси этого (кивая головой в сторону Хогазы) дурака... Он может дать четкий ответ. Ха-ха-ха!

Но Хагаза, хотя прекрасно помнил свое издевательство над родителями Шереужа, не стал отвечать. Он лишь неохотно произнес:

– Ничья – 1:1.

Старший сын Доты, но отнюдь не похожий на него, Шереуж, возвращаясь домой на своем старом «Москвиче-408», заметил отца своего друга Хогазы – Харуна, который стоял на повороте дороги республиканского значения «Баксан-Тырныауз».

Будто наряд милиции, преследующий разыскиваемого преступника и настигший его, Шереуж резко остановил свою машину прямо перед носом старика, пугая его страшным скрипом тормозов.

– Садись, дед (так ласково звал Харуна), – громко сказал он, высовывая свою голову из кабины. – Бесплатно отвезу!

Находясь в шоковом состоянии от сильного испуга, Харун некоторое время стоял, безмолвствуя. Разинув рот и вытаращив глаза, он смотрел на Шереужа. Сердце его стучало так сильно, что, казалось, старик пробежал марафонскую дистанцию.

– А-а, это ты, хулиган! – Харун произнес недовольно, опомнившись после некоторого замешательства. – Сукин сын, чуть меня не задавил. Разве можно так шутить? Валлахи, так испугался, что душа в пятки ушла. Даже казалось, на тот свет ушла!

– Не спеши, дед, на тот свет: ты еще молод!

– Хи-хи! – улыбнулся старик, обрадовавшись лестному и очень даже приятному слову «молод». – Все-таки, хорошо, что встретился с тобой, хулиган. Больше часа стою на остановке и жду автобуса. Представляешь?

– Представляю, дед. Но куда ты так торопишься? Думаешь, твоя занобушка Диса домой не пустит?

И тут Харун открыл свою, пока семейную, тайну, рассказав, что его избалованный внук Еминеж сегодня ночью неожиданно-негаданно украл невесту.

– Неужели?! – удивленно спросил Шереуж, будто о случившемся ничего не знает, хотя сам был инициатором и организатором этой затеи. – Поздравляю, дед!

– Спасибо!.. Но мы материально и морально сейчас не готовы к этому.

– Может, твой внук морально и физически готов к такому важному делу. Откуда знаешь?.. Кстати, кого Еминеж украл? Небось, хорошенькая, порядочная, воспитанная?

– Не знаю. Говорят очень молоденькая – только шестнадцать лет стукнуло. Куда эта соплячка торопилась? Куда опаздывала?

– Значит, скороспелка, как ты и твои потомки. Ха-ха-ха! Говорят, дед, тебе было всего восемнадцать лет, когда ты умыкнул Дису. Это правда?

– Так суждено было.

– Помнишь, твой старший отпрыск Хогаза тоже женился в таком же возрасте. Что ни говори, в ваших жилах течет горячая кровь. Как

говорится, пока корень не пустился, верхушка созревает. Ха-ха-ха!.. Ну, ладно на эту интимную тему больше не будем говорить. Ты, дед, лучше скажи мне: куда и зачем ездил? Как тебя занесло сюда?

– Приехал на базар, чтобы продать своего бычка? Иначе нельзя было: дома денег нет, а расходы на свадьбу, сам знаешь, большие.

– Ну, как торговля?

– Ничего... Продал.

Неоднократно испытав на практике, Шереуж знал, что если Харун употребляет слово «ничего», то на его языке это означает «хорошо». Ответ старика обрадовал его. Нет, не потому что Шереужа волновала удачная или неудачная торговля Харуна. Причина была в другом: с дохода старика можно удержать какие-то налоги, либо получить проценты любым способом, используя для этой цели дозволенные и недозволенные методы.

«Нельзя упустить такую возможность! – настойчиво шептал Шереужу его внутренний голос. – Никак нельзя!..»

Выезжая из Баксана, Шереуж решил не сворачивать налево, чтобы потом ехать по объездной дороге, а держать путь прямо в близлежащее село Исламей, где их никто не знает, и нет поста ГАИ.

– Мне надо заехать в это село, дед, – говорит Шереуж, как бы между прочим. – Необходимо встретиться с одним товарищем.

– А надолго удержишься?

– Нет, минут пять, максимум – десять.

Ох, как Харун не хотел этого! Ему надо было вернуться домой как можно скорее. Даже минутная задержка для него была нежелательна. Сняв свою войлочную шляпу и обмахивая ею вспотевшую лысую голову, он размышляет: «Зачем Шереуж должен заехать в чужое село и встретить своего товарища? Базарить с ним на житейские вопросы или пить водку прямо на улице? Этот баламут способен и на то, и на другое. Не раз я бывал очевидцем таких выходов с его стороны и со стороны моего сына-дуралея – Хогазы, его закадычного друга. Нет! Я не хочу с ним ехать. Лучше слезу и уеду попутным транспортом... А если такого транспорта не будет или меня не подберут? Что тогда делать?..»

Взвесив все «за» и «против», Харун согласился с Шереужем. Тем более, что тот бесплатно отвезет его...

Проехав два-три километра по селу, старый «москвич» резко остановился напротив гастронома, как норовистая лошадь.

– Все, дед, приехали! – говорит Шереуж озадаченно, выходя из салона автомашины. – Моска (так ласково звал свой автомобиль) не хочет дальше ехать.

– А что случилось? Поломалась, да?

– Не знаю, дед... Посмотрим.

Открыв капот, Шереуж стал копаться в двигателе, карбюраторе, аккумуляторе, свечах. Вышедший из машины Харун стал внимательно наблюдать за действиями водителя, хотя в частях и деталях автотранспорта он совершенно не разобрался.

«Недаром говорят: поспешишь-опоздаешь, – думает он, переживая случившееся. – Я вовремя не приеду домой. Зачем я сел в этот драндулет? Почему встретил этого балаболку? Лучше бы я стоял на остановке, ожидая автобуса либо попутного транспорта. Что делать теперь? Что же делать: мне нельзя задерживаться. Надо послать своих представителей с калымом к родителям невестки и сообщить им, что их дочка жива и здорова, находится в надежных руках. Надо готовиться к приходу гостей из числа родственников и соседей, которые будут нас поздравлять. Им же надо накрывать столы! А чем? Нет же мяса, напитков, сладкого, зелени, фруктов-овощей... Их надо покупать. А как покупать, когда деньги у меня в кармане?..

– Все, дед – капут! – сказал Шереуж, с силой закрывая капот. – Бензин кончился.

– А что будем делать? – тревожно спросил Харун.

– Надо у кого-нибудь попросить хотя бы литр бензина.

– А если не дадут?

– Будем сидеть и загорать... Ха-ха-ха! Ты же любишь загорать. Помнишь, поехав на Черное море, когда-то с Дисой загорал? Рассказывают, что в то время ты занимался любовью с некоторыми курортницами втайне от жены.

– Мне не до шуток, Шереуж! – злобно перебил его Харун.

– Ладно, ладно! Не надуйся, дед. Будем искать бензин. Шереуж взял пластмассовое пятилитровое ведро и перешел на другую сторону дороги, чтобы попросить у проезжающих водителей немного горячего. Он остановил одну, вторую, третью... но машины тут же все трогались и проезжали. Четвертая, за рулем которой сидел какой-то пацан, вовсе не остановилась.

– Что будем делать? – взволнованно спросил Харун.

– Есть один выход, дед.

– Какой? Скажи какой?!

– Вместо бензина можно... и водку. Но она же дорогая. Сам знаешь...

– Ничего, ничего! Я сбегая за ней... Есть здесь поблизости магазин?

Шереуж исподтишка хихикнул, про себя: «Ты, старик, – простофиля, при наличии полного бака бензина я остановился бы здесь, если б рядом не было магазина... Так что давай, гони проценты со своего дохода от продажи бычка... Не обязательно же деньгами».

Харун побежал в магазин, расположенный рядом, купил литр водки и, запыхавшись, быстро вернулся.

Сильно взболтав (проверял, водка чистая или самопал) одну из двух бутылок, купленных Харуном, Шереуж сел в салон, попросив перед этим, старика:

– Ты, дед, становись сзади автомашины и понаблюдай. Если Моска примет водку, то сзади должна загореться красная лампочка. Понял?

– Да, понял.

– Не так! Стоя не увидишь – садись. На корточках садись!..

Превозмогая боль в суставах, Харун сел на корточках и, не моргая, стал наблюдать когда загорится красная лампочка. Сидит и ждет. Ждет и сидит.

– Не загорается, Шереуж! – крикнул водителю, который тем временем жадно глотал водку из горлышка бутылки. – Слышишь?!

– Слышу, дед, слышу! Еще немного погоди...

Опорожнив одну бутылку (вторую спрятал в бардачок), Шереуж самодовольно улыбнулся: ведь успешно осуществилась его комбинация, принесшая какой-то процент с дохода старика в виде спиртных напитков.

Носовым платком он вытер губы и нажал на тормоз.

– Загорелась, Шереуж! – радостно воскликнул Харун, махая рукой. – Лампочка загорелась!..

– Вот и хорошо: Моска приняла водку за бензин. Теперь, дед, можно ехать: садись! Довезу тебя к Дисе в целостности и сохранности. Машина – зверь, а шофер – ас! Ха-ха-ха!..

– К своему знакомому не будешь заезжать?

– Нет, не буду: ты же спешишь, дед!

– Ай, спасибо тебе! Дай Аллах тебе здоровья!..

По пути домой Харун признался, что здорово переживал, полагая, что водка не годится в качестве горючего для автомашины...

– Сообразительный ты, Шереуж, – говорит Харун, восхваляя его. – Как ты догадался, что водка может заменить бензин. Но мне одно непонятно: каким образом ты машину заправил, не пользуясь бензобаком.

– Такие мелочи можно делать в салоне, дед. Не переживай: водка нашла свое место. Ха-ха-ха!..

Возвратившись домой, Харун с изумлением рассказывал своим соседям-старикам, прибывшим поздравить его семью с женитьбой внука, о своих приключениях с Шереужем.

– Опытный, тертый он шуфер (слово «шофер» он так произносил) этот Шереуж! – заключил Харун свой рассказ. – Настоящий джигит. Валлахи!..

Многим было известно о выработанном вместе с большой должностью крутом характере Хамата Тутовича, от которого он доселе не избавился, да и не ставил целью избавиться. Иногда в припадке гнева он звал своих сотрудников и подчиненных только по фамилии, с сарказмом прибавляя к ней слово «товарищ».

И сегодня Хамат Тутович не изменил своим правилам.

– Где ты, товарищ Пашацев, шлялся до сих пор? – распинал он своего подчиненного Еминежа, которого застиг прямо у входа административного здания. – Посмотри на свои часы, сколько времени сейчас?

– Часов нет у меня, Хамат Тутович.

– Ты, соня, лоботряс, бездельник, опоздал на работу на целых десять минут! Знаешь ты, бездельник, сколько важной продукции производят в нашей стране за это драгоценное время?

– Не-а.

– На миллиарды рублей, дурак!

– Ох, если бы вы знали, Хамат Тутович, как мне хочется спать сейчас, – буркнул Еминеж, отворачиваясь от своего грозного шефа. – Всю ночь глаз не сомкнул.

Всеслышащие, большие, как локатор, уши Хамата Тутовича уловили звуковую волну этих, казалось бы, очень тихо сказанных слов.

– Я тебе покажу спать! – заорал Хамат Тутович. – Пошли в мой кабинет – напишешь объяснительную!..

Будучи еще студентом, Еминеж где-то вычитал крылатые слова: «Смешон кричащий в гневе, страшен молчащий в гневе», хотя автора не помнит. Но ему были безразличны и кричащие, и молчащие в гневе. Поэтому, не придавая большого значения поведению и грозным словам своего шефа, не пререкаясь с ним и не заискивая, спокойно вошел в кабинет вслед за ним.

– Дайте, Хамат Тутович, бумагу, – попросил Еминеж, широко зевая. – Накатаю объяснительную... Но зачем такая крайность, можно было простить на этот раз, имея в виду...

– Простить?! – перебил Хамат Тутович своего подчиненного, не давая ему договорить. – Ни за что! Избаловал я вас, бездельников... Зинаида Андреевна! Слышишь?! Секретарь! Зайдите ко мне!

– Слушаю, Хамат Тутович! – говорит заскочившая секретарша, задышавшись. – Чего изволите?

– Этому лоботрясу надо объявить выговор, – вовсю орет Хамат Тутович, позабыв о недавних замечаниях вышестоящего начальства о его грубом и нетактичном обращении с подчиненными. – Нет, нет – строгий выговор!

– Может «строгача» не надо, достаточно простого выговора, Хамат Тутович... – заикнулся было Еминеж.

– Я об этом тебя не спрашиваю, товарищ Пашацев... Садись и пиши объяснительную! А ты, Зина, иди и подготовь текст приказа об объявлении этому бездельнику, балбесу, лежебоке, лентяю строгого выговора. Имей в виду, что приказ должен быть вывешен на самом видном месте, чтобы его могли видеть все: и сотрудники, и посетители, и прохожие. Поняла?

– Поняла, Хамат Тутович!

– Тогда иди, и займись этим делом... Или подождите, Зинаида Андреевна... Знаешь, Зиночка, одним строгачом нельзя ограничиться: надо использовать мощное оружие сатиры.

– Не понимаю, Хамат Тутович.

– Что тут непонятного: надо карикатуру нарисовать. Представь себе, Зина, рисунок комического содержания, бичующий лентяя... А ну-ка, закрой глаза, видишь такую интересную картину?

– Нет, Хамат Тутович, ничего не вижу.

– Ты никогда не видишь ничего, кроме косметики и модных тряпок. Иди к Суфьяну Аминовичу (на общественных началах тот выполнял обязанности редактора стенной газеты) и расскажи ему суть дела: он все поймет.

– Хорошо, Хамат Тутович, сейчас же схожу к нему.

– Иди, топай... А ты, товарищ Пашацев, ступай и объяснительную напиши в своем кабинете: здесь не пресс-центр...

Как и многие начальники среднего и высокого рангов, Хамат Тутович не мог терпеть инертных, медлительных и безынициативных работников. Была бы его воля, он близко не допускал бы таких людей к серьезной и ответственной работе, да и к любой обыкновенной деятельности, а слова, характеризующие их, вычеркнул бы из словарного состава языка. Вместе с тем он уважал и ценил инициативных, активных, деловых сотрудников, особенно тех, кто обладал быстротой ума и чьи руки автоматически работают.

Зинаида Андреевна, хотя не блистала глубиной и быстротой ума, но, надо отдать ей должное, ее руки печатали текст, как автомат.

Быстро составив и отпечатав текст приказа, она вскоре вернулась к шефу.

– Напечатали приказ, Зинаида Андреевна? – нетерпеливо спросил Хамат Тутович. – Ну-ка покажи. Ага... Молодец, Зиночка! Здорово сочинила? Ты успела предупредить Суфьяна Аминовича?.. Вот он и сам – редактор нашей стенгазеты – появился. Заходите. Заходите, Суфьян Аминович! Что ты остановился у порога?

– Здравствуйте, Хамат Тутович!

– Здоров, дорогой! Ну-ка, покажи, как ты нарисовал этого бездельника...

Редактор не успел протянуть нарисованную карикатуру, как Хамат Тутович быстро вырвал лист из его рук. Карикатура получилась удачная, с соблюдением норм и требований язвительной сатиры: какой-то здоровяк с длинным носом и большими ушами, напоминающими физиономию Еминежа, лежит на диване и спит мертвым сном. Над его головой, на стене висит репродуктор, который шепчет ему на ухо: «Вставай, Пашацев, вставай – на работу опаздываешь», будильник, стоящий на тумбочке, насупив брови, никелированными руками стягивает с него одеяло.

– Молодец, Суфьян Аминович!! – торжественно произнес Хамат Тутович, жадно рассматривая карикатуру. – Вот это талант! Головой ручаюсь, что, посмотрев на это замечательное творение, товарищ Пашацев... этот бездельник, этот прогульщик, этот лоботряс осознает свою вину, сделает правильные выводы... Ну-ка, Зина, посмотри. Нравится?

– Очень.

– Тогда иди, Зиночка, вешай ее вместе с приказом на самом видном месте. Пусть все увидят: и работники, и работницы, и посетители, и даже прохожие!..

В момент, когда Хамат Тутович вытирал платком свой картофельный нос, зазвенел городской телефон, стоящий на краю его письменного стола.

– Слушаю.

– Это я! – доносится из трубки властный голос его жены Жансурат, которую в первые годы супружеской жизни он ласково называл «Женочкой». – Слышишь?

– Слышу... Что, соскучилась? Или пожалела меня за то, что не приготовила мне завтрак и я, голодный, пришел на работу? Твою редкую доброту надо оценить как следует.

Продолжая свои упреки в адрес жены, Хамзат Тутович хотел было кое-что добавить к сказанному. Но...

– Хватит болтать! – резкий грубый голос супруги перебил его. – Послушай сюда!.. Произошло важное событие: Фатимочка вышла замуж!..

– Когда?

– Сегодня ночью... Тайно, не предупредив родителей и меня, вышла.

Из всех своячениц он любил и уважал Фатиму не только за писаную красоту, но и за уравновешенный характер и умение держать язык за зубами, когда это необходимо. Он искренне радовался ее успехам. Огорчался и переживал ее неудачи, когда такие бывали, хотя и редко. В знак любви и уважения Хамат Тутович покупал дорогие подарки младшей свояченице: в день рождения, в честь окончания школы, института. Не перечать!..

«Интересно, за кого Фатимочка вышла замуж? – думает Хамат Тутович, прервав телефонный разговор с женой. – Кто он – мой младший свояк? Наверное, из порядочной и состоятельной семьи. Может, из семьи крупного начальника? Или их близкий родственник? Если даже так, ничего: и такой человек полезен и нужен будет!.. Но сам – мой новый свояк – кто будет? Умный, деловой, инициативный? Какую должность занимает и чем занимается? Симпатичный он или безобразный? Конечно, он красавец, умница, занимает престижную должность: Фатимочка за дурака, бездельника, непутевого, босяка замуж не выйдет!..»

– Алло! Алло! Ты оглох, что ли, почему молчишь?

– Я так обрадовался, Женочка, твоему неожиданному сообщению, что потерял дар речи. Извини, пожалуйста. Но за кого Фатимочка вышла замуж? Не знаешь? Видимо, за хорошего парня... Я знаю ее вкус, она за плохого не выйдет. Да, Женочка?

– Не знаю, но говорят, что он у вас работает.

– Что?!

Хамат Тутович резко вскочил, словно из-под него выбили стул, но тут же сел обратно, размышляя о том, за кого из его работников Фатима могла выйти замуж. Такого в учреждении, вверенном ему, вроде нет: подавляющее большинство хлопцев давно женилось и обзавелось семьями, а кто еще не успел (а их единицы) – нет среди них достойного жениха для его младшей свояченицы.

– С кем Фатима связала свою судьбу? – немного опомнившись, осторожно спросил Хамат Тутович. – Не знаешь, Женочка?

– Говорят, его фамилия Пашацев.

– Что ты сказала? Повтори!

– Пашацев.

– А имя – Еминеж, да?!

– По-моему, так.

Телефонная трубка, которую Хамат Тутович уронил, оказавшись в шоковом состоянии, «успокоилась» лишь после тщетного многократного «Алло! Алло!»...

В приемной столпилась масса посетителей. Не зная, какое «горе» свалилось на голову Хамата Тутовича, некоторые из них называли его настоящим бюрократом; другие, считающие себя знатоками истории, сравнивали его кабинет с неприступной крепостью – Бастилией; а старичок в больших очках подрывал авторитет Хамата Тутовича, азартно рассказывая присутствующим, что когда-то он был личным его шофером и неоднократно выручал, помогая ему в трудных обстоятельствах, связанных с семейными неурядицами.

Обстановка в приемной так накалилась, что возмущенные посетители уже собирались штурмовать кабинет, но... сам Хамат Тутович выскочил из него, словно за ним была организована погоня.

– Зина, Зиночка! – зовет он секретаря, задыхаясь и суетясь. – Ты где?!

– Я здесь, Хамат Тутович!.. Что случилось?

– Что случилось?! Где тот приказ?

– Какой? О наказании Пашацева?

– Да, да! Где он?

– Повесила.

– На самом видном месте?

– Да, Хамат Тутович.

– Иди, быстро, сорви его! Я сказал – быстро!

– Хорошо, Хамат Тутович, сейчас сорву. Но что делать с карикатурой?

– Ее тоже повесила?

– Да, Хамат Тутович... Как приказали, на самом видном месте повесила.

– Ох, как сейчас некстати эта твоя активность! Иди! И карикатуру срочно сорви! Давай, Зина, быстро! И еще – зайди к Пашацеву и передай ему, что объяснительную писать не надо. Поняла?!

– Поняла, Хамат Тутович...

– Давай, Зиночка, давай!..

Немного успокоившись, Хамат Тутович сказал про себя: «Черт возьми, хорошего парня чуть не опозорил!»

Высокоурожайные сорта продовольственного картофеля в горной зоне КБР

В решении задачи повышения урожайности и валовых сборов важное место принадлежит внедрению в сельскохозяйственное производство высокопродуктивных сортов и соблюдение требований интенсивной технологии (табл.).

Таблица

Урожайность в конкурсном сортоиспытании картофеля на Вольском ГСУ, ц/га

№	Название сорта	Урожайность за годы			Средняя урожайность за годы	Отклонение от стандарта	Вегет. период (дней)
		2003	2004	2005			
1	Волжанин ст.	96,5	104,5	91,6	97,5	0	98
2	Алова	–	–	98,3	98,8	+6,7	97
3	Кофолле	–	137,3	104,0	129,4	+22,6	97
4	Розана	–	130,8	127,9	129,4	+31,4	102
5	Шерри	–	173,6	77,9	125,8	+27,8	103
6	Терский 2	71,2	146,4	86,6	101,4	+3,9	103
7	Невский ст.	136,6	145,4	125,2	135,9	0	103
8	Евгения	–	–	149	149	+23,8	98
9	Жанна	–	–	159	159	+34,1	102
10	Дезире	175	198,4	100,0	157,0	+22,0	102
	НСР_{0,5}				5,62		
					8,54		

В полевых опытах, проводимых в горной зоне Зольского ГСУ, опытный участок представлен луговым выщелоченным черноземом, содержание гумуса 5,4. Р205 – 67,2 мг на 1 кг почвы, общее количество калия повышенное.

Процесс клубнеобразования имеет свою динамику и в значительной степени определяется биологическими и сортовыми особенностями картофеля.

Урожайность клубней картофеля в среднем за 2003–2005 гг. составила от 97 до 159 ц/га.

Наилучшая урожайность испытываемых сортов была отмечена у сорта Жанна – 159 ц/га по отношению к контролю она была выше, чем у сорта Алова на 34,1 ц/га и сорта Розана на 31,4 ц/га.

Средняя масса клубней с 1 га на контрольных вариантах составила

74 и 99 т. Наиболее крупные клубни из изучаемых сортов отмечена у Дезире – 102 т, Шерри – 100,3 т.

Одной из главных задач, стоящих перед сельским хозяйством, является экономия и осуществление контроля за использованием всех видов затрат.

Самый высокий энергетический доход отмечался у сортов Жанна – 38230,4, Розана – 40708 МДж/га.

Из изученных сортов наиболее урожайным и энергоемким являются Дезире (157 ц/га), Жанна (159 ц/га) и Розана (129,4 ц/га).

Внедрение данных сортов поможет получить максимальную отдачу при минимальных затратах.

**Станислав ТЕУНОВ,
Мирон ХАНИЕВ**

Просо – высокодоходная крупяная культура в КБР

В прошлом столетии в Кабардино-Балкарии просо являлось ведущей крупяной культурой, и занимало 38,5 % пашни.

Наши предки изготавливали из него такие национальные напитки и блюда, как махсыма, паста, халуа, и другие. Несмотря на это, посевные площади проса не расширяются, а урожайность за последние годы не увеличилась. Посевная площадь составляет 12–15 тыс./га. Средняя урожайность 21,1 ц/га. Однако передовые хозяйства нашей республики (ОПХ «Опытное» Терского района, ЗАО НП «Рассвет» Прохладненского района и др.) выращивают эту культуру на больших площадях и получают высокие урожаи.

В то же время в хозяйствах (фермеры, арендаторы) до сих пор не могут преодолеть рубеж урожайности в 10–15 ц/га. Одной из главных причин этого следует считать шаблонное, а порой и неправильное применение удобрений, гербицидов, орошения и других технологических приемов, что не может не отразиться на объеме и качестве урожая, несмотря на то, что просо обладает сравнительно высокой потенциальной продуктивностью. Возделывание новых, более урожайных и качественных сортов при соблюдении экономически оправданных технологий их выращивания является главным составляющим успеха (*табл.*). Об этом свидетельствуют данные Терского и Баксанского ГСУ.

В наших исследованиях нами определена экономическая эффективность отдельных технологических приемов возделывания этой культуры.

Высокими показателями отмечались сроки посева, рентабельность составила 74,87 % при посеве с 30 апреля по 5 мая. Эффективной нормой высева является 4,5 млн всх. семян на гектар. При этом чистый доход с одного гектара составляет 10,1 тыс. руб., а уровень рентабельности 93,2 %. Внесение полного минерального удобрения в дозе N60P60K60 под

Урожайность в конкурсном сортоиспытании в Терском и Баксанском ГСУ

Название сорта	Урожайность за годы				Средняя урожайность	Отклонен. от стандарта		вегет. период (дней)
	2000	2001	2002	2003				
Терский ГСУ								
Чегет (ст.)	10,0	26,9	25,6	26,0	22,1	0	108	60
Доброе	–	–	23,2	–	23,2	+1,2	103	53
Золотистое	11,4	33,8	22,2	23,4	23,2	+1,1	92	57
Саратовское 12	–	–	–	25,1	25,1	+3,0	85	56
Эльбрус 10	11,5	30,8	23,4	25,3	32,8	+0,7	103	58
Баксанский ГСУ								
Чегет (ст.)	35,1	28,0	23,7	18,2	26,2	–0	129	70
Доброе	–	–	15,6	18,5	17,0	–9,0	95	66
Золотистое	28,8	28,9	23,2	15,9	24,2	–2,0	109	66
Эльбрус 10	34,9	32,0	28,4	20,3	28,2	–2,0	130	69

предпосевную обработку почвы обеспечило наибольшую экономическую эффективность. При этом чистый доход составил 11,8 тыс. руб., а рентабельность 104 %.

Лучшими предшественниками для проса являются горох, пшеница. При этом уровень рентабельности составил соответственно 120,8 и 139%. Более низкая урожайность наблюдалась по кукурузе на силос и зерно, что приводило к снижению чистого дохода с одного гектара и уровня рентабельности соответственно 41,5 и 39,3 тыс. руб., 40,5 и 38,4 %.

Выводы

1. Процесс формирования зерна имеет свою динамику и в значительной степени определяется сортовыми особенностями проса. Количество зерен метелки в среднем за 3 года по сортам составило: Чегет – 4,6; Доброе – 3,8; Эльбрус 10–9,2.

2. Наибольшая экономическая эффективность приемов возделывания проса достигнута сортами Чегет и Эльбрус 10 в лучших вариантах опытов.

Ученые, обсуждающие проблемы сердечных заболеваний, пришли к выводу, что от инфаркта миокарда может предохранить... чеснок. Препараты, изготовленные с чесноком, показали свое мощное и эффективное противодействие факторам риска при атеросклерозе. Несколько долек этого «народного целителя» уже снижает у большинства пациентов отложения солей в сосудах, уменьшается степень содержания холестерина.

Эликсир молодости: 400 г чеснока очистить, вымыть и натереть на терке, выжать сок 24 лимонов, смешать с чесноком и вылить в банку. Завязать горлышко марлей. Перед приемом взбалтывать. Принимать по чайной ложке, предварительно разведя раствор в стакане кипяченой воды. Через 1–2 недели пропадет сонливость, улучшается общее самочувствие, повышается работоспособность. Кроме того, считается, что чеснок обладает антисклерозным, общеукрепляющим действием.

Сок чеснока неплохо склеивает стекло и пластмассу. С его помощью можно закрепить стекло наручных часов, приклеить стеклянную полоску-ручку к раздвижным стеклам книжного шкафа – нужно лишь помазать склеиваемые части разрезанной чесночной долькой. Место склейки остается прозрачным.

А. Сафонов

Керосиново-мыльная аппликация.

Кусок мягкой холщовой ткани, без синтетики, смачивают керосином, отжимают. Аппликатор должен быть влажным, но керосин из него течь не должен.

Одну из его сторон намазывают хозяйственным мылом. Для этого ткань кладут на клеенку и по одной смоченной керосином поверхности ткани проводят несколько раз куском мыла, пока не образуется блестящий мыльный слой.

Аппликатор укладывают на спину «керосиновой» стороной (ненамыленной) на зону боли. Мыльный слой способствует тому, что при накладывании аппликатора на спину керосин не испаряется, а всасывается кожей спины. Сверху его закрывают клеенкой или целлофаном, а затем слоем ваты и завязывают вокруг талии или грудной клеткой платком или другой тканью.

Людям, длительно страдающим остеохондрозом, с частыми обострениями, рекомендуется шить специальный пояс для пояснично-крестцового и грудного отделов позвоночника.

Лечь с керосиново-мыльной аппликацией нужно на спине от 30 минут до 3 часов в зависимости от чувствительности кожи. Больной должен испытывать лишь легкое жжение и тепло. Периодически нужно контролировать степень покраснения кожи спины, учитывая, что очень длительное воздействие керосина на кожу может дать ожог, а очень кратковременное не даст лечебного эффекта.

Выполните 3–5 процедур с перерывами в 1–2–3–4 дня в зависимости от состояния кожи после предыдущей процедуры.

Керосиново-мыльная аппликация весьма эффективный лечебный метод, простой и доступный в домашних условиях. Оказывает противовоспалительное и противоболевое действие.

Е. Н. Вахрушева

Колонка редактора: из почты «ЛКБ»	3
Сафарби Хахов. Велга. Глава из повести	5
Ануар Кучинаев. Поэма скорби	19
Фатима Урусбиева. Обновление сказочного пространства. К 90-летию З. М. Улакова. Статья	34
Анатолий Парпара. Стихи	39
Геннадий Иванов. Стихи	41
Вадим Рахманов. Стихи	44
Людин Бозиев. Жадность не к добру. Новелла	45
Тамара Биттирова. Мастер исторической прозы. К 70-летию М. Ю. Ку- чинаева. Статья	51
Хасан Тхазеплов. Мелодии любви. Миниатюры	55
Анджелла Мусукаева. Этно-художественная основа романа Т. Адыгова «Щит Тибарда». Статья	64
К 50-летию Георгия Яропольского	69
Георгий Яропольский. Игра в жмурки. Стихи	70
Саладин Жилетежев. Кто такая мадемуазель Аиссе? Истор. очерк	75
Алим Алафаев. Стихи	89
Валерия Алафаева. Стихи	92
Хусейн Занкишиев. Особая командировка Хачима Кауфова. Очерк	94
Хасан Конаков. Бытование этики тюрок в современном обществе. Интервью	101
Фатима Хасанова. Стихи	105
Задин Маремов. След на земле. Очерк	107
Хурка Дзиева. Сын Кавказа. Стихи	112
Али Хамжуев. Стихи	113
Асланбек Мидов. Мыд захуэс – съезд Мидовых. Очерк-исследование	114
Артур Жемухов. Россия вчера и сегодня. Статья	120
Дыжьын Чурей. Музыкальное исполнительское мастерство зарубежных адыгов. Статья	130
Борис Мусукаев. Бинарная оппозиция в топонимах Балкарии. Статья ..	135
Леонид Шогенов. Лгун. Стихи	141
Керим Глигуров. Ищут вора. Ничья – 1:1. И водку можно. Свойки. Юмористические рассказы	142
Мурат Бекалдиев. Высокоурожайные сорта продовольственного карто- феля. Статья	155
Станислав Теунов, Мирон Ханиев. Просо – высокодоходная крупяная культура в КБР. Статья	156
Нам пишут	158

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации
№ Н-0150 от 16.12.98
Подписной индекс 78452

Технический редактор, компьютерная верстка – *О. Ф. Малюга*

Подписано в печать 20.11.07. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman PS MT. Печать офсетная. Усл. п. л. 10.
Уч.-изд. л. 8,75. Тираж 1850 экз. Заказ № 222.
36000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5. Тел.: 47-74-02, 42-75-22.
Отпечатано ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 года».
КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением дискеты и личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).
